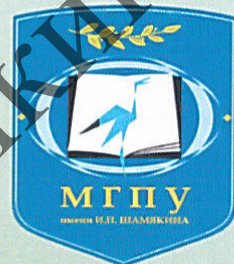

ISSN 2218-0362

ВЕСНИК

Мазырскага
дзяржаўнага
педагагічнага
ўніверсітэта
імя І. П. Шамякіна

МГПУ ІМ. І. П. ШАМЯКІНА
2022 1591

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
МОЗЫРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. И. П. ШАМЯКИНА

**Галоўны
рэдактар:**
В. М. Наўныка

**Намеснікі
галоўнага
рэдактара:**
В. С. Болбас,
Т. У. Паліева

**Рэдакцыйная
калегія:**
А. В. Солахаў
(адказны за рубрыку
“Філалагічныя
навукі” (беларуская
філалогія))
С. Б. Кураш
(адказны за рубрыку
“Філалагічныя
навукі” (руская
філалогія))

І. У. Журлова
(адказны за рубрыку
“Педагагічныя
навукі”)

І. В. Катовіч
(адказны за рубрыку
“Біялагічныя
навукі”)

А. Баршэўскі
І. А. Кавалевіч
У. І. Коваль
В. І. Парфёнаў
В. Ф. Русенкі
А. У. Сузько
Г. С. Тарасенка
Я. П. Урублеўскі
Л. С. Цвірко
Н. У. Чайка

Заснавальнік
Установа адукацыі
“Мазырскі
дзяржаўны
педагагічны
ўніверсітэт
імя І. П. Шамякіна”

Змест

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

- Бодяковская Е. А., Крикало И. Н., Климович А. И.* Видовое разнообразие чешуекрылых на территории заказника «Стрельский» и г. п. Озаричи Калининковского района 3
- Букиневич Л. А., Гуминская Е. Ю.* Структура растительного покрова лесных экосистем ландшафтного заказника «Стрельский» 9
- Дегтярёва Е. И., Петровская Т. А., Лебедев А. Н., Зинкевич Д. Д.* Антимикробные свойства янтаря в отношении золотистого стафилококка 16
- Котович И. В., Позывайло О. П., Баран В. П., Соболева Ю. Г., Петровский С. В.* Гепатоспецифический энзиматический профиль сыворотки крови коров-первотелок 23
- Лебедев Н. А.* Морфометрическая характеристика леща *Abramis brama* (Linnaeus, 1758) в нижнем течении р. Припяти 29
- Позывайло О. П., Дубина И. Н., Котович И. В., Пилецкая А. Н.* Гельминтозы собак города Мозыря 34
- Шевчик А. С., Котлерчук К. Д., Назарчук О. А.* Видовой состав совообразных (Strigiformes) Припятского Полесья 40

ПЕДАГАГІЧНЫЯ НАВУКІ

- Венкович Д. А.* Оценка уровня физического развития студентов неспортивного профиля I степени получения высшего образования 45
- Карпинская Т. В.* Модель формирования профессиональных компетенций педагога-инженера в процессе изучения дисциплины «Методика производственного обучения» 54
- Чечко Т. Н.* Историко-функциональные компетенции студентов-филологов: сущность и механизм формирования 62
- Щур С. Н.* Соотношение зависимости и свободы как философское основание рассмотрения проблемы обеспечения дисциплины в образовательной среде 69

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

- Al-Bdairi Ahmed Madlool Challab.* Dynamism of the development of father / mother character in the plays by W. Shakespeare «Macbeth» and «Hamlet» 75
- Бартош Ю. В.* COVID-19 в малых сетевых поэтических жанрах 82
- Гриб Ж. В., Семейко Л. В.* Общее и специфическое в номинативных системах русского и немецкого языков: лингводидактический аспект 88
- Кампаделли Р. А.* Словарно-дефиниционное поле концепта ИТАЛИЯ 93
- Кахно Т. А.* Фарміраванне гаданііі горада Мазыра 100
- Лихач Т. П.* Концептуализация образа уныния в религиозном сознании восточных славян в ситуации диглоссии 105

Адрас рэдакцыі:
вул. Студэнцкая, 28,
247777, Мазыр,
Гомельская вобл.
Тэл.: +375 (236) 24-61-29
E-mail:

vesnik.mgpr@mail.ru

Карэктар

А. У. Сузько

Камп'ютарная вёрстка

А. В. Юніцкая

Падпісана да друку

18.05.2022 г.

Фармат 60x90 1/8.

Папера афсетная.

Друк лічбавы.

Ум. друк. арк. 19,75.

Тыраж 100 экз.

Заказ № 167.

Установа адукацыі

“Мазырскі дзяржаўны

педагагічны

ўніверсітэт

імя І. П. Шамякіна”.

Вул. Студэнцкая, 28,

247777, Мазыр,

Гомельская вобл.

Пасведчанне

аб дзяржаўнай

рэгістрацыі сродку

масавай інфармацыі

№ 1233 ад 08.02.2010,

выдадзенае

Міністэрствам

інфармацыі Рэспублікі

Беларусь.

Рэспубліканскае

ўнітарнае

прадпрыемства

«Інфармацыйна-

вылічальны цэнтр

Міністэрства

фінансаў Рэспублікі

Беларусь».

Вул. Кальварыйская, 17,

220004, г. Мінск.

ЛП № 02330/89

ад 03.03.2014 г.

Меркаванні,

выказаныя аўтарамі,

могуць не супадаць

з пунктам погляду

рэдакцыі.

<i>Лукина О. А.</i> Экклезионимика как особое направление ономастики: проблемное поле, перспективы развития	111
<i>Марцынкевіч В. І.</i> Асацыятыў “дзіцячы ўзрост” як фактар фарміравання анамастычнага поля прагматонімаў (на матэрыяле намінацый прадуктаў харчавання)	117
<i>Мирошниченко А. С.</i> «Ловцы хайпа» и «виртуальные акулы»: наименования блогера в русскоязычных текстах белорусских СМИ	122
<i>Никитевич А. В.</i> О деривационном потенциале отдельных морфем в русских народных говорах. Префикс НЕДО-	129
<i>Тимошенко Е. И.</i> Вводные слова и конструкции как признак семантической неэлементарности предложения	135
<i>Яблонская О. Г., Новик В. В., Демидовец А. А.</i> Лингвокультурологические особенности фразеологизмов с лексемой «день/day»	140
<i>Янковская С. А.</i> Производные локативы в составе гнезд синтезированного типа (на материале русских и белорусских народных говоров)	146
<i>ПЕРСАНАЛІ</i>	152
<i>РЭЦЭНЗІ</i>	156

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 574.58

Е. А. Бодяковская¹, И. Н. Крикало², А. И. Климович³

¹Кандидат ветеринарных наук, доцент, доцент кафедры биологии и экологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Старший преподаватель кафедры биологии и экологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

³Студентка 3 курса 1 группы технолого-биологического факультета, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

**ВИДОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ЧЕШУЕКРЫЛЫХ НА ТЕРРИТОРИИ
ЗАКАЗНИКА «СТРЕЛЬСКИЙ» И Г. П. ОЗАРИЧИ КАЛИНКОВИЧСКОГО РАЙОНА**

В статье представлены результаты изучения видового разнообразия насекомых отряда Lepidoptera на территории Республиканского ландшафтного заказника «Стрельский» и г. п. Озаричи Калинковичского района. В результате исследования определено 18 видов бабочек из 7 семейств. Самыми многочисленными являлись: семейство Nymphalidae (9 видов), представители которого составили 50 % от общего числа видов чешуекрылых; семейство Satyridae (3 вида), соответственно 17 %, а также семейство Pieridae (2 вида), т. е. 11 %. Такие семейства, как Sphingidae, Lycaenidae, Papilionidae, Erebidae, представлены только одним видом, соответственно по 5,5 %.

Ключевые слова: Республиканский ландшафтный заказник «Стрельский», г. п. Озаричи Калинковичского района, видовое разнообразие, бабочки.

Введение

Чешуекрылые – важная, широко распространенная группа насекомых, играющая заметную роль в наземных биогеоценозах, в том числе антропогенных. Особенно существенна растительноядность большинства личинок, более того, гусеницы некоторых видов могут быть серьезными вредителями культурных и диких растений [1], [2]. Значительна роль ряда видов бабочек в опылении цветковых растений. Среди гусениц чешуекрылых есть и своеобразные симбионты муравьев, а также хищники, поедающие мелких равнокрылых (главным образом тлей) [1], [2], [3]. В процессе коэволюции организмов сформировалась трофическая сеть между автотрофами и гетеротрофами, в которую чешуекрылые включаются на стадиях личинки, куколки и имаго. Личинки и куколки являются звеньями в питании птиц и паразитических насекомых-энтомофагов. Имаго включаются в трофическую сеть значительно более широкого спектра консументов второго порядка – это разнообразные птицы, мелкие млекопитающие, пресмыкающиеся и др. [4]. Хорошая таксономическая изученность, сравнительно крупные размеры и дневная активность делают эту группу удобным объектом для различных экологических и мониторинговых исследований и зоогеографических построений [5].

Велико и эстетическое значение дневных бабочек. Многие из них вылавливались и вылавливаются в коллекционных целях. Это, наряду со многими другими причинами, приводит к существенному снижению численности популяций ряда видов. Некоторые из таких форм включены в Красные книги разных уровней [6]. Несмотря на хорошую изученность отряда Lepidoptera, видовой состав фаун отдельных регионов остается исследованным недостаточно. В связи с этим выбран определенный район исследований.

Цель – изучение видового разнообразия насекомых отряда Lepidoptera на территории Республиканского ландшафтного заказника «Стрельский» и г. п. Озаричи Калинковичского района.

Методы и методология исследования

Работа проводилась на территории заказника «Стрельский» и г. п. Озаричи в летний период 2020 года. Для наблюдений были выбраны биотопы, которые различаются комплексами растительных сообществ. Выбор точек исследований был связан с ландшафтными особенностями, распределением растительности, а также с антропогенной нагрузкой, оказываемой на эти биотопы.

Ландшафт местности обуславливает доминантные виды чешуекрылых, так как определяет пищевую приуроченность специфических видов бабочек.

Республиканский ландшафтный заказник «Стрельский» расположен в нижнем течении реки Припяти и включает территории с лугами и пойменными дубравами, а также участки надпойменной террасы. Здесь представлены почти все ландшафтные комплексы Белорусского Полесья, ценные геоморфологические особенности которых сочетаются с большим биологическим разнообразием природной среды. Особую природную ценность и территориальное своеобразие заказнику придают пойменные ландшафты реки Припяти. Уникальность и большое разнообразие естественной растительности обусловлено разнообразием почвенного покрова (выделено 40 почвенных разновидностей). Современный природный растительный покров заказника занимает около 80 % его территории. Ведущим типом растительности являются леса. Доминируют древостои сосны, ограниченно представлены ель и ольха черная. Особое значение имеют дубравы заказника, разнообразные по составу флоры и фитоценотической структуре, и дубравно-сосновые комплексы лесов Мозырской гряды [7]. Маршрут по территории ландшафтного заказника «Стрельский», общая протяженность которого составила 3 километра, проходил через различные биотопы: опушку леса, несколько просек. Наш маршрут затрагивал не один квартал леса, ольшаники, поляны, а также вторичные сукцессии, которые появились в заказнике после того, как в 2017 году массовое распространение жука-короеда привело к вырубке пораженных деревьев.

Поселок городского типа Озаричи расположен на моренно-водно-ледниковой равнине. Характерной чертой рельефа являются прямолинейные параллельные ложбины, унаследованные долинами рек, которые делят поверхность низины на ряд увалообразных повышенных участков и систему болотных и озерных понижений [8]. Общая протяженность маршрута по г. п. Озаричи составляла 3 км. Маршрут следования включал суходольный луг, смешанный лес, антропогенный участок.

В рамках исследования видового разнообразия чешуекрылых в заказнике «Стрельский» был использован только маршрутный метод ввиду типа этого природного объекта, а любые несанкционированные действия на территории, охраняемой государством, запрещены. Этот метод мы дополнили фотографированием объектов фауны, встреченных при прохождении маршрута. А при проведении исследования в г. п. Озаричи использовалось 2 метода: маршрутный метод и метод отлова летающих насекомых, а также осуществлялось фотографирование отдельных особей. Определение чешуекрылых проводилось при помощи определителя А. В. Сочивко, Л. В. Каабака («Определитель бабочек России. Дневные бабочки») [9]. Полученные результаты не являются абсолютными, а лишь свидетельствуют о проведенной работе.

В местах обитания чешуекрылых насекомых длительность учета составляла 1 час, что соответствует протяженности маршрута в 3 км, при этом охватывались все пространственные неоднородности рельефа.

Результаты исследования и их обсуждение

При проведении исследования на территории Республиканского ландшафтного заказника «Стрельский» и г. п. Озаричи было определено 18 видов бабочек из 7 семейств (рисунок 1). Самыми многочисленными являлись: семейство Nymphalidae (9 видов), представители которого составили 50 % от общего числа видов чешуекрылых; Satyridae (3 вида), соответственно 17 %, а также в тройку лидеров входило семейство Pieridae (2 вида), т. е. 11 % от общего числа видов бабочек. Такие семейства, как Sphingidae, Lycaenidae, Papilionidae, Erebidae, представлены только одним видом, соответственно по 5,5 %.

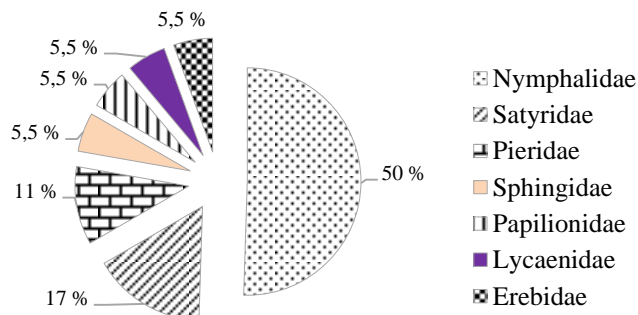

Рисунок 1. – Процентное соотношение представителей семейств отряда Чешуекрылые на территории заказника «Стрельский» и г. п. Озаричи

Видовое разнообразие бабочек определяется видовым составом цветковых растений, произрастающих на данной территории. Высокая трофическая специализация гусениц этого вида насекомых объясняет наличие или отсутствие определенных видов бабочек на данном ландшафте. Именно кормовая база стимулирует взрослых насекомых преодолевать большие расстояния для поиска биоценозов с большим разнообразием цветущих растений. Небольшое разнообразие представителей некоторых семейств обусловлено различными объективными причинами.

Так, например, представители семейства Papilionidae, как правило, – это охраняемые виды 1, 2 и 3 категорий, в связи с чем частота встречаемости представителей данного семейства крайне низкая. Представители семейства Lycaenidae теоретически достаточно многочисленны в изучаемых биотопах, однако, в силу того, что они обладают мелкими размерами, их сложнее визуализировать и морфологически идентифицировать. Некоторые бабочки и вовсе имеют маскировочную окраску на нижней стороне крыльев, и если насекомое сидит на коре дерева со сложенными крыльями, то крайне сложно заметить его издалека.

Еще одним фактором, который определяет разнообразие насекомых, является приуроченность видов к местообитаниям с определенной степенью увлажненности. В зависимости от этого критерия бабочки, как и другие насекомые, дифференцируются на следующие группы: гигрофильные, мезофильные и ксерофильные виды.

Гигрофилы – это те насекомые, которые приспособлены к обитанию в биотопах с очень высоким уровнем влажности. Живут они, в основном, на заболоченных территориях, во влажных лесах, в поймах рек, а также по берегам водоёмов [10]. Из встреченных нами взрослых представителей отряда Чешуекрылые предпочитают повышенную влажность *Papilio machaon*, *Gonepteryx rhamni*, *Aphantopus hyperantus*, *Issoria lathonia*, *Melitaea athalia*, *Apatura illa* (таблицы 1, 2).

Таблица 1. – Видовой состав насекомых отряда Lepidoptera на территории городского поселка Озаричи

Семейства	Представители	Количество особей
Nymphalidae	<i>Vanessa atalanta</i> (Адмирал), (Linnaeus, 1758)	20
	<i>Aglais urticae</i> (Крапивница), (Linnaeus, 1758)	36
	<i>Apatura illa</i> (Переливница тополевая), (Denis et Shiffermuller, 1775)	4
	<i>Issoria lathonia</i> (Перламутровка блестящая), (Linnaeus, 1758)	5
	<i>Polygonia c-album</i> (Углокрыльница с-белое), (Linnaeus, 1758)	2
	<i>Pararge aegeria</i> (Краеглазка эгерия), (Linnaeus, 1758)	4
	<i>Inachis io</i> (Павлиний глаз), (Linnaeus, 1758)	27
Pieridae	<i>Pieris brassicae</i> (Капустная белянка), (Linnaeus, 1758)	44
	<i>Gonepteryx rhamni</i> (Крушинница), (Linnaeus, 1758)	6
Sphingidae	<i>Agrius convolvuli</i> (Бражник вьюнковый), (Linnaeus, 1758)	3
Satyridae	<i>Maniola jurtina</i> (Воловий глаз), (Linnaeus, 1758)	6
Lycaenidae	<i>Polyommatus icarus</i> (Голубянка икар), (Rottemburg, 1775)	18
Papilionidae	<i>Papilio machaon</i> (Махаон), (Linnaeus, 1758)	7
Erebidae	<i>Arctia caja</i> (Медведица-кайя), (Linnaeus, 1758)	4

Таблица 2. – Видовой состав насекомых отряда Lepidoptera на территории Республиканского ландшафтного заказника «Стрельский»

Семейства	Представители	Количество особей
Nymphalidae	<i>Argynnis aglaja</i> (Перламутровка Аглая), (Linnaeus, 1758)	5
	<i>Melitaea athalia</i> (Шашечница аталия), (Rottemburg, 1775)	2
	<i>Pararge aegeria</i> (Краеглазка эгерия), (Linnaeus, 1758)	19
	<i>Inachis io</i> (Павлиний глаз), (Linnaeus, 1758)	21
Pieridae	<i>Pieris brassicae</i> (Капустная белянка), (Linnaeus, 1758)	36
	<i>Gonepteryx rhamni</i> (Крушинница), (Linnaeus, 1758)	10
Satyridae	<i>Coenonympha pamphilus</i> (Сенница памфил), (Linnaeus, 1758)	8
	<i>Aphantopus hyperantus</i> (Глазок цветочный), (Linnaeus, 1758)	12

Ксерофилы – это насекомые, которые обитают в условиях с чрезвычайно низкой влажностью. Они с легкостью могут переносить сухость воздуха в сочетании с высокой температурой. У представителей этой группы хорошо развиты механизмы регуляции водного обмена, а также

приспособления, которые способны задерживать влагу в организме [10]. Из взрослых насекомых отряда Чешуекрылые приспособлены к пониженной влажности: *Argynnis aglaja*, *Coenonympha pamphilus*, *Maniola jurtina*, *Arctia caja*, *Polygonia c-album* (таблицы 1, 2).

Мезофилы – это насекомые, которые обитают в условиях умеренной влажности, не слишком сухих, но и не очень влажных. Эта группа насекомых самая многочисленная, так как средний показатель увлажненности является самым оптимальным и самым распространенным на территории с умеренно-континентальным климатом [10]. Из имаго отряда Чешуекрылые предпочитают умеренную влажность: *Polyommatus icarus*, *Pieris brassicae*, *Inachis io*, *Pararge aegeria*, *Vanessa atalanta*, *Agrius convolvuli*, *Aglais urtica* (таблицы 1, 2).

При проведении исследования на территории городского поселка Озаричи определено 14 видов бабочек из 7 семейств. При этом самым разнообразным по количеству видов являлось семейство Nymphalidae (7 видов), т. е. 50 % от общего числа видов изученных чешуекрылых (рисунок 2). С заметным отрывом следовало семейство Pieridae (2 вида), т. е. 14 % от всех зафиксированных видов бабочек. Такие семейства, как Sphingidae, Lycaenidae, Papilionidae, Erebididae, представлены только одним видом, что составило по 7 % от общего числа видов насекомых отряда Lepidoptera.

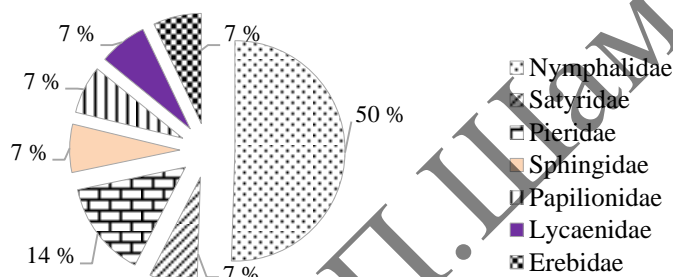

Рисунок 2. – Процентное соотношение представителей семейств отряда Чешуекрылые на территории городского поселка Озаричи

Преобладали бабочки таких видов, как *Pieris brassicae*, *Aglais urticae*, *Inachis io* (таблица 1). Доминантным видом чешуекрылых на данной территории являлся вид *Pieris brassicae*, так как кормовое меню гусеницы этого вида бабочек включает относительно широкий спектр видов растений, в том числе выращиваемых человеком для своих нужд.

Относительно редко встречались следующие виды чешуекрылых: *Papilio machaon*, *Maniola jurtina*, *Gonepteryx rhamni*, *Issoria lathonia*, *Apatura ilia*, *Pararge aegeria*, *Arctia caja*, *Agrius convolvuli*. При этом за весь период исследований было зафиксировано всего 2 представителя вида *Polygonia c-album*.

На территории Республиканского ландшафтного заказника «Стрельский» было зарегистрировано 8 видов дневных бабочек, которые являются представителями трёх семейств (рисунок 3).

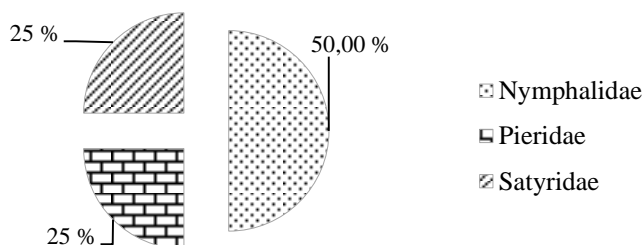

Рисунок 3. – Процентное соотношение представителей семейств отряда Чешуекрылые на территории заказника «Стрельский»

Из рисунка 3 видно, что на территории заказника «Стрельский» самым разнообразным являлось семейство Nymphalidae (4 вида), что составило 50 % от общего числа видов чешуекрылых, на семейство Pieridae и Satyridae приходилось по 2 вида, что соответствовало 25 %. Такое невысокое разнообразие видов чешуекрылых, вероятно, связано со значительно меньшим количеством

открытых территорий в заказнике, наличием маскировочной окраски на нижней стороне крыльев бабочек, что затрудняет обнаружение насекомого, и высокой трофической специализацией гусениц.

Количество особей каждого вида, которые были зафиксированы на территории заказника, представлено в таблице 2.

Согласно таблице 2 можно констатировать, что часто встречающимися видами на данной территории являлись *Pieris brassicae*, *Inachis io* и *Pararge aegeria*. Редко встречались такие виды, как *Agrynnis aglaja* и *Mielitae athalia*. Доминантным видом бабочек для данной территории также являлся вид *Pieris brassicae*.

Заклучение

Таким образом, в ходе проведенных исследований на территории Республиканского ландшафтного заказника «Стрельский» и г. п. Озаричи было определено 18 видов бабочек из 7 семейств. Самыми многочисленными являлись такие, как семейство Nymphalidae (9 видов), представители которого составили 50 % от общего числа видов чешуекрылых; семейство Satyridae (3 вида), соответственно 17 %. В тройку лидеров входило семейство Pieridae (2 вида), т. е. 11 % от общего числа видов бабочек. Такие семейства, как Sphingidae, Lycaenidae, Papilionidae, Erebidae, представлены только одним видом, соответственно по 5,5 %. Доминантным видом чешуекрылых на изученных территориях являлся вид *Pieris brassicae*. На территории городского поселка Озаричи Калинковичского района определено 14 видов бабочек из 7 семейств. При этом самым разнообразным по количеству видов являлось семейство Nymphalidae (7 видов). Преобладали бабочки таких видов, как *Pieris brassicae*, *Aglais urticae*, *Inachis io*. Редко встречаемыми видами бабочек были *Apatura ilia*, *Pararge aegeria*, *Arctia caja*, *Agrius convolvuli*, *Polygonia c-album*. На территории Республиканского ландшафтного заказника «Стрельский» самым разнообразным было семейство Nymphalidae (4 вида), представители которого составили 50 % от общего числа видов бабочек, на семейства Pieridae и Satyridae приходилось по 2 вида, что соответствовало 25 %. Часто встречающимися видами на территории заказника «Стрельский» являлись *Pieris brassicae*, *Inachis io* и *Pararge aegeria*. Редко встречались такие виды, как *Agrynnis aglaja* и *Mielitae athalia*. Видовое разнообразие цветковых растений играет главную роль в распределении чешуекрылых по фитоценозам. Полученные результаты будут использованы в дальнейшем при изучении видового разнообразия чешуекрылых на территории Полесского региона.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Татаринов, А. Г. Видовое разнообразие булавоусых чешуекрылых на европейском Северо-Востоке России / А. Г. Татаринов, М. М. Долгин. – СПб. : Наука, 2001. – 244 с.
2. Татаринов, А. Г. Закономерности формирования и динамика аркто-бореальной фауны и населения булавоусых чешуекрылых (Lepidoptera, Papilionoidea) на примере европейского Северо-Востока России : автореф. дис. ... д-ра биол. наук : 03.02.05 / А. Г. Татаринов ; ФГБУН «Зоологический институт РАН». – СПб., 2020. – 41 с.
3. Стрельцов, А. Н. Булавоусые чешуекрылые (Lepidoptera, Diurna) Западного Приамурья (эколого-зоогеографический обзор) : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.00.09 / А. Н. Стрельцов ; ИСЦЭЖ СО РАН. – Новосибирск, 1998. – 22 с.
4. Олешкевич, А. С. К вопросу о видовом разнообразии булавоусых чешуекрылых Брестского Полесья / А. С. Олешкевич // Молодой ученый. – 2016. – № 25 (129). – С. 140–143.
5. Татаринов, А. Г. Ландшафтно-зональное распределение булавоусых чешуекрылых (Lepidoptera: Papilionoidea, Hesperioidea) в северных областях Уральского хребта / А. Г. Татаринов, О. И. Кулакова // Вестн. Поморск. ун-та. Серия «Естественные и точные науки». – 2010. – № 3. – С. 86–89.
6. Бондаренко, А. В. История исследования булавоусых чешуекрылых Алтае-Саянской горной страны. Часть 2. Дополнение / А. В. Бондаренко // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2009. – № 323. – С. 343–347.
7. Лаптиева, Л. Н. Ресурсный потенциал развития экологического туризма в Мозырском районе / Л. Н. Лаптиева, А. Г. Чернецкая, Е. Е. Хамлюк // Вес. Беларус. дзярж. пед. ун-та. – 2011. – С. 53–58.
8. Якушко, О. Ф. Геоморфология Беларуси / О. Ф. Якушко, Л. В. Марьина, Ю. Н. Емельянов. – Минск : БГУ, 1999. – 173 с.

9. Сочивко, А. В. Определитель бабочек России. Дневные бабочки / А. В. Сочивко, Л. В. Каабак. – М. : Аванта+Астрель, 2012. – 320 с.

10. Бей-Биенко, Г. Я. Общая энтомология / Г. Я. Бей-Биенко. – М. : Высшая школа, 1966. – 496 с.

Поступила в редакцию 03.03.2022

E-mail: bea5555@yandex.by;
irinakrikalo@mail.ru; annuchka.klimovich@mail.ru

E. A. Bodyakovskaya, I. N. Krikalo, A. I. Klimovich

SPECIES DIVERSITY OF LEPIDOPTERA IN THE TERRITORY OF THE RESERVE “STRELSKY”
AND OZARICHI, AN URBAN-TYPE SETTLEMENT IN KALINKOVICHI DISTRICT

The article presents the results of studying the species diversity of insects of the Lepidoptera order on the territory of the Republican Landscape Reserve “Strelsky” and Ozarichi urban-type settlement in Kalinkovichi district. As a result of the study, 18 species of butterflies from 7 families were identified. The most numerous were the family Nymphalidae (9 species), whose representatives made up 50 % of the total number of lepidoptera species, the family Satyridae (3 species), respectively 17 %, and the family Pieridae (2 species), i.e. 11 %. Such families as Sphingidae, Lycaenidae, Papilionidae, Erebidae are represented by only one species, respectively 5.5 %.

Keywords: Republican landscape reserve “Strelsky”, Ozarichi settlement of Kalinkovichi district, species diversity, butterflies.

УДК 581.9

Л. А. Букиневич¹, Е. Ю. Гуминская²¹Старший преподаватель кафедры биологии и экологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь²Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, ведущий научный сотрудник группы по разведению и селекции мясного скота РУП «НПЦ НАН Беларуси по животноводству», г. Жодино, Республика Беларусь

СТРУКТУРА РАСТИТЕЛЬНОГО ПОКРОВА ЛЕСНЫХ ЭКОСИСТЕМ ЛАНДШАФТНОГО ЗАКАЗНИКА «СТРЕЛЬСКИЙ»

Описаны типы леса, выделены растительные ассоциации. Определены 256 видов растений. Проведен экологический анализ растительного покрова: доминируют гелиофиты (49,61%), мезофиты (51,21%) и мезотрофы (52,76%). Выделены географические элементы флоры. Выявлены 17 наиболее вредоносных для Беларуси видов.

Ключевые слова: тип леса, растительная ассоциация, экологическая группа, географические элементы.

Введение

Растительность Мозырского и Калинковичского районов имеет большое значение в поддержании биологического равновесия всего юго-востока Республики Беларусь. Большой вклад в изучение растительного покрова на протяжении двух веков внесли В. Г. Бессер, И. К. Пачоский, М. Твардовская, О. С. Полянская, В. А. Михайловская, Н. В. Козловская, В. И. Парфенов, Д. В. Дубовик, Д. И. Третьяков, М. А. Джус и другие ученые. Трансформация природных экосистем на территории Беларуси привела к исчезновению ряда видов растений и изменению флоры в целом. Сохранению в естественном состоянии различных типов ландшафтов, почвенных разностей, генетического фонда растительного и животного мира способствуют особо охраняемые природные территории (ООПТ), в том числе, заказники. Регулируемое их использование позволяет сохранить в первозданном виде болотные массивы, пойменные луга, величественные дубравы, многие редкие и охраняемые виды животных и растений [1]–[3].

Для обеспечения охраны уникальных ландшафтов, природных экосистем, дикорастущих ценных видов растений и видов, занесенных в Красную книгу Республики Беларусь, в 1999 году на территории Мозырского и Калинковичского районов Гомельской области создан Республиканский ландшафтный заказник «Стрельский» [4]. Располагается в пределах Полесского (широколиственно-лесного) подтипа ландшафтов. Поскольку в соответствии с Государственной программой «Охрана окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов» на 2016–2020 годы была поставлена цель увеличить процент ООПТ до 8,8% от территории страны, в том числе за счет особо охраняемых природных территорий местного значения, мониторинг лесной растительности заказника для обеспечения функционирования системы управления охраной окружающей среды в ООПТ является актуальным [1].

В процессе исследования выявлены доминирующие типы леса и растительные ассоциации ООПТ, определен их флористический состав, сделан экологический анализ. Проведен мониторинг видового состава инвазионных видов растений с выделением наиболее агрессивных из них.

Цель исследования: изучение структуры растительного покрова ландшафтного заказника «Стрельский» (Криничанское лесничество Мозырского района и Юровичское лесничество Калинковичского района) для разработки практических рекомендаций по сохранению и использованию охраняемой территории.

Методы и методология исследования

По лесорастительному районированию Беларуси территория Республиканского ландшафтного заказника «Стрельский» относится к Централно-Полесскому комплексу лесных массивов Полесско-Приднепровского лесорастительного района подзоны широколиственно-сосновых лесов [5].

Работа выполнялась в рамках задания 2.49 «Состояние и структура фитоценозов особо охраняемых природных территорий юго-востока Беларуси (на примере Мозырского и Калинко-

вичского районов)» государственной программы научных исследований «Природопользование и экология» на 2016–2020 годы (науч. руководитель – Валетов В. В., д-р биол. наук, профессор).

Маршрутным методом и методом заложения пробных площадок проведены флористические и эколого-фитоценологические исследования [6], [7].

Территория заказника (*Криничанское лесничество Мозырского района и Юровичское лесничество Калинковичского района*) покрывалась равномерной сетью маршрутов. Маршруты прокладывались таким образом, чтобы охватить наибольшее разнообразие местообитаний.

В период 2019–2020 годов проложено 10 маршрутов общей протяженностью 47154 м. На маршруте определяли его протяженность с помощью GPS-навигатора, с использованием топографической карты Республики Беларусь и карт-схем «План Криничанского лесничества ГОЛХУ “Мозырский опытный лесхоз”», «План Юровичского лесничества ГЛХУ “Калинковичский лесхоз”» [8], [9].

Результаты исследования и их обсуждение

Ведущим типом растительности исследуемой территории ландшафтного заказника республиканского значения «Стрельский» являются леса, среди которых доминирует сосновая формация. Боры и суборы занимают до 57 % лесопокрытой площади.

В формации сосновых лесов выделены 6 типов леса: сосняк орляковый, сосняк вересковый, сосняк кисличный, сосняк черничный, сосняк лишайниковый, сосняк мшистый.

Сосняк орляковый (Pinetum pteridiosum) приурочен к дерново-подзолистым супесчаным почвам на повышенных элементах рельефа, верхних частях склонов [10]. В пределах описанного типа леса определено место произрастания *Primula veris* (Мозырский район, выдел 4 квартала 83 Криничанского лесничества ГОЛХУ: в 1,9 километрах на юго-запад от деревни Стрельск), вида, включенного в список растений, нуждающихся в профилактической охране.

Сосняк вересковый (Pinetum callunosum) встречается в верхней части пологих склонов, на плато, приурочен к дерново-подзолистым песчаным почвам. Состав насаждений: от 10С, с примесью березы, до 5С4Б(б)1Д. Бонитет, в среднем, 2 класса. Здесь произрастают: *Chamaecytisus ruthenicus*, *Calluna vulgaris*, *Jasione montana*, *Silene tatarica*, *Hieracium pilosella*, пятнами – *Thymus serpyllum*. Выделены 2 ассоциации: сосняк березово-вересковый и раkitниково-вересковый.

Сосняк кисличный (Pinetum oxalidosum) приурочен к нижним частям склонов, плато, где преобладают дерново-подзолистые супесчаные почвы. Состав насаждений: 7–9С с примесью дуба, березы, редко – ели. Бонитет 1 и 2 классов. В подлеске – *Corylus avellana*, *Frangula alnus*, *Sorbus aucuparia*. Из травяно-кустарничкового яруса произрастают *Oxalis acetosella*, *Vaccinium myrtillus*, *Maianthemum bifolium*, *Galium verum*, *Cota tinctoria*, *Campanula oxysicifolia*, *Echium vulgare*. Выделена одна ассоциация: лишайново-кисличная.

Сосняк черничный (Pinetum myrtillosum) произрастает на супесчаных и песчаных почвах, на пониженных местообитаниях. Состав древостоя: 8С2Б, насаждения бонитета 1 класса. В подросте – *Quercus robur* и *Carpinus betulus*, в подлеске встречаются преимущественно *Juniperus communis*, *Frangula alnus*; в травяно-кустарничковом ярусе представлены *Vaccinium myrtillosum*, реже – *Vaccinium vitis-idaea*, *Pteridium aquilinum*. Выделены березово-черничная и можжевельниково-черничная ассоциации.

Сосняк лишайниковый (Pinetum cladinosum) приурочен к повышенным элементам рельефа, с бедными песчаными почвами. Формула древостоя: 10С, бонитет 4 класса. В подлеске – иногда *Juniperus communis*, в напочвенном покрове: *Cladonia sylvatica*, *Calluna vulgaris*, *Thymus serpyllum*, *Antennaria dioica*. Выделена вересково-лишайниковая ассоциация.

Из лиственных пород доминирующими на исследуемой территории являются формации дубовых (19,7 % от лесопокрытой площади) и березовых лесов (12,9 % от лесопокрытой площади).

Преобладают на исследуемых маршрутах дубняк кисличный, дубняк орляковый и дубняк прируслово-пойменный.

Дубняк кисличный (37,3 % от площади дубовых насаждений) – наиболее распространенный тип леса среди дубовых насаждений. Состав древостоя: от 6Д2Г1Ос1Б(б) до 4Д3С2Б(б)1Ос + Олч. Для его экотопов характерны ровные местоположения или незначительные склоны. Бонитет насаждений – 1 или 2 классов, возраст – от 50 до 150 лет. Здесь в примеси – граб, липа, клен, ясень, вяз. Это – сложные фитоценозы, как правило двухъярусные, в подлеске которых *Euonymus verrucosus*, *Corylus avellana*, *Sorbus aucuparia*. В напочвенном покрове: *Oxalis acetosella*, *Convallaria majalis*, *Trifolium europaea*. Выделены березово-кисличная, осиново-кисличная растительные ассоциации.

Дубняк орляковый (31,6 % от площади дубовых насаждений) произрастает на более повышенных местах. Выделена березово-орляковая растительная ассоциация [11]. В пределах дубняка орлякового определены места произрастания охраняемого вида III категории охраны *Prunella grandiflora* (Калинковичский район, граница выделов 9 и 14 квартала 81 Юровичского лесничества ГЛХУ «Калинковичский лесхоз»: в 4,5 километрах на юго-запад от агрогородка Юровичи) и двух видов, включенных в список нуждающихся в профилактической охране – *Campanula persicifolia* (Калинковичский район, граница выделов 9 и 14 квартала 81 Юровичского лесничества ГЛХУ: в 4,5 километрах на юго-запад от агрогородка Юровичи Юровичского сельского совета), *Anthericum ramosum* (Калинковичский район, выдел 7 квартала 81 Юровичского лесничества ГЛХУ: в 4,0 километрах на юго-запад от агрогородка Юровичи).

Дубняк прируслово-пойменный (15,8 % от площади дубовых насаждений) расположен на прирусловой части поймы. Выделена осоково-разнотравная ассоциация.

Формация березовых лесов является интразональной. На территории исследуемой части заказника березовые насаждения представлены: березняком орляковым, осоковым, кисличным, папоротниковым, черничным, приручейно-травяным, снытевым, мшистым и долгомошным.

Большие площади занимают березняк орляковый, осоковый и кисличный.

Березняк орляковый (33,0 % от площади березовых лесов) – доминирующий в формации березовых лесов. Его фитоценозы формируются на верхних частях склонов и на пологих повышениях. Это леса, в основном, возрастом 30–70 лет, имеются очень молодые насаждения. В составе древостоя: береза бородавчатая, осина, граб, сосна. Бонитет насаждений чаще 1, 1А классов, реже 2. Выделены ассоциации: осиново-орляковая, грабово-орляковая.

Достаточно широко представлен в заказнике *березняк кисличный* (12,2 % от площади березовых лесов). Произрастает на пологих склонах, на плато. В древостое: береза бородавчатая, осина, граб, дуб, с подлеском крушины, рябины, лещины, ивы. Возраст в среднем – 45–55 лет, имеются насаждения 10 и 130 лет. Бонитет насаждений чаще 1 класса. Выделена ассоциация: грабово-кисличная.

Состав древостоя *березняка черничного* (7,9 % от площади березовых лесов), расположенного на плато, на склонах: 6Б(б)2Д2Ос до 10Б(б) +Д. Иногда также встречается *Betula pubescens*. Древостой в хорошем состоянии, 2 класса бонитета, возраст деревьев 40–45 лет. В подлеске отмечены *Frangula alnus*, очень редко – *Salix fragilis*. Выделена ассоциация: осиново-черничная.

На небольших площадях с пониженным рельефом произрастает березняк снытевый, насаждения которого представлены в основном, *Betula pendula*. Также встречается *Populus tremula*, иногда – *Pinus sylvestris*. Возраст насаждений 25–35 лет, класс бонитета 1. В подлеске присутствуют *Euonymus verrucosus*, *Frangula alnus*, *Corylus avellana*. Выделена лещино-снытевая ассоциация.

Черноольховые леса занимают 3,6 % от лесопокрытой площади.

Доминирует на исследуемой части заказника *осоковый* (46,5 % от площади черноольховых лесов). Состав древостоя этих насаждений – от монодоминантных до 6Олч2Б(п)2С. Бонитет насаждений 2 класса, возраст 30–50 лет. В подросте – *Alnus glutinosa*, *Betula pubescens*; в напочвенном покрове – *Luzitachia pumularia*, *Carex vesicaria*, *Carex nigra* и др. Выделена ассоциация: березово-осоковая.

Черноольшаник крапивный (20,9 % от площади черноольховых лесов) произрастает вблизи рек, на пониженных территориях, частично – на склонах. В составе древостоя, кроме ольхи черной, встречаются дуб, граб, береза пушистая, береза бородавчатая, иногда ель, клен, вяз. Бонитет насаждений 1 класса, возраст 45–65 лет. В подлеске представлены черемуха обыкновенная и крушина ломкая; в напочвенном покрове – *Urtica dioica*, *Filipendula ulmaria*. Выделены дубняково-крапивная и таволгово-крапивная ассоциации.

На плато, на склонах с незначительным уклоном исследуемой территории заказника также представлены небольшие площади *осинников* (4,9 % от площади лиственных и смешанных лесов). Выделены 5 типов леса: орляковый, кисличный, снытевый, черничный, приручейно-травяной. Возраст насаждений – 40–80 лет; бонитет 1 класса. В составе древостоя – береза пушистая, береза бородавчатая, ольха черная, дуб, сосна.

Осина (2,0 % от лесопокрытой площади) чаще произрастает с березой, сосной, ольхой черной. Бонитет 1, 1А классов, редко 2. Среди *осинников* выделены 5 типов леса: орляковый, кисличный, снытевый, черничный, приручейно-травяной.

Грабовые леса занимают также небольшие территории (1,4 % от площади лиственных и смешанных лесов), чаще граб входит в состав древостоя смешанных лесов. Выделены 2 типа леса:

кисличный и снытевый. Средний возраст – 60 лет, бонитет 2–3 классов. В составе древостоя: клен, дуб, осина, ясень, береза.

Островными ассоциациями встречаются *ельники*, произрастают с сосной, березой пушистой, осиной, грабом. Выделен ельник-кисличник.

Ивняки представлены в поймах рек, на низинных и переходных болотах. Среди них: ива розмаринолистная (*Salix rosmarinifolia* L.), ива ломкая (*Salix fragilis* L.) и др.

В зарослях кустарников выявлено место произрастания *Sanguisorba officinalis*, включенного в список видов, нуждающихся в профилактической охране (Калинковичский район, выдел 1 квартала 81; выдел 45 квартала 70 Юровичского лесничества ГЛХУ).

Робиния лжеакация встречается отдельными небольшими локалитетами совместно с березой и осиной, бонитет 1 класса.

Таким образом, маршрутным методом и методом заложения пробных площадок определено 256 видов растений. Описанные виды относятся к 196 родам, 81 семейству, 7 классам, 6 отделам [12].

Наиболее обширными по количеству видов являются семейства: *Asteraceae* (35 видов); *Fabaceae* (17 видов); *Poaceae* (15 видов); *Caryophyllaceae* и *Rosaceae* (по 12 видов), *Scrophulariaceae* (11 видов).

При анализе флоры заказника были выделены экологические группы по отношению к абиотическим факторам. Такие исследования позволяют объяснить взаимосвязь растений и их среды обитания. По отношению к свету здесь доминируют гелиофиты (49,61%), произрастающие в суборах, светлых лиственных лесах. Среди них: *Betula pendula*, *Pinus sylvestris*; также растения опушек, просек (*Dianthus deltoides*, *Hypericum perforatum*). Тенелюбивых немного (3,62%): *Asarum europaeum*, *Chimaphila umbellata*, *Oxalis acetosella*. Факультативные гелиофиты составляют 46,77%. Это растения также нижних ярусов леса: *Sorbus aucuparia*, *Athyrium filix-femina*, *Asarum europaeum*, *Urtica dioica* и другие (таблица 1).

Таблица 1. – Экологические группы растений

По отношению к свету, %		По отношению к влаге, %		По отношению к трофности, %	
Гелиофиты	49,61	Мезофиты	51,21	Мезотрофы	52,76
Сциофиты	3,62	Ксерофиты	6,91	Эвтрофы	24,31
Факультативные гелиофиты	46,77	Гигрофиты	8,56	Олиготрофы	18,29
		Гидрофиты	2,84	Олигомезотрофы	4,74
		Гигромезофиты	7,72		
		Мезогигрофиты	5,70		
		Мезоксерофиты	4,87		
		Ксеромезофиты	11,38		
		Суккуленты	0,81		

Поскольку на исследуемой территории преобладают умеренно увлажненные экотопы, по отношению к влажности доминируют мезофиты. Типичными представителями мезофитов являются *Acer platanoides*, *Carpinus betulus*, *Corylus avellana*, *Urtica dioica*, *Oenothera biennis*. Гигрофиты (*Betula pubescens*, *Stellaria palustris*, *Persicaria amphibia*) и гидрофиты (*Nymphaea candida*, *Nuphar lutea*) составляют 8,56% и 2,84% соответственно. Выделены также гигромезофиты (7,72%) и мезогигрофиты (5,70%). Ксерофиты составляют 6,91% и произрастают, в основном, в сухих сосновых лесах на песчаных почвах, на вершинах склонов, на открытых участках (*Eryngium campestre*, *Jasione montana*, *Antennaria dioica*). Также отмечены переходные группы: мезоксерофиты (*Robinia pseudoacacia*) и ксеромезофиты (*Linaria vulgaris*, *Dianthus deltoides*); единичны суккуленты (*Sedum acre*, *Sempervivum soboliferum*). Таким образом, спектр гидроморф изученной территории носит мезофитный характер.

Большое влияние на жизнь растений оказывает трофность местообитаний. Она обуславливает биологическую продуктивность и зависит от количества биогенных элементов, находящихся в почве. Из описанных видов наиболее многочисленны мезотрофы (52,76%), среди которых – *Sorbus aucuparia*, *Fragaria vesca*, *Calamagrostis epigeios*, *Polygonatum odoratum* и др. Многие лиственные породы, еловые насаждения произрастают на более богатых почвах, поэтому эвтрофы составили 24,31% (*Paris quadrifolia*, *Betonica officinalis*, *Viburnum opulus*, *Myosotis palustris*). Олиготрофы (*Thymus serpyllum*, *Sedum acre* L., *Hypericum perforatum* L.) приурочены к суходолам, вершинам

склонов, просекам, дорогам (18,29 %). Встречаются также олигомезотрофы (4,74 %): *Campanula glomerata*, *Carex contigua* (таблица 1) [13].

При описании флоры выделены также *географические элементы*: плюризональные, бореальные, адвентивные, неморальные, сарматские, понтичско-сарматские. В пределах каждого элемента учитывают приуроченность вида к определенной части света [13].

Доминируют плюризональные виды, составляющие 24,7 %. Среди них *Convolvulus arvensis*, *Ajuga reptans*, *Pteridium aquilinum*. Широко представлены бореальные виды (23,1 %). По облесенным склонам оврагов встречаются бореальные евразийские виды – таежные растения, которые распространены от западной Европы до Дальнего Востока. Среди них: *Maianthemum bifolium*, *Rubus idaeus*. Бореально-сарматский вид *Campanula persicifolia* отмечен вдоль дорог и просек. Также по склонам оврагов, в зарослях кустарников выявлены бореальные голарктические виды: *Athyrium filix-femina*, *Equisetum sylvaticum*. Из бореальных евросибирских видов на охраняемой территории произрастают: в подлеске – *Frangula alnus*, по травянистым склонам оврагов – *Fragaria vesca*, в понижениях – *Alnus glutinosa*; среди европейских бореальных видов – *Corylus avellana*.

Неморальные (среднеевропейские) виды, наиболее характерные для южной половины республики, занимают более 12,2 % описанных видов. Это растения смешанных и широколиственных лесов Европы. На территории заказника они представлены деревьями – *Quercus robur*, *Carpinus betulus*, *Tilia cordata*; в суборях – *Asarum europaeum* и другими.

Из *сарматских видов*, произрастающих между южными степями и хвойными лесами на севере, на западе – не далее бывшей государственной границы СССР, на территории заказника произрастает *Genista tinctoria*; из *понтичско-сарматских* – *Rosa canina*.

Адвентивная фракция представлена 47 видами растений (более 18 %), встречающихся в разных экосистемах. Из адвентивной фракции выявлены 17 наиболее вредоносных для Беларуси видов [14]. Это *Acer negundo*, *Populus alba*, *Robinia pseudoacacia* – растения лиственных и смешанных лесов; *Sambucus racemosa* и *Sambucus nigra* – виды подлеска хвойных и смешанных лесов; на линии ЛЭП, просеках, вблизи полей произрастают *Galinsoga parviflora*, *Erechtites hieraciifolia*, *Solidago canadensis*; в пойме, по берегам рек и озер, на вырубках – *Oenothera biennis*, *Oenothera rubricaulis*; среди прибрежных кустарников, на пустырях – *Echinocystis lobata*; в озерах, на прибрежных территориях – *Acorus calamus*; в старицах, стоячих водоемах – *Elodea canadensis*. В настоящее время на территории заказника эти виды широкого распространения не имеют, поэтому необходим постоянный мониторинг с участием работников лесного хозяйства, школьников мест произрастания чужеродных видов, особенно, *Acer negundo*, *Robinia pseudoacacia*, *Solidago canadensis*, не допускать увеличения их площадей на охраняемой территории.

Практические рекомендации по сохранению естественных экосистем и биологического разнообразия на территории заказника «Стрельский»:

при составлении плана мероприятий по сохранению ландшафтов, природных экосистем, видового разнообразия растений и животных лесных территорий учитывать степень антропогенного воздействия и климатические изменения;

обеспечить восстановление видов и популяций растений путем рекультивации экосистем и восстановления ландшафтов; реинтродукции отдельных видов;

проводить мониторинг степени воздействия инвазивных видов на аборигенную флору, проводить мероприятия по сокращению занимаемых чужеродными растениями площадей;

повысить уровень информированности населения по сохранению видового разнообразия; в местах произрастания черноголовки крупноцветковой (3 категория охраны) и описанных видов профилактической охраны запрещается производить строительство зданий и сооружений; проводить мелиорацию земель; нарушать целостность почвенного покрова и лесной подстилки; проводить различные виды рубок, за исключением работ, по ликвидации возникших очагов вредителей, болезней леса и тушению пожаров, также научных заранее утвержденных работ по сохранению и расселению видов [1], [3], [4].

Заключение

Ведущим типом растительности ландшафтного заказника республиканского значения «Стрельский» являются леса, среди которых доминирует сосновая формация. Боры и субори занимают до 57 % лесопокрытой площади. В формации сосновых лесов выделены 6 типов леса. Из лиственных пород преобладающими на исследуемой территории являются формации дубовых

(19,7 % от лесопокрытой площади) и березовых лесов (12,9 % от лесопокрытой площади). Среди дубовых насаждений выделены 6 типов леса. В формации березовых лесов выделены 9 типов, сформированных при смене коренных сосновых и дубовых лесов.

В связи с вырубками и близким расположением населенных пунктов и дачных поселков выражены сукцессионные процессы. Дубовые насаждения возрастом 135–150 лет требуют особой охраны.

Маршрутным методом и методом заложения пробных площадок определено 256 видов растений. Описанные виды относятся к 196 родам, 81 семейству, 7 классам, 6 отделам. Наиболее обширными по количеству видов являются семейства: *Asteraceae*, *Fabaceae*, *Poaceae*, *Caryophyllaceae*, *Rosaceae* и *Scrophulariaceae*.

Был проведен экологический анализ растительного покрова. Особенности геоморфологического строения, почвенных разностей, гидрологических условий обуславливают на исследуемой территории доминирование гелиофитов (49,61 %), мезофитов (51,21 %) и мезотрофов (52,76 %).

Выделены географические элементы: плюризональные, бореальные, адвентивные, неморальные, сарматские, понтичско-сарматские. Доминируют плюризональные виды, которые составляют 24,7 % от всех описанных видов. Адвентивная фракция представлена 47 видами растений (более 18 %), встречающихся в разных экосистемах. Из адвентивной фракции выявлены 17 наиболее вредоносных для Беларуси.

Предложены практические рекомендации для сохранения естественных экологических систем, биологического разнообразия, охраняемых видов и видов, включенных в список профилактической охраны.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственная программа «Охрана окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов» на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : Постановление Совета министров Респ. Беларусь, 17 марта 2016 г. № 205 // Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. – 2016. – Режим доступа: <https://minpriroda.gov.by/ru/gosprog/>. – Дата доступа: 16.03.2020.

2. Стратегия по сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия [Электронный ресурс] / Постановление Совета Министров Республики Беларусь 19.11.2010 № 1707 (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь 03.09.2015 № 743) – Минск, 2015. – Режим доступа: <http://government.by>. – Дата доступа: 25.12.2020.

3. Конвенция о биологическом разнообразии. Пятый национальный доклад [Электронный ресурс] / Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа: <https://www.cbd.int>. – Дата доступа: 25.12.2020.

4. Красная книга Республики Беларусь. Растения: редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды дикорастущих растений / гл. редкол.: И. М. Качановский (предс.), М. Е. Никифоров, В. И. Парфенов [и др.]. – 4-е изд. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2015. – 448 с.

5. Юркевич, И. Д. География, типология и районирование лесной растительности Белоруссии / И. Д. Юркевич, В. С. Гельтман ; Ин-т эксперим. ботаники и микробиологии Акад. наук БССР. – Минск : Наука и техника, 1965. – 288 с.

6. Методы полевых экологических исследований : учеб. пособие / О. Н. Артаев [и др.] ; редкол.: А. Б. Ручин (отв. ред.) [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – 412 с.

7. Методы изучения лесных сообществ : монография / Е. Н. Андреева [и др.]. – СПб. : НИИ Химии СПбГУ, 2002. – 240 с.

8. Лесостроительный проект Государственного лесохозяйственного учреждения «Калинковичский лесхоз» Гомельского государственного производственного лесохозяйственного объединения на 2015–2024 гг. / А. П. Кулагин [и др.] ; Лесостроительное республиканское унитарное предприятие «Белгослес». – Минск, 2014. – 283 с.

9. Лесостроительный проект Государственного опытного лесохозяйственного учреждения «Мозырский опытный лесхоз» Гомельского государственного производственного лесохозяйственного объединения на 2016–2025 гг. / А. П. Кулагин [и др.] ; Лесостроительное республиканское унитарное предприятие «Белгослес». – Гомель, 2015. – 311 с.

10. Гуминская, Е. Ю. Эколого-фитоценотические исследования растительного покрова юго-западной части ландшафтного заказника «Стрельский» / Е. Ю. Гуминская, Л. А. Букиневич, В. А. Кравченко // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2020. – № 1. – С. 37–42.

11. Гуминская, Е. Ю. Флора и растительность лиственных лесов ландшафтного заказника «Стрельский» / Е. Ю. Гуминская, Л. А. Букиневич, А. И. Дрожжа // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2020. – № 2. – С. 9–13.

12. Определитель высших растений Беларуси / под ред. В. И. Парфёнова. – Минск : Дизайн ПРО, 1999. – 472 с.

13. Федорук, А. Т. Ботаническая география. Полевая практика / А. Т. Федорук. – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – 224 с.

14. Черная книга флоры Беларуси: чужеродные вредоносные растения / Д. В. Дубовик [и др.] ; под общ. ред. В. И. Парфенова, А. В. Пугачевского. – Минск : Беларус. навука, 2020. – 407 с.

Поступила в редакцию 19.01.2022

E-mail: bukinevich@yandex.by;
elena.huminskaya@yandex.ru

L. A. Bukinevich, E. Yu. Huminskaya

THE STRUCTURE OF THE VEGETATION COVER OF FOREST ECOSYSTEMS OF STRELSKY LANDSCAPE RESERVE

Types of forests are described, vegetal associations are distinguished, 256 plant species are defined. An ecological analysis of vegetation cover is run: heliophytes (49,61%), mesophytes (51,21%) and mesotrophs (52,76%). Plurizonal species prevail among geographical elements of flora (24,7%). 17 most deleterious species for Belarus are detected.

Keywords: type of forest, vegetal association, ecological group, geographical elements.

МГТУ ИМ. И. П. ШАМЯКІНА

УДК 579.24:552.579

Е. И. Дегтярёва¹, Т. А. Петровская², А. Н. Лебедев³, Д. Д. Зинкевич⁴

¹Кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры микробиологии, вирусологии и иммунологии, УО «Гомельский государственный медицинский университет», г. Гомель, Республика Беларусь

²Старший преподаватель кафедры микробиологии, вирусологии и иммунологии, УО «Гомельский государственный медицинский университет», г. Гомель, Республика Беларусь

^{3,4}Студенты 4 курса лечебного факультета, УО «Гомельский государственный медицинский университет», г. Гомель, Республика Беларусь

АНТИМИКРОБНЫЕ СВОЙСТВА ЯНТАРЯ В ОТНОШЕНИИ ЗОЛОТИСТОГО СТАФИЛОКОККА

*Выявлена противомикробная активность спиртового и ацетонового экстрактов из необработанного янтаря в отношении таких клинических изолятов *Staphylococcus aureus*, как БС-1, БС-9, БС-12, БС-19 (МПК от 2500 мкг/мл до 5000 мкг/мл), и водного раствора янтарной кислоты в отношении всех изучаемых клинических изолятов *S. aureus* и эталонного штамма из американской коллекции типовых культур (МПК – 2500 мкг/мл).*

*Ключевые слова: янтарь, янтарная кислота, экстракт, противомикробная активность, *Staphylococcus aureus*.*

Введение

Тысячелетиями складывались легенды и копились сведения о целебном янтаре, янтарной пудре и масле янтаря. Группа американских ученых провела исследование, доказавшее, что в янтаре содержится природный антибиотик, который успешно справляется с бактериями, устойчивыми к ранее известным антибиотикам.

Янтарь (*сукцинит*) – минералоид, окаменевшая ископаемая древесная смола, затвердевшая живица древнейших хвойных деревьев позднего мела и палеогена [1].

Янтарь неоднороден по своему составу: сложная смесь углеводов, смол, янтарной кислоты и масел. В состав янтаря входит более 40 соединений.

Натуральный минерал состоит из нескольких химических веществ: углерода (С), водорода (H₂), кислорода (O₂), серы (S). Необработанный камень – это высокомолекулярное соединение, в котором содержатся кислоты органического происхождения, как правило, с примесью серы. Обычно, дается следующая формула янтаря как «минерала» – C₁₀H₁₆O₄+(H₂S).

В 100 г янтаря находится 81 г углерода, 7,3 г водорода, 6,34 г кислорода, немного серы, азота и минеральных веществ. Количественные соотношения между отдельными элементами в янтаре подвержены колебаниям. Они непостоянны не только для янтаря одного месторождения или проявления, но даже для янтаря одного куска. Непостоянство состава не позволяет относить янтарь к минералам. Термин «янтарь» следует считать собирательным для целого ряда ископаемых смол. Характерным представителем этого ряда является сукцинит. С ним обычно отождествляется высококачественный янтарь [2].

Янтарь никогда не бывает химически чистым. В нем в виде примесей (от следов до 0,5 %) найдено более 30 химических элементов, таких как Y, V, Mn, Cu, Ti, Zr, Al, Si, Mg, Ca, Fe, Nb, P, Pb, Zn, Sr, Ba, Co, Na, Sr, Si, Sn, Mo, Yb.

Наличие их в основном связывают с механическими включениями минералов, преимущественно глины, кальцита, пирита. Главные и постоянные элементы-примеси в янтарях – кальций и железо.

До сих пор полный состав и строение янтаря не известны, в настоящее время они выясняются. Летучая его часть (около 10 % веса) – это ароматические соединения, терпены с 10 атомами углерода и сесквитерпены с 15 атомами углерода в молекуле. Из нелетучего остатка янтаря была выделена сукциноабетиноловая кислота (C₂₅H₄₀O₄) с двумя ОН-группами (одна карбоксильная). В чистом виде из янтаря выделены абетиновая кислота и ее изомеры: левопимаровая, палюстриновая, неоабетиновая, декстропимаровая и изодекстропимаровая кислоты. Первые четыре кислоты образуют химически родственную группу; они различаются между собой лишь положением двойных связей, которые легко смещаются внутри обоих колец. Абетиновая кислота наиболее устойчивая. Только из нее обычно состоят древние ископаемые смолы. Новые данные о строении

янтаря, полученные с помощью газовой и тонкослойной хроматографии, показали в его составе следующие кислоты: дегидроабетиновая, изодекстропимаровая, дегидроизопимаровая, сандаракпимаровая, диагатеновая и абетиновая. Они составляют 20–25 % растворимой в органических растворителях части *балтийского* янтаря. Остаток янтаря, не растворимый ни в одном из известных растворителей, назвали сукцинитом. Данные ИК-спектрометрии показали, что сукцинит содержит лактонные (сложные эфирные) группы и представляет собой сложный эфир [2].

Таким образом, янтарь состоит из трёх групп соединений:

1) летучих ароматических соединений – терпенов с 10 атомами углерода и сесквитерпенов с 15 атомами углерода в молекуле (около 10 % веса);

2) растворимых органических кислот: дегидроабетиновая, изодекстропимаровая, дегидроизопимаровая, сандаракпимаровая, диагатеновая и абетиновая и её изомеры: левопимаровая, палюстриновая, неоабетиновая, декстропимаровая и изодекстропимаровая кислоты. Они составляют растворимую в органических растворителях часть (20–25 %);

3) нерастворимых полиэфиров этих кислот со спиртами, образовавшимися из этих же кислот, – сукцинит. Содержание янтарной кислоты в сукцините колеблется от 3 до 8 %, наименьшее – в прозрачном сукцините (3,2–4,5 %), наибольшее – в выветренной поверхностной корке (8,2 %) [2].

По данным Ю. С. Шишковой, янтарная кислота оказывает неселективное антимикробное действие в отношении грамположительных, грамотрицательных бактерий и дрожжеподобных грибов [3].

Проблема устойчивости микроорганизмов к антибиотикам имеет глобальное значение и представляет широкий интерес с молекулярно-генетической, экологической и клинической точек зрения. На данный момент клинически значимые микроорганизмы можно разделить на чувствительные и устойчивые к действию антибиотиков. Резистентность микроорганизмов к антибактериальным средствам может быть врождённой и приобретённой, являться одним из примеров эволюции. Современные методики полногеномного секвенирования и комплексные базы данных нуклеотидных последовательностей дают представление о многогранности механизмов природной устойчивости к антибиотикам и способны дать информацию о генах, кодирующих метаболические ферменты и белки, регулирующие основные процессы физиологии бактерий [4].

Следовательно, лечение заболеваний, вызванных микроорганизмами, устойчивых ко многим антибиотикам, становится все более затрудненным, требуется использование альтернативных лекарственных препаратов [5].

Цель исследования: изучить антимикробные свойства спиртовых и ацетоновых экстрактов, полученных из необработанного балтийского янтаря.

Методы и методология исследования

Экстракция молекул органических кислот из порошка балтийского необработанного янтаря проводилась этиловым 96%-м спиртом и ацетоном. Для этого применили метод мацерации с 24-часовым периодом нагрева экстракционной смеси до температуры +35 °С в шейкере с частотой 120 перемешиваний в минуту. Спиртовые и ацетоновые экстракты через сутки отделяли от янтаря и фильтровали через бактериальные фильтры.

С целью снижения физико-химического воздействия спирта и ацетона на тестируемые микроорганизмы в дальнейшем отфильтрованные экстракты вносили во взвешенные пробирки и помещали в термостат с температурой +35 °С до полного выпаривания растворителя. Полное выпаривание ацетона произошло в течение суток, спирта – в течение трех суток. Проводились повторное взвешивание пробирок и вычисление сухого остатка экстракта [5].

Минимальные подавляющие концентрации (МПК) экстракта определяли методом микроразведений в стерильных полистироловых круглодонных 96-луночных планшетах (Starsedt, Германия) (рисунок 1).

Сухой ацетоновый экстракт растворяли в диметилсульфоксиде (DMSO), концентрация экстракта в DMSO – 20 мг/мл. DMSO – апротонный растворитель, в любых пропорциях смешивается с водой [6].

Далее из раствора DMSO готовили двукратные серийные разведения экстракта в питательном бульоне, в диапазоне концентраций от 10000 до 100 мкг/мл.

Рисунок 1. – Планшет серологический 96-луночный

Планшет заполняли следующим образом:

- 1) заполняем все лунки, кроме 1 ряда бульоном Мюллера – Хинтона по 100 мкл;
- 2) добавляем 200 мкл рабочего раствора экстракта в 1 ряд;
- 3) титруем экстракт с 1 по 11 лунки, перенося по 100 мкл из предыдущей лунки в следующую;
- 4) делаем взвесь микроорганизма с оптической плотностью 0,5 МакФарланд ($1,5 \times 10^8$ КОЕ/мл);
- 5) т.к. нужно в каждую лунку внести по 5×10^5 микроорганизмов, а оптическая плотность 0,5 МакФарланд составляет $1,5 \times 10^8$, то титруем бактериальную суспензию. Берем 180 мкл физраствора и добавляем 20 мкл взвеси микроорганизмов. Вносим по 5 мкл полученной смеси в каждую лунку. Но начинаем вносить с 12 ряда, чтобы не повышать концентрацию экстракта в лунках.

Таким образом, 12-й ряд лунок не содержал янтарного экстракта и использовался в качестве положительного контроля (контроль роста культуры). На одном планшете в рядах А–G определялась минимальная подавляющая концентрация одновременно для 8 штаммов микроорганизмов.

Для тестирования были использованы суточные культуры 20 клинических изолятов *Staphylococcus aureus*: БС-1–БС-20. В панель микроорганизмов для тестирования включен эталонный штамм из американской коллекции типовых культур (ATCC) *Staphylococcus aureus* ATCC 29213.

Планшеты инкубировали в термостате 24 часа при 35 °С. Учет минимальной подавляющей концентрации (МПК) проводили по отсутствию видимого роста микроорганизмов, сравнивая опытные и контрольные лунки, а также лунки с инокулированной питательной средой в камере для визуального считывания (зеркало+увеличитель) Thermo V4007 (рисунок 2).

Рисунок 2. – Камера визуального считывания Thermo V4007

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе проведенного исследования были изучены антибактериальные свойства спиртовых и ацетоновых экстрактов, полученных из порошка балтийского необработанного янтаря. Минимальные концентрации ацетоновых и спиртовых экстрактов, подавляющие рост золотистого стафилококка, представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Концентрации ацетоновых, спиртовых экстрактов, подавляющие рост тест-микроорганизмов (мкг/мл)

Тест-м/о	Ацетоновый экстракт	Спиртовой экстракт
	МПК (мкг/мл)	МПК (мкг/мл)
БС-1	10000	5000
БС-2	10000	10000
БС-3	10000	10000
БС-4	10000	10000
БС-5	10000	10000
БС-6	10000	10000
БС-7	10000	10000
БС-8	10000	10000
БС-9	5000	2500
БС-10	10000	10000
БС-11	10000	10000
БС-12	5000	2500
БС-13	10000	10000
БС-14	10000	10000
БС-15	10000	10000
БС-16	10000	10000
БС-17	10000	10000
БС-18	10000	10000
БС-19	2500	2500
БС-20	10000	10000
АТСС 29213	10000	10000

Из результатов, представленных в таблице 1, видно, что ацетоновые и спиртовые экстракты из порошка балтийского необработанного янтаря обладают антимикробными свойствами в отношении клинических изолятов *S. aureus*. Так как DMSO имеет собственную антибактериальную активность, то минимальные ингибирующие концентрации экстрактов в отношении тест-культур необходимо учитывать с содержания DMSO не более 5 % в смеси, что соответствует лункам с концентрацией экстракта 5000 мкг/мл и меньше. МПК спиртовых экстрактов в отношении тест-микроорганизмов выше, чем у ацетоновых. Следует отметить, что и спиртовые, и ацетоновые экстракты обладают антимикробными свойствами в отношении одних и тех же клинических изолятов *S. aureus* (БС-9, БС-12, БС-19) (рисунки 3, 4).

Минимальные ингибирующие концентрации спиртовых и ацетоновых экстрактов находились в диапазоне от 2,5 до 5 мг/мл. Чувствительность стафилококков к экстрактам янтаря характеризовалась штаммовой специфичностью (значения МПК в 2 раза отличаются для различных клинических изолятов *S. aureus*). По этой причине для получения сопоставимых данных по противомикробной активности в различных исследованиях необходимо включать в панель тестируемых микроорганизмов эталонные штаммы из международных коллекций.

Рисунок 3. – Планшеты, заполненные спиртовыми экстрактами из необработанного янтаря

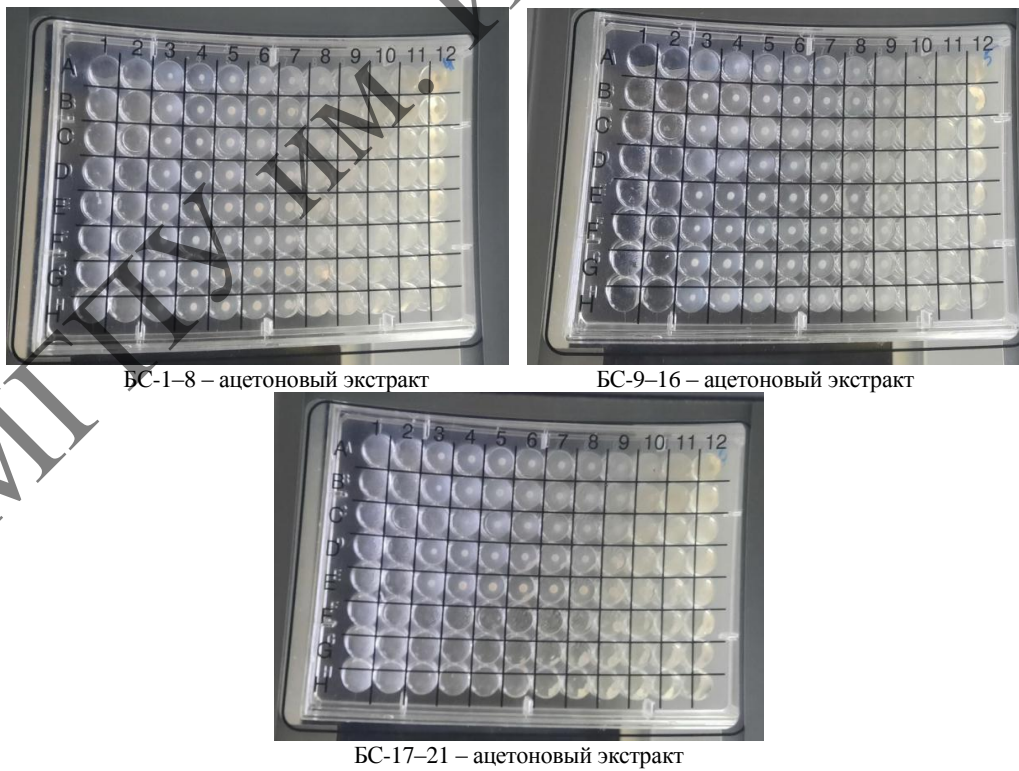

Рисунок 4. – Планшеты, заполненные ацетоновыми экстрактами из необработанного янтаря

96%-й спирт как экстрагент проявил себя лучше, чем ацетон, о чем свидетельствуют значения МПК и более широкий спектр воздействия на клинические изоляты золотистого стафилококка. Ацетон и спирт по всей вероятности экстрагировали из необработанного янтаря смолы и терпены, которые и дали осадок экстракта. Янтарная кислота хорошо растворяется даже в воде, поэтому можно предположить ее нахождение в экстрактах.

По литературным данным, известно, что при использовании сукцинатсодержащих препаратов в комплексном лечении острых инфекционных деструкций легких (37 больных – острый абсцесс легкого и 6 больных – гангрена легкого) отмечено уменьшение признаков гнойной интоксикации, более быстрое купирование синдрома системной воспалительной реакции, сокращение сроков пребывания в стационаре [7].

Применение реамберина у 59 больных с тяжелыми интраабдоминальными инфекциями, осложненными септическим шоком, имело результатом более быстрое (в среднем на 2,5 дня) разрешение воспалительного синдрома по сравнению с группой сравнения, а также привело к снижению летальности (20,7 % против 26,7 % в контрольной группе, $p < 0,05$) [8].

Таким образом, можно предположить, что янтарная кислота обладает бактерицидными свойствами в отношении возбудителей гнойно-септических инфекций. Для изучения антимикробных свойств янтарной кислоты были проведены дополнительные исследования. Для определения минимальных подавляющих концентраций (МПК) водного раствора янтарной кислоты был использован метод двукратных микроразведений. Для тестирования были использованы суточные культуры 20 клинических изолятов *Staphylococcus aureus*: БС-1–БС-20 и эталонный штамм из американской коллекции типовых культур (АТСС) *Staphylococcus aureus* ATCC 29213.

Минимальные концентрации янтарной кислоты, подавляющие рост золотистого стафилококка, представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Концентрации янтарной кислоты, подавляющие рост тест-микроорганизмов (мкг/мл)

Тест-м/о	Водный раствор янтарной кислоты
	МПК (мкг/мл)
<i>Staphylococcus aureus</i> БС-1–БС-20	2500
<i>Staphylococcus aureus</i> ATCC 29213	2500

Из результатов, представленных в таблице 2, видно, что водный раствор янтарной кислоты обладает антимикробными свойствами в отношении всех клинических изолятов *Staphylococcus aureus* и эталонного штамма из американской коллекции типовых культур. Минимальная ингибирующая концентрация водного раствора янтарной кислоты соответствует значению 2,5 мг/мл. Янтарная кислота широко применяется только в нетрадиционной медицине, а в официальной – остается незаслуженно забытой. Необходимо расширять знания о бактерицидных свойствах кислоты и шире применять ее в лечении гнойно-септических заболеваний. Ввиду большой распространенности ГСИ можно рассматривать янтарную кислоту в качестве альтернативного противомикробного препарата для местной терапии стафилококковых инфекций.

Заключение

Анализируя полученные данные, можно заключить, что:

1. Ацетоновые экстракты из порошка балтийского необработанного янтаря обладают антимикробными свойствами в отношении таких клинических изолятов *S. Aureus*, как БС-9, БС-12, БС-19.
2. Спиртовые экстракты обладают антимикробными свойствами в отношении таких клинических изолятов *S. Aureus*, как БС-1, БС-9, БС-12, БС-19.
3. Антимикробные свойства спиртовых экстрактов из янтаря выше, чем у ацетоновых.
4. Минимальная ингибирующая концентрация водного раствора янтарной кислоты в отношении *S. aureus* соответствует значению 2,5 мг/мл.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Perkovsky, E. E. Oldest amber species of Palaeoaphididae (Hemiptera) from Baikura (Taimyr amber) / E. E. Perkovsky, P. Wegierek // Cretaceous Research. – 2017. – Vol. 80. – P. 56–60.

2. Сребродольский, Б. И. Янтарь / Б. И. Сребродольский ; Академия наук СССР. – М. : Наука, 1984. – 112 с. – (Серия «Человек и окружающая среда»).
3. Изучение антимикробной активности некоторых двухосновных карбоновых кислот в сочетании с прополисом / Ю. С. Шишкова [и др.] // Медицинский Альманах. – 2014. – № 1 (31). – С. 99–101.
4. Основные принципы эволюции антибиотикорезистентности у бактерий / Н. В. Давидович [и др.] // Клиническая лабораторная диагностика. – 2020. – Т. 65, № 6. – С. 387–393.
5. Дегтярёва, Е. И. Бактерицидные свойства спиртовых и ацетоновых экстрактов плодовых тел *Ganoderma lucidum* и *Hericium erinaceus* / Е. И. Дегтярёва, С. А. Коваленко // Микробные биотехнологии: фундаментальные и прикладные аспекты : материалы XII междунар. науч. конф., посвящ. 55-летию Ин-та микробиологии НАН Беларуси, Минск, 7–11 июня 2021 г. / орг. ком. конф.: Э. И. Коломиец (председатель) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 191–193.
6. Антимикробные свойства спиртовых экстрактов *Ganoderma lucidum* (Curt.) P. Karst / Е. И. Дегтярева [и др.] // Всерос. Конгресс по медицинской микробиологии, эпидемиологии, клинической микологии и иммунологии (XXIV Кашкинские чтения) : сб. тез., Санкт-петербург, 9–11 июня 2021 г. [Опубл. в журн.] Проблемы медицинской микологии. – 2021. – Т. 23. – № 2. – С. 73.
7. Фуфаев, Е. Е. Реамберин в комплексном лечении острых инфекционных деструкций легких / Е. Е. Фуфаев, А. Н. Тулупов // Вести СПбМА им. И. И. Мечникова. – 2005. – № 1. – С. 137–139.
8. Ржеутская, Р. Е. Мембранотропное и дезинтоксикационное действие реамберина в комплексе интенсивной терапии у больных с тяжелой внебольничной пневмонией / Р. Е. Ржеутская // Вести СПбМА им. И. И. Мечникова. – 2005. – № 2. – С. 112–114.

Поступила в редакцию 24.02.2022

E-mail: elena.degtyaryova@tut.by; tuznik84@mail.ru ;
fantomcotic@gmail.com; zinkevich_ksenia@mail.ru

E. I. Degtyareva, T. A. Petrovskaya, A. N. Lebedev, D. D. Zinkevich

ANTIMICROBIAL PROPERTIES OF AMBER AGAINST STAPHYLOCOCCUS AUREUS

Antimicrobial activity of alcohol and acetone extracts from untreated amber was revealed in relation to such clinical isolates of *Staphylococcus aureus* as: BS-1, BS-9, BS-12, BS-19. (MPC from 2500 mcg/ml to 5000 mcg/ml), and an aqueous solution of succinic acid in relation to all studied clinical isolates of *Staphylococcus aureus* and a reference strain from the American Type Culture Collection (MPC – 2500 mcg/ml).

Keywords: amber, succinic acid, extract, antimicrobial activity, *Staphylococcus aureus*.

УДК 636.2:591.111.1

И. В. Котович¹, О. П. Позывайло², В. П. Баран³, Ю. Г. Соболева⁴, С. В. Петровский⁵

¹Кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой биолого-химического образования, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Кандидат ветеринарных наук, доцент, заведующий кафедрой биологии и экологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

³Кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой химии, УО «Витебская ордена “Знак Почета” государственная академия ветеринарной медицины», г. Витебск, Республика Беларусь

⁴Кандидат ветеринарных наук, доцент, доцент кафедры химии, УО «Витебская ордена “Знак Почета” государственная академия ветеринарной медицины», г. Витебск, Республика Беларусь

⁵Кандидат ветеринарных наук, доцент, директор НИИ прикладной ветеринарной медицины и биотехнологии УО «Витебская ордена “Знак Почета” государственная академия ветеринарной медицины», г. Витебск, Республика Беларусь

ГЕПАТОСПЕЦИФИЧЕСКИЙ ЭНЗИМАТИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ СЫВОРОТКИ КРОВИ КОРОВ-ПЕРВОТЕЛОК

Исследована активность гепатоспецифических ферментов (лактатдегидрогеназы, аминотрансфераз, щелочной фосфатазы, гамма-глутамилтранспептидазы) сыворотки крови коров-первотелок РСУП «Экспериментальная база «Криничная» Мозырского района Гомельской области. Установлено, что активность ферментов соответствует нормативным величинам для крупного рогатого скота. Наибольшая положительная корреляционная зависимость отмечена между активностью аланинаминотрансферазы и гамма-глутамилтранспептидазы, средняя положительная корреляция – между активностью лактатдегидрогеназы и аланинаминотрансферазы, а также между аланинаминотрансферазой и щелочной фосфатазой.

Положительная корреляция средней силы выявлена между активностью щелочной фосфатазы и уровнем альбумина, отрицательная зависимость – между активностью лактатдегидрогеназы и содержанием альбумина, активностью аспаратаминотрансферазы и общим белком, активностью гамма-глутамилтранспептидазы и альбумином сыворотки крови.

Полученные данные могут использоваться как ориентировочные величины для оценки физиологического состояния животных на разных этапах промышленной эксплуатации.

Ключевые слова: лактатдегидрогеназа, аминотрансферазы, щелочная фосфатаза, гамма-глутамилтранспептидаза, сыворотка крови, коровы, первая лактация.

Введение

Одной из приоритетных задач агропромышленного комплекса Республики Беларусь на 2021–2025 годы в соответствии с Государственной программой развития аграрного бизнеса является реализация потенциала продуктивности сельскохозяйственных животных. К 2025 году планируется довести объемы производства молока по стране до 9200 тыс. тонн, в том числе в Гомельской области – до 1289 тыс. тонн [1]. В современных условиях интенсификации и специализации животноводства потенциальная продуктивность не может быть достигнута только при обеспечении потребности животных в питательных веществах и энергии. Знание биохимических и физиологических закономерностей метаболических процессов у коров и способов профилактики их нарушений приобретает особое значение. Черно-пестрая порода молочного скота имеет высокий генетический потенциал продуктивности (до 8000 кг молока за лактацию). В то же время реализуется он недостаточно (не более чем на 55 %). Причинами снижения продуктивности являются концентрация животных на ограниченных площадях, дефицит полноценных кормов и несбалансированность их по питательным компонентам, нарушения обмена веществ, патологии различных органов, включая печень [2]–[5].

Печень является центром химического превращения веществ, поступающих из желудочно-кишечного тракта, и выполняет разнообразные функции, связанные с обеспечением обмена

углеводов, липидов, белков, нуклеиновых кислот. В гепатоцитах происходят глюконеогенез, синтез и распад гликогена, образование жирных кислот, холестерина, желчных кислот, кетонных тел, синтез белков крови. В печени также осуществляется метаболизм гормонов, детоксикация экзо- и эндогенных токсинов [6].

Большое разнообразие функций печени, множественность возможных патологий затрудняют выбор диагностических показателей при заболевании данного органа. Доминирующее значение в функциональной диагностике состояния печени имеет определение активности ферментов. При разных патологических процессах ферменты, локализующиеся в гепатоцитах, элиминируются в кровь [7]–[9].

Высокая специфичность ферментов позволяет использовать их в доклинический период заболеваний для выявления нарушений метаболизма, объективной оценки состояния организма животных на разных этапах их промышленной эксплуатации и своевременного проведения необходимых лечебно-профилактических мероприятий [7], [10]–[13].

Учитывая тесную взаимосвязь между печенью и системой крови, уточнение особенностей сывороточных биохимических нарушений при различного рода гепатопатиях у продуктивных животных (в том числе у крупного рогатого скота), представляет большой интерес для прикладной биологии [14], [15].

Целью наших исследований явилось определение активности гепатоспецифических ферментов сыворотки крови коров-первотелок.

В работе были поставлены следующие задачи:

- 1) определить активность лактатдегидрогеназы, трансаминаз, щелочной фосфатазы и гамма-глутамилтранспептидазы сыворотки крови коров-первотелок;
- 2) провести анализ корреляционной зависимости между активностью вышеуказанных ферментов, а также между активностью ферментов и содержанием общего белка и сывороточного альбумина.

Материал и методы исследования

Для решения вышеуказанных задач были отобраны коровы-первотелки (10 голов) чернопестрой породы Республиканского сельскохозяйственного унитарного предприятия (РСУП) «Экспериментальная база «Криничная» Мозырского района Гомельской области живой массой 450–500 кг. Кровь от животных брали из яремной вены утром до кормления с соблюдением правил асептики и антисептики в стерильные пробирки.

Биохимические исследования крови проводились в лаборатории кафедры химии учреждения образования «Витебская ордена “Знак Почета” государственная академия ветеринарной медицины» и в научно-исследовательской лаборатории «Экология животных и биомониторинг» технолого-биологического факультета учреждения образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».

Активность ферментов определяли на спектрофотометре «Solar PB 2201» с использованием наборов фирм «Spinreact» (Испания) – для лактатдегидрогеназы (ЛДГ); АО «Витал Девелопмент Корпорэйшн» (Российская Федерация) – для аспартатаминотрансферазы (АсТ), аланинаминотрансферазы (АлТ), щелочной фосфатазы (ЩФ) и гамма-глутамилтранспептидазы (ГГТП).

Лактатдегидрогеназную и аминотрансферазную активность определяли кинетическим методом по убыли в реакционной смеси НАДН(H^+), которую регистрировали на спектрофотометре при длине волны 340 нм.

В основе определения активности щелочной фосфатазы лежит унифицированный метод с образованием п-нитрофенола при гидролизе п-нитрофенилфосфата в глициновом буфере (рН = 10,4). Содержание п-нитрофенола устанавливали по приросту оптической плотности инкубационной смеси при 405 нм.

Определение активности гамма-глутамилтрансферазы (ГГТФ) проводили по реакции взаимодействия L- γ – глутамил-3-карбоксии-п-нитроанилида и глицил-глицина с образованием окрашенного 5-амино-2-нитробензоата, который определяли по изменению оптической плотности при 405 нм.

В международной системе единиц ферментативную активность выражают в каталах, а комиссией по ферментам рекомендована международная единица, поэтому мы рассчитали энзиматическую активность исследованных ферментов в единицах (Е/л) и в нанокаталах (нкат/л) на литр сыворотки крови.

Для более полной характеристики гепатоспецифического профиля сыворотки крови рассчитывали:

– соотношение активности трансаминаз (коэффициент де Ритиса);
 – корреляционные связи между активностью исследованных ферментов, а также между активностью ферментов и уровнем общего белка и альбумина, содержание которых определялось с использованием фотоэлектроколориметра КФК-3 и наборов АО «Витал Девелопмент Корпорэйшн» (Российская Федерация) и НТПК «Анализ-Х» (Республика Беларусь).

Статистическая обработка экспериментальных данных осуществлялась с использованием программ «Microsoft Excel» и «Statistica».

Результаты исследования и их обсуждение

Высокая молочная продуктивность коров-первотелок свидетельствует о напряженности биохимических процессов и предполагает высокую нагрузку на ряд систем и органов, включая печень. Мониторинг гепатоспецифических энзимов сыворотки крови позволяет достаточно объективно оценить функциональное состояние печени и при необходимости вносить коррективы в лечебно-профилактические мероприятия.

Среди гепатоспецифических ферментов в практике биохимической лабораторной диагностики наиболее часто определяют активность лактатдегидрогеназы (L-лактат: НАД-оксидоредуктаза; КФ 1.1.1.27), аспартатаминотрансферазы (L-аспартат: 2-оксоглутаратаминотрансфераза; КФ 2.6.1.1), аланинаминотрансферазы (L-аланин: 2-оксоглутаратаминотрансфераза; КФ 2.6.1.2), гамма-глутамилтранспептидазы (γ -глутамил-пептид: аминокислота; КФ 2.3.2.2), щелочной фосфатазы (КФ 3.1.3.1) [7]–[16].

Приводимые в литературе данные по указанным ферментам у животных чаще всего носят обобщенный характер, не учитывают возраст, направление и уровень продуктивности животных. В связи с этим мы определили активность гепатоспецифических энзимов сыворотки крови коров-первотелок (таблица 1).

Таблица 1. – Активность гепатоспецифических энзимов, содержание общего белка и альбумина сыворотки крови коров-первотелок черно-пестрой породы

Исследованные показатели	Единицы измерения	Min–Max	M \pm σ	Норма
Лактатдегидрогеназа	Е/л	270,88–879,11	481,42 \pm 180,172	119,00–1445,00
	нкат/л	4515,57–14654,76	8025,27 \pm 3003,473	1983,73–24088,15
Аспартат-аминотрансфераза	Е/л	69,84–92,54	79,09 \pm 7,982	11,00–160,00
	нкат/л	1164,23–1542,64	1318,50 \pm 133,051	183,37–2667,20
Аланин-аминотрансфераза	Е/л	8,73–20,95	14,14 \pm 4,069	1,30–60,00
	нкат/л	145,53–349,24	235,77 \pm 67,835	21,67–1000,20
АсТ : АлТ (коэффициент де Ритиса)		3,42–8,66	6,05 \pm 1,857	не нормируется
Гамма-глутамил-транспептидаза	Е/л	8,88–15,05	12,04 \pm 2,056	до 39,00
	нкат/л	148,03–250,88	200,74 \pm 34,277	до 650,13
Щелочная фосфатаза	Е/л	13,42–48,37	26,06 \pm 12,944	до 164,00
	нкат/л	223,71–806,33	434,39 \pm 215,771	до 2733,88
Общий белок	г/л	66,07–74,76	70,22 \pm 3,373	72,00–90,00
Сывороточный альбумин	г/л	31,10–42,76	38,38 \pm 3,227	18,00–46,00

Среди исследованных гепатоспецифических энзимов сыворотки крови наибольшей активностью обладает лактатдегидрогеназа, далее в убывающем порядке идут аспартатаминотрансфераза, щелочная фосфатаза, аланинаминотрансфераза и гамма-глутамилтрансфераза.

Лактатдегидрогеназа обеспечивает катализ обратимой реакции превращения пировиноградной кислоты в L-молочную.

Аминотрансферазы участвуют в организме животных в реакциях трансаминирования, играющих амфиболическую роль: с одной стороны, данные процессы являются первым этапом в катаболизме аминокислот, а с другой – обеспечивают синтез ряда заменимых аминокислот.

Лактатдегидрогеназа и трансаминазы являются индикаторными ферментами [17], [18].

Щелочная фосфатаза обеспечивает гидролиз сложных эфиров, содержащих фосфорную кислоту. Данный фермент относится к группе экскреторных энзимов. Он локализуется в плазматической мембране гепатоцитов и в клетках желчных канальцев, при закупорке которых выходит в кровь и является одним из индикаторов холестаза [13].

Гамма-глутамилтранспептидаза, называемая также гамма-глутамилтрансферазой, катализирует реакцию переноса γ -глутамильного остатка с γ -глутамилпептидов на аминокислоты или пептиды с образованием новых γ -глутамилпептидов и является одним из наиболее чувствительных скрининговых тестов на заболевания печени [7].

В наших исследованиях активность всех ферментов оказалась в пределах нормы [11]. Это свидетельствует о том, что со стороны печени у коров-первотелок нет патологических изменений. Подтверждает данное заключение и достаточно высокий уровень сывороточного альбумина, синтез которого происходит в печени. Альбумин участвует в транспорте ряда соединений в плазме крови, обеспечивает постоянство pH, регулирует онкотическое давление, является быстро реализуемым резервом белка. В то же время у 60 % исследованных животных обнаружено пониженное содержание общего белка сыворотки крови, что предполагает дальнейший мониторинг биохимических показателей, дающих оценку функционального состояния печени.

Определено соотношение активности трансаминаз, известное как коэффициент де Ритиса. Данный показатель часто используют для дифференциальной диагностики различных патологий организма животных. Повышенные значения показателя свидетельствуют о патологии миокарда, а низкие – о заболеваниях печени [12], [19]. Поскольку по соотношению активности АсТ:АлТ нет нормативных показателей, определенные нами значения (3,42–8,66) могут быть использованы в комплексе с другими биохимическими показателями как ориентировочные величины в оценке функционального состояния печени.

Нами также были рассчитаны корреляционные связи между исследованными ферментами (таблица 2).

Таблица 2. – Корреляции между показателями активности ферментов сыворотки крови коров-первотелок

Показатели	Коэффициент корреляции (r)
Лактатдегидрогеназа – аспаратаминотрансфераза	0,26
Лактатдегидрогеназа – аланинаминотрансфераза	0,41
Лактатдегидрогеназа – щелочная фосфатаза	-0,22
Лактатдегидрогеназа – гамма-глутамилтранспептидаза	0,20
Аспаратаминотрансфераза – аланинаминотрансфераза	-0,34
Аспаратаминотрансфераза – щелочная фосфатаза	-0,33
Аспаратаминотрансфераза – гамма-глутамилтранспептидаза	0,10
Аланинаминотрансфераза – щелочная фосфатаза	0,35
Аланинаминотрансфераза – гамма-глутамилтранспептидаза	0,78
Щелочная фосфатаза – гамма-глутамилтранспептидаза	0,01

Наибольшая корреляционная зависимость высокой силы была зарегистрирована между активностью АлТ и ГГТП. Средняя положительная корреляция установлена между активностью ЛДГ и АлТ, АлТ и ЩФ; отрицательная – между активностью АсТ и АлТ, а также АсТ и ЩФ.

С учетом того, что большинство белков крови синтезируется в печени, мы также рассчитали корреляционную зависимость между активностью исследованных ферментов и содержанием общего белка и альбуминов сыворотки крови (таблица 3).

Таблица 3. – Корреляции между показателями активности ферментов и содержанием общего белка и альбуминов сыворотки крови коров-первотелок

Показатели	Коэффициент корреляции (r)
Лактатдегидрогеназа – общий белок	0,22
Лактатдегидрогеназа – альбумин	-0,57
Аспаратаминотрансфераза – общий белок	-0,57
Аспаратаминотрансфераза – альбумин	-0,20
Аланинаминотрансфераза – общий белок	0,24
Аланинаминотрансфераза – альбумин	0,05
Щелочная фосфатаза – общий белок	0,20
Щелочная фосфатаза – альбумин	0,50
Гамма-глутамилтранспептидаза – общий белок	-0,06
Гамма-глутамилтранспептидаза – альбумин	-0,42

Положительная зависимость средней силы зарегистрирована между активностью щелочной фосфатазы и содержанием альбуминов, отрицательная корреляция такой же силы – между активностью ЛДГ и уровнем альбуминов, активностью АсТ и общим белком, активностью ГГТП и концентрацией альбумина сыворотки крови. В остальных случаях показатели корреляции имели низкие величины.

Заклучение

На основании проведенных исследований можно сделать следующие *выводы*:

1. В результате мониторинга активности лактатдегидрогеназы, аспартатаминотрансферазы, аланинаминотрансферазы, щелочной фосфатазы, гамма-глутамилтранспептидазы сформирован гепатоспецифический энзиматический профиль сыворотки крови коров-первотелок РСУП «Экспериментальная база «Криничная» Мозырского района Гомельской области. Активность указанных ферментов соответствовала нормативным критериям.

2. Рассчитаны корреляционные связи между активностью указанных ферментов, а также между активностью ферментов и уровнем общего белка и альбумина сыворотки крови. Наибольшая зависимость высокой силы установлена между активностью аланинаминотрансферазы и гамма-глутамилтранспептидазы. Средняя положительная корреляция выявлена между активностью лактатдегидрогеназы и аланинаминотрансферазы, а также в паре аланинаминотрансфераза – щелочная фосфатаза. Отрицательная корреляция средней силы отмечается между активностью трансаминаз, а также между активностью аспартатаминотрансферазы и щелочной фосфатазы.

Положительная зависимость средней силы зарегистрирована между активностью щелочной фосфатазы и содержанием альбумина, отрицательная корреляция такой же силы – между активностью лактатдегидрогеназы и уровнем альбумина, активностью аспартатаминотрансферазы и общим белком, активностью гамма-глутамилтранспептидазы и концентрацией альбумина сыворотки крови.

3. Показатели активности лактатдегидрогеназы, трансаминаз, щелочной фосфатазы, гамма-глутамилтранспептидазы в комплексе с другими биохимическими показателями могут быть использованы для мониторинга физиологического состояния коров-первотелок молочного направления продуктивности.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mshp.gov.by>. – Дата доступа: 10.02.2022.

2. Коваленок, Ю. К. Совершенствование способов лечения и профилактики микроэлементозов продуктивных животных / Ю. К. Коваленок // Ученые записки Витебской ордена «Знак Почета» гос. акад. ветеринар. медицины. – 2007. – Т. 43, вып. 1. – С. 105–108.

3. Ковзов, В. В. Диагностика нарушений обмена веществ у высокопродуктивных коров / В. В. Ковзов // Ученые записки Витебской ордена «Знак Почета» гос. акад. ветеринар. медицины. – 2007. – Т. 43, вып. 1. – С. 109–111.

4. Разумовский, Н. П. Высокопродуктивные коровы: обмен веществ и полноценное кормление : практическое пособие для ветеринарных врачей, зооинженеров, студентов факультета ветеринарной медицины, зооинженерного факультета и слушателей ФПК / Н. П. Разумовский, В. В. Ковзов, И. Я. Пахомов. – Витебск : УО ВГАВМ, 2007. – 290 с.

5. Никанов, А. Ю. Биохимические и экологические аспекты формирования продуктивного здоровья первотелок и получения молока с высокими биологическими и гигиеническими свойствами : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.01.04 / А. Ю. Никанов ; Всерос. НИИ животноводства им. акад. К. Э. Эрнста. – Дубровицы, 2015. – 22 с.

6. Маршалл, В. Дж. Клиническая биохимия / В. Дж. Маршалл ; пер. с англ. ; под ред. Н. И. Новикова. – М. – СПб. : «БИНОМ» – «Невский диалект», 2000. – 368 с.

7. Методы ветеринарной клинической лабораторной диагностики : справочник / И. П. Кондрахин [и др.] ; под ред. проф. И. П. Кондрахина. – М. : КолосС, 2004. – 520 с.

8. Титов, В. Н. Патологические основы лабораторной диагностики заболеваний печени / В. Н. Титов // Клинич. лаб. диагностика. – 1996. – № 1. – С. 3–9.

9. Тишківський, М. Я. Ферментативна функція печінки у корів, хворих на алиментарну дистрофію / М. Я. Тишківський, В. І. Головаха // Вісник Білоцерківського держ. аграр. ун-ту : зб. наук. праць. – Біла Церква, 1997. – Вип. 3, ч. 1. – С. 155.

10. Беляков, И. М. Функционально-метаболический статус и его коррекция при острой печеночной недостаточности у животных : автореф. дис. ... д-ра вет. наук : 16.00.02 / И. М. Беляков ; Моск. гос. ун-т прикладной биотехнологии. – М., 2000. – 50 с.

11. Нормативные требования к показателям обмена веществ у животных при проведении биохимических исследований крови / С. В. Петровский [и др.]. – 2-е изд., стереотип. – Витебск : ВГАВМ, 2020. – 68 с.

12. Холод, В. М. Справочник по ветеринарной биохимии / В. М. Холод, Г. Ф. Ермолаев. – Минск : Ураджай, 1988. – 168 с.

13. Хвостова, О. В. Биохимические показатели крови при различных функциональных состояниях печени у крупного рогатого скота / О. В. Хвостова // Вестник ВГМУ. – 2004. – Т. 3, № 3. – С. 23–28.

14. Соболева, Ю. Г. Гепатоспецифический метаболический профиль сыворотки крови крупного рогатого скота при фасциолезной инвазии / Ю. Г. Соболева // Ученые записки учреждения образования «Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины». – 2009. – Т. 45, ч. 1, вып. 2. – С. 257–260.

15. Холод, В. М. Рекомендации по использованию в диагностике патологии печени гепатоспецифического метаболического профиля сыворотки крови крупного рогатого скота : утв. ГУВ МСХиП РБ 21.03.2008 г. / В. М. Холод, Ю. Г. Соболева. – Витебск : ВГАВМ, 2008. – 31 с.

16. Номенклатура ферментов. Рекомендации (1972 г.) Международного биохимического союза по номенклатуре и классификации ферментов. – М., 1979. – 320 с.

17. Камышников, В. С. Методы клинических лабораторных исследований / В. С. Камышников. – М. : МедПресс-Информ, 2015. – 736 с.

18. Комаров, Ф. И. Биохимические исследования в клинике / Ф. И. Комаров, Б. Ф. Коровкин, В. В. Меньшиков. – Элиста : АПП «Джангар», 1999. – 250 с.

19. Особенности белкового обмена у коров-первотелок в различные периоды лактации в условиях промышленного производства молока / О. П. Позывайло [и др.] // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та. – 2012. – № 3 (36). – С. 45–49.

Поступила в редакцию 22.02.2022

E-mail: ivkotovich@mail.ru; oppozyvailo@mail.ru;

I. V. Kotovich, O. P. Pozyvailo, V. P. Baran, Yu. G. Soboleva, S. V. Petrovsky

HEPATOSPECIFIC ENZYMIC PROFILE OF FIRST-CALF COWS' BLOOD SERUM

The activity of hepatospecific enzymes (lactate dehydrogenase, aminotransferases, alkaline phosphatase, gamma-glutamyl transpeptidase) in the blood serum of first-calf cows of the Republican Agricultural Unitary Enterprise "Experimental base "Krinichnaya", Gomel region, was studied. It has been established that the activity of enzymes corresponds to the normative values for cattle. The highest positive correlation was noted between the activity of alanine aminotransferase and gamma-glutamyl transpeptidase, the average positive correlation was between the activity of lactate dehydrogenase and alanine aminotransferase, as well as between alanine aminotransferase and alkaline phosphatase.

A positive moderate correlation was found between the activity of alkaline phosphatase and the level of albumins, a negative relationship was revealed between the activity of lactate dehydrogenase and the content of albumin, the activity of aspartate aminotransferase and total protein, the activity of gamma-glutamyl transpeptidase and blood serum albumin.

The data obtained can be used as approximate values for assessing the physiological state of animals at different stages of industrial operation.

Keywords: lactate dehydrogenase, aminotransferases, alkaline phosphatase, gamma-glutamyl transpeptidase, blood serum, cows, first lactation.

УДК 576 (476)

Н. А. Лебедев

Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, доцент кафедры биологии и экологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

**МОРФОМЕТРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕЩА *ABRAMIS BRAMA* (LINNAEUS, 1758)
В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. ПРИПЯТИ**

Определены основные меристические признаки леща *Abramis brama* (Linnaeus, 1758) в нижнем течении р. Припяти: D III 9 (10), A III 23–27 (в среднем 25,3), число чешуй в боковой линии 51–57 (в среднем 53,5), количество жаберных тычинок 20–25 (в среднем 22,8). Глоточные зубы однорядные с формулой 5:5, изредка 6:5. Сопоставление меристических признаков популяции леща в 2021 г. в р. Припяти с аналогичными данными за 1983–1984 гг. по р. Припяти показало практически полное совпадение средних значений по всем проанализированным показателям. У половозрелых особей в августе 2021 г. гонады находились на III стадии зрелости половых продуктов. У оплодотворенных особей определены коэффициенты упитанности по Фультону и по Кларк. Разница в коэффициентах упитанности, по Фультону и по Кларк, между половозрелыми самками и самцами недостоверна ($P > 0,05$). Напротив, коэффициенты упитанности, по Фультону и по Кларк, у ювенильных особей достоверно ниже, чем у половозрелых особей ($P < 0,05$).

Ключевые слова: лещ, *Abramis brama*, меристические и пластические признаки, коэффициент упитанности, река Припять.

Введение

Река Припять относится к равнинным водотокам со смешанным типом питания, протекает на юге Беларуси по Полесской низменности и впадает в Киевское водохранилище (бассейн Черного моря). В ихтиологическом отношении это река с наибольшим видовым разнообразием рыб в Республике Беларусь. Одним из наиболее ценных объектов промыслового и любительского рыболовства р. Припяти является лещ, относящийся к семейству Карповые (*Cyprinidae* Fleming, 1822), роду Лещи (*Abramis* Cuvier, 1816). В. Г. Костоусов, В. К. Ризевский [1] отмечают, что в водоемах Беларуси лещ распространен в бассейнах всех главных рек, заселяя многие озера, водохранилища, реки (за исключением малых). Из обследованных 225 озерных водоемов, для которых установлен состав ихтиофауны, лещ отменен в 169 (75,1 %) [1]. Лещ обладает ценным химическим составом, зависящим от возраста, пола, степени зрелости гонад, условий обитания. Так, по данным И. Я. Клейменова, 1962 [2], в мышечной ткани леща в Азово-Черноморском районе в зависимости от условий обитания и жизненного цикла количество воды составляет 71,4–77,0 %, белка – 16,6–18,5 %, жира – 3,0–10,6 %, минеральных веществ – 1,0–1,1 %. Исследования, проведенные А. А. Паютой, Е. А. Флеровым [3], показали, что химический состав мышечной ткани, печени и гонад у леща существенно варьирует в зависимости от возраста, пола, стадии зрелости гонад. Таким образом, лещ сочетает в себе ряд ценных особенностей: широкое распространение в водоемах Беларуси, многочисленность, относительно высокий темп роста, высокие питательные и вкусовые качества. Учитывая вышесказанное, биолого-экологические особенности леща подробно изучались белорусскими ихтиологами [1], [4]–[6]. Так морфометрические особенности леща в р. Припяти исследовались В. К. Ризевским [4] свыше 36 лет, В. С. Пенязь и др. [5] свыше 50 лет назад. За этот период времени в р. Припяти произошли не только температурные (среднегодовое повышение температуры воды), но и гидрологические изменения (сдвинулись сроки наступления ледостава, половодья и др.). Кроме того, в бассейн р. Припяти проникли новые инвазийные виды рыб (ротан-головешка, бычок-голец, бычок-кругляк и др.), произошло снижение доли ценных в промысловом отношении видов рыб [7], существенно усилился пресс со стороны рыболовов-любителей, в том числе за счет широкого внедрения в рыболовную практику новых технических средств и способов лова рыбы (использование эхолотов, фидерной ловли и др.). Следует также учитывать, что морфологические аномалии у молодежи массовых видов рыб, включая леща, могут использоваться в качестве биомаркера морфофизиологического состояния популяций разных видов рыб (А. К. Минеев, 2018) [8]. Современные данные по морфометрическим признакам леща в р. Припяти отсутствуют. В этой связи целью работы явилось определение морфометрических особенностей и упитанности леща

Abramis brama в нижнем течении р. Припяти и сравнение полученных данных с более ранними исследованиями других авторов.

Методы и методология исследования

Отловы рыб проведены фидерной снастью на расстоянии 25–35 м от берега в августе 2021 г. в нижнем течении р. Припяти вблизи деревни Скрыгалов Мозырского района. Всего было отловлено и обработано 30 особей леща длиной от 191 до 470 мм и массой от 54,3 до 1125,6 г. Возраст отловленных особей варьировал от 2+ до 8+ лет. Правилами любительского рыболовства (утверждены Указом Президента Республики Беларусь от 21.07.2021 № 284) промысловая мера для леща не установлена [9]. Определение морфометрических показателей, стадии зрелости гонад и возраста проведено по общепринятым в ихтиологии методикам на свежем материале; измерение выполнено по схеме измерения карповых рыб [10]. Меристические признаки определялись у 30 особей, пластические признаки исследовались только у половозрелых рыб (19 экземпляров). Из меристических признаков определялись: количество лучей в спинном и анальном плавниках, полная формула боковой линии, количество жаберных тычинок, характеристика глоточных зубов. Из пластических признаков изучались: длина тела без хвостового плавника, длина туловища, длина рыла, горизонтальный диаметр глаза, заглазничное расстояние, длина головы, ширина лба, наибольшая и наименьшая высота тела, наибольшая толщина. Измерения пластических признаков выполнены с помощью мерной доски, линейки и штангенциркуля. Взвешивание рыбы проводилось на лабораторных весах Scout Pro SPS2001F с дискретностью измерения 0,1 г. Для определения пола и степени зрелости половых продуктов выполнялось вскрытие рыбы. Определение стадии зрелости гонад проводилось по шестибалльной шкале с использованием макроскопических признаков [10]. Для оценки упитанности вычислялись коэффициенты по Фультону и по Кларк. Статистическая обработка материала проведена в пакете Excel по стандартной методике. Для оценки достоверности различий использовался критерий Стьюдента.

Результаты исследования и их обсуждение

Меристические признаки леща в нижнем течении р. Припяти приведены в таблице 1.

Таблица 1. – Меристические признаки *Abramis brama* в нижнем течении р. Припяти (30 экземпляров, август 2021)

Признак	min-max	$M \pm m$	σ	C_v , %	По Бергу (данные для Невской губы) [11]	По Жукову (данные для Днепра) [6]	По Ризевскому (данные для р. Припяти, 1983–1984 гг.) [4]
Кол-во лучей в D	D III 9 (10)	D III 9,03±0,03	0,18	2,0	D III 9 (10)	8–10 (11), в среднем 9,11±0,05	D III 8–10, в среднем 8,97±0,01
Кол-во лучей в A	A III 23–27	A III 25,27±0,18	1,01	4,0	A III (23) 24–30, в среднем 27,4	(21) 22–28 (30), в среднем 25,08±0,14	A III 22–28, в среднем 25,06±0,08
Боковая линия	12–14 51–57 6–8	12,90±0,09 53,47±0,30 6,70±0,10	0,48 1,63 0,53	3,7 3,1 7,8	(50) 51–60, в среднем 55,2	49–56 (58), в среднем 52,75±0,17	49–58, в среднем 53,29±0,21
Жаберные тычинки, шт.	20–25	22,83±0,21	1,15	5,0	19–24, в среднем 22,5	18–24, 20,85±0,15	не определялось

Примечание – min-max – минимальные и максимальные значения; $M \pm m$ – среднее значение и ошибка средней; σ – среднеквадратичное отклонение; C_v – коэффициент изменчивости.

Как видно из таблицы 1, лещ в нижнем течении р. Припяти характеризуется следующими меристическими признаками: D III 9 (10) (среднее значение 9,03), A III 23–27 (в среднем 25,3), число чешуй в боковой линии – 51–57 (в среднем 53,5), количество жаберных тычинок – 20–25 (в среднем 22,8). Глоточные зубы однорядные с формулой 5:5, изредка (в одном случае) 6:5. Полученное среднее значение по числу чешуй в боковой линии у леща в р. Припяти (53,5) несколько меньше, чем по данным Л. С. Берга (55,2). Аналогичная ситуация наблюдалась и по количеству ветвистых лучей в анальном плавнике: в среднем 25,3 для леща из р. Припяти и соответственно 27,4 для лещей из Невской губы. По ветвистым лучам для спинного плавника Л. С. Берг не приводит точное среднее значение. На наш взгляд, разница между нашими данными и данными, приводимыми Л. С. Бергом [11], объясняется различным географическим расположением водоемов. Так, Л. С. Бергом указываются

данные по популяции леща из Невской губы, расположенной гораздо севернее по сравнению с р. Припятью. Известно, что число чешуй в боковой линии, количество ветвистых лучей в непарных плавниках и число позвонков у одного и того же вида увеличиваются с увеличением географической широты. Это связано с тем, что с понижением температуры плотность и вязкость воды возрастают, что отражается на движении рыб в воде. Таким образом, полученные данные по меристическим признакам леща (число чешуй в боковой линии, количество ветвистых лучей в непарных плавниках) в р. Припяти полностью соответствуют теоретически ожидаемым. Число жаберных тычинок у леща р. Припяти варьировало от 20 до 25 при среднем значении 22,8, что практически соответствует среднему значению, приводимому В. С. Пенязь и др. для популяции леща из р. Припять – 22,7 (21–25) [5], и характеристике Л. С. Берга – 22,5 [11]. Из меристических признаков наименьшая изменчивость была характерна для числа чешуй в боковой линии (коэффициент изменчивости составил 3,1 %) и для количества ветвистых лучей в спинном плавнике (2,0 %). Несколько более высокий коэффициент изменчивости отмечен для количества ветвистых лучей в анальном плавнике (4,0 %) и для числа чешуй под боковой линией (7,8 %). В целом, все изученные меристические признаки характеризовались невысокими коэффициентами изменчивости.

Сравнение меристических признаков леща в 2021 г. с аналогичными данными, полученными В. К. Ризевским за 1983–1984 гг. [4], показало практически полное совпадение средних значений по всем проанализированным показателям. Разница в средних значениях количества лучей в спинном и анальном плавниках, числа чешуй в боковой линии в популяциях лещей из р. Припяти за 1983–1984 гг. и за 2021 г. была недостоверной ($P > 0,001$). Выявлена лишь разница в размахе изменчивости (минимальные и максимальные значения) исследуемых признаков. Например, по данным исследования 2021 года количество чешуй в боковой линии леща колебалось в пределах 51–57, по данным В. К. Ризевского – от 49–58 (1983–1984 гг.) [4]. Количество ветвистых лучей в спинном плавнике в исследовании 2021 г. колебалось от 9 до 10, в работе 1983/1984 г. – от 8 до 10. На наш взгляд, снижение размаха изменчивости меристических признаков в исследовании 2021 г. обусловлено несколько меньшим количеством изученных особей. Так, в 2021 г. для анализа было взято 30 экземпляров леща; в исследованиях 1983–1984 гг. изучалось 213 экземпляров, то есть приблизительно в семь раз больше. Таким образом, несмотря на произошедшие за последние десятилетия изменения в р. Припяти, средние значения счетных признаков леща остались постоянными. По нашему мнению, это свидетельствует как об эволюционной консервативности меристических признаков леща, так и о том, что произошедшие изменения температурного и гидрологического режимов р. Припяти оказались недостаточными для возникновения движущей формы естественного отбора по данным показателям.

Данные по пластическим признакам леща в нижнем течении р. Припяти приведены в таблице 2.

Таблица 2. – Пластические признаки *Abramis brama* в нижнем течении р. Припяти (19 экземпляров, август 2021)

Признак	min-max	$M \pm m$	σ	$Cv, \%$
Длина тела без хвостового плавника, мм	214–370	$266,05 \pm 11,73$	51,13	19,2
В процентах от длины тела без С				
Длина головы	23,2–25,6	$24,49 \pm 0,16$	0,70	2,6
Длина роговища	74,8–81,3	$77,12 \pm 0,39$	1,72	2,2
Наибольшая высота тела	36,9–40,4	$38,22 \pm 0,22$	0,96	2,5
Наименьшая высота тела	9,8–14,9	$10,82 \pm 0,26$	1,16	10,7
Наибольшая толщина тела	11,3–13,3	$12,28 \pm 0,14$	0,62	5,0
В процентах от длины головы				
Длина рыла	25,4–31,6	$28,19 \pm 0,42$	1,85	6,6
Горизонтальный диаметр глаза	16,7–24,5	$21,11 \pm 0,52$	2,26	10,7
Ширина лба	32,7–42,4	$36,65 \pm 0,54$	2,34	6,4
Заглазничное расстояние	45,2–55,5	$51,6 \pm 0,69$	3,01	5,8

Из таблицы 2 видно, что длина тела без хвостового плавника у отловленных половозрелых особей колебалась в пределах от 214 до 370 мм (в среднем $266,05 \pm 11,73$ мм). Л. С. Берг указывает, что длина леща обычно составляет до 280–450 мм, но встречаются особи до 750 мм с массой до 6 кг и более [11]. Масса половозрелых особей варьировала от 204,2 до 1125,6 г при среднем значении $451,9 \pm 70,2$ г. Длина рыла в процентах от длины головы колебалась в диапазоне от 25,4 до 31,6 % (в среднем $28,19 \pm 0,42$), диаметр глаза – от 16,7 до 24,5 % (в среднем $21,11 \pm 0,52$), заглазничное расстояние – от 45,2 до 55,5 % (в среднем $51,6 \pm 0,69$). Из пластических признаков практический

интерес представляет собой наибольшая высота тела, поскольку этот показатель связан с шагом ячеи в сетных орудиях лова. Значение этого признака у половозрелых особей в процентах от длины тела без С составило в среднем $38,22 \pm 0,22$ с колебаниями от 36,9 до 40,4 % (таблица 2). По данным Л. С. Берга [11], этот показатель у взрослых лещей варьирует от 35 до 40 %. Коэффициент изменчивости этого признака был низким – 2,5 %.

Возраст отловленных экземпляров варьировал от 2+ до 8+ лет. Согласно полученным данным, впервые лещи в нижнем течении р. Припяти начинают созревать на четвертом году жизни, а первый нерест проходит в возрасте не ранее 4 лет. У исследованных половозрелых особей в августе 2021 г. гонады находились на III стадии зрелости половых продуктов.

Данные по упитанности леща по Фультону и по Кларк в нижнем течении р. Припяти представлены в таблице 3.

Таблица 3. – Упитанность *Abramis brama* по Фультону и Кларк в нижнем течении р. Припяти (август 2021)

Группа	n	Длина тела без С, мм		Масса, г		Коэффициент упитанности			
		lim	M \pm m	lim	M \pm m	по Фультону		по Кларк	
						lim	M \pm m	lim	M \pm m
Самцы	9	221–370	269,5 \pm 17,9	207,9–1125,6	469,8 \pm 113,1	1,92–2,35	2,08 \pm 0,05	1,76–2,06	1,90 \pm 0,03
Самки	10	214–360	262,9 \pm 16,2	204,2–1093,5	435,9 \pm 91,9	1,93–2,34	2,12 \pm 0,04	1,78–2,11	1,95 \pm 0,03
Ювенильные особи	11	144–205	171,4 \pm 5,4	54,3–163,5	102,2 \pm 9,8	1,82–2,15	1,96 \pm 0,03	1,66–1,97	1,81 \pm 0,03

Из таблицы 3 видно, что коэффициент упитанности по Фультону у половозрелых самцов в августе 2021 г. составил в среднем $2,08 \pm 0,05$ с колебаниями от 1,92 до 2,35; у половозрелых самок, несмотря на меньшую длину и массу, этот показатель был несколько выше и в среднем составил $2,12 \pm 0,04$ с колебаниями от 1,93 до 2,34 при $P > 0,05$. Вероятнее всего, отсутствие достоверной разницы в коэффициентах упитанности по Фультону у самцов и самок обусловлено нахождением гонад на III стадии зрелости половых продуктов. На этой стадии у самок карповых рыб икринки и яичники еще не достигли конечных размеров, и у самцов объем семенников также меньше максимальной величины. Коэффициент упитанности по Кларк у половозрелых самцов составил в среднем $1,90 \pm 0,03$ (от 1,76 до 2,06), у самок – $1,95 \pm 0,03$ (от 1,78 до 2,11). Разница в коэффициентах упитанности по Кларк у половозрелых самцов и самок также была недостоверна ($P > 0,05$). У ювенильных особей коэффициент упитанности по Фультону варьировал в пределах от 1,82 до 2,15 (в среднем $1,96 \pm 0,03$), коэффициент упитанности по Кларк колебался в диапазоне от 1,66–1,97 (в среднем $1,81 \pm 0,03$). Таким образом, не выявлено достоверных отличий в коэффициентах упитанности по Фультону и по Кларк между половозрелыми самцами и самками лещей, отловленных в августе 2021 г. в р. Припяти. В то же время установлены достоверные различия ($P < 0,05$) в коэффициентах упитанности между половозрелыми и ювенильными особями лещей, обусловленные возрастными онтогенетическими изменениями, включая динамику линейного роста рыбы и ее половое созревание.

Заключение

В результате проведенных исследований определены основные морфометрические особенности леща *Abramis brama* (Linnaeus, 1758) в нижнем течении р. Припяти: D III 9 (10), A III 23–27 (в среднем $25,27 \pm 0,18$), число чешуй в боковой линии 51–57 (в среднем $53,47 \pm 0,3$), количество жаберных тычинок 20–25 (в среднем $22,83 \pm 0,21$). Глоточные зубы однорядные с формулой 5:5, изредка 6:5. В целом, полученные данные соответствуют диагнозу Л. С. Берга, а имеющиеся различия по средним показателям меристических признаков (число чешуй в боковой линии, количество лучей в непарных плавниках) полностью соответствуют теоретически ожидаемым. Сопоставление средних значений ряда меристических признаков леща в 2021 г. с аналогичными данными, полученными В. К. Ризевским в 1983–1984 гг., показало практически полное их совпадение. На наш взгляд, это свидетельствует о действии на проанализированные признаки леща стабилизирующей формы естественного отбора. У половозрелых особей в августе 2021 г. гонады находились на III стадии зрелости половых продуктов. Коэффициент упитанности по Фультону в августе 2021 г. у половозрелых самок колебался от 1,93 до 2,34 при среднем значении $2,12 \pm 0,04$, у половозрелых самцов – от 1,92 до 2,35 при среднем значении $2,08 \pm 0,05$. Коэффициент упитанности по Кларк у половозрелых самок составил в среднем $1,95 \pm 0,03$ (1,78–2,11), у половозрелых самцов $1,90 \pm 0,03$ (1,76–2,06).

Разница в коэффициентах упитанности по Фультону и по Кларк между половозрелыми самками и самцами недостоверна ($P > 0,05$). Напротив, коэффициенты упитанности по Фультону и по Кларк у ювенильных особей лещей были достоверно ниже ($P < 0,05$), чем у половозрелых самцов и самок. Длина тела без хвостового плавника у отловленных половозрелых особей колебалась в пределах от 214 до 370 мм (в среднем $266,05 \pm 11,73$ мм). Возраст отловленных особей варьировал от 2+ до 8+ лет.

Благодарности. Автор выражает признательность заведующему лабораторией ихтиологии ГНПО «Научно-практический центр НАН Беларуси по биоресурсам», кандидату биологических наук Ризевскому Виктору Казимировичу за конструктивные замечания по тексту рукописи, позволившие существенно улучшить ее качество.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Костоусов, В. Г. О разнокачественности популяций леща водоемов Беларуси / В. Г. Костоусов, В. К. Ризевский // Вопросы рыбного хозяйства Беларуси : сб. науч. тр. / под общ. ред. М. М. Радько. – Минск, 2010. – Вып. 26. – С. 183–206.
2. Клейменов, И. Я. Химический и весовой состав рыб водоемов СССР и зарубежных стран / И. Я. Клейменов. – М. : Изд-во журн. «Рыбное хозяйство», 1962. – 143 с.
3. Паюта, А. А. Особенности химического состава скелетных мышц, печени и гонад у лещей *Abramis brama* L. разного возраста / А. А. Паюта, Е. А. Флерова // Проблемы биологической продуктивности животных. – 2017. – № 2. – С. 38–50.
4. Ризевский, В. К. Морфологическая характеристика леща оз. Езерище и р. Припять / В. К. Ризевский // Весці АН БССР. Сер. біял. навук. – 1988. – № 5. – С. 100–103.
5. Пенязь, В. С. Биология рыб водоемов Белорусского Полесья / В. С. Пенязь, Т. М. Шевцова, Т. И. Нехаева. – Минск : Наука и техника, 1973. – 240 с.
6. Жуков, П. И. Рыбы Беларуси / П. И. Жуков. – Минск : Наука и техника, 1965. – 415 с.
7. Ризевский, В. К. Динамика видового состава и структуры фаунистических комплексов рыб Беларуси за обозреваемый исторический период / В. К. Ризевский // Актуальные проблемы зоологической науки в Беларуси : сб. ст. XI Зоол. Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к десятилетию основания ГНПО «НПЦ НАН Беларуси по биоресурсам», Минск, 1–3 нояб. 2017 г. : в 2 т. / редкол.: О. И. Бородин [и др.]. – Минск, 2017. – Т. 1. – С. 342–351.
8. Минеев, А. К. Морфологические аномалии у молоди массовых видов рыб Кольцово-Мордовинской поймы Саратовского водохранилища / А. К. Минеев // Известия Самарского научного центра РАН. – 2018. – № 2. – С. 5–13.
9. О рыболовстве и рыболовном хозяйстве Указ Президента Республики Беларусь от 21 июля 2021 г. № 284. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/P32100284_1627419600.pdf. – Дата доступа: 01.10.2021.
10. Правдин, И. Ф. Руководство по изучению рыб / И. Ф. Правдин. – М. : Пищевая промышленность, 1966. – 376 с.
11. Берг, Л. С. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран / Л. С. Берг. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1949. – Ч. 2. – С. 469–928.

Поступила в редакцию 15.12.2021

E-mail: lebedevna@inbox.ru

M. A. Lebedzeu

MORPHOMETRIC CHARACTERS OF THE BREAM

ABRAMIS BRAMA (LINNAEUS, 1758) IN THE LOWER REACHES OF THE PRIPYAT RIVER

The main meristic signs of the bream *Abramis brama* (Linnaeus, 1758) in the lower reaches of the Pripyat River were determined: D III 9 (10), A III 23-27 (on average 25.3), the number of scales in the lateral line 51–57 (on average 53.5), the number of gill stamens 20–25 (on average 22.8). Pharyngeal teeth are single row with the formula 5:5, occasionally 6:5. Comparison of the meristic features of the bream population in 2021 in the Pripyat river with similar data for 1983–1984 in the Pripyat river showed almost complete coincidence of the avera at the III stage of maturity of sexual products. The fatness coefficients of Fulton and Clark were determined in the captured individuals. The difference in Fulton and Clark fatness coefficients between mature females and males is unreliable ($P > 0.05$). On the contrary, the Fulton and Clark fatness coefficients in juvenile individuals are significantly lower than in mature individuals ($P < 0.05$).

Keywords: *Abramis brama*, morphometric and meristic characters, the Pripyat river.

УДК 619:616.995.121

О. П. Позывайло¹, И. Н. Дубина², И. В. Котович³, А. Н. Пилецкая⁴

¹Кандидат ветеринарных наук, доцент, заведующий кафедрой биологии и экологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Кандидат ветеринарных наук, доцент, старший научный сотрудник РУП «Институт экспериментальной ветеринарии им. С. Н. Вышелесского», г. Минск, Республика Беларусь

³Кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой биолого-химического образования, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

⁴Студентка технолого-биологического факультета, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

ГЕЛЬМИНТОЗЫ СОБАК ГОРОДА МОЗЫРЯ

Исследовано 69 образцов фекалий собак, отобранных в разных секторах города Мозыря. 23 пробы фекалий собак содержали яйца гельминтов следующих родов: Ancylostoma, Trichocephalus, Toxocara, Uncinaria, Taenia, а также простейшие рода Sarcocystis.

Ключевые слова: гельминтозы, собаки, яйца гельминтов, загрязнение, фекалии.

Введение

В окружающей среде за счет организмов растений, животных и человека имеется огромное количество различных паразитов. В составе международной паразитофауны крайне представительной группой считаются паразитические черви. Определенные виды гельминтов плотоядных имеют обширное распространение и становятся космополитами. Например, токсокароз является зооантропонозом и фиксируется у плотоядных животных практически повсеместно. Как результат, при отсутствии планомерной борьбы и профилактики токсокароз способен нести серьезную опасность здоровью как животных, так и человека.

Распространение гельминтов зависит от различных природных и социальных факторов. Большое значение имеют такие факторы, как температура, осадки, влажность, механический состав почвы, солнечная радиация, количество кислорода и многое другое. Употребление воды, которая является загрязненной яйцами гельминтов, мытье в ней фруктов, овощей, посуды являются факторами распространения гельминтозов. Необходимо отметить, что одни факторы оказывают сильное влияние, а другие лишь косвенно отражаются на количественном и видовом составех гельминтов. Однако каждый в определенный момент может стать лимитирующим и изменить общую картину.

Ухудшение экологической ситуации и падение санитарной культуры населения приводят к возрастанию количества паразитарных заболеваний. Периодически Всемирная организация здравоохранения проводит оценку глобального распространения отдельных болезней, в соответствии с которой около 1,6 млрд человек болеет паразитарными заболеваниями. Внимания в больших городах требуют заболевания, которые вызывают яйца и личинки гельминтов, несвойственные человеку. Проблемой является загрязнение грунта скверов, дворов, аллей и парков фекалиями собак. Например, при загрязнении детской песочницы происходит заражение детей собачьими глистами, что приводит к аллергизации, патологии легких, потере зрения [1].

На открытой поверхности почвы фекалии теряют влагу и высыхают до воздушно-сухого состояния. В солнечные и теплые дни процесс испарения влаги идет быстро. Экскременты, высыхая, разрушаются и превращаются в городскую пыль. Пыль вместе с яйцами гельминтов разносится в окружающей среде и оседает на растениях, продуктах питания, воде, а также на слизистых оболочках как животных, так и человека.

В настоящее время количество собак в мире огромно и непрерывно возрастает, при этом большинство из них безнадзорны. Данная группа является наиболее опасной. Животные могут служить дополнительными, резервуарными и дефинитивными хозяевами различных гельминтозов.

Осложняет ситуацию то, что они свободно могут контактировать со своими дикими сородичами и тем самым становятся частью эпизоотической цепи, которое постоянно удерживает экстенсивность инвазии на высоком уровне. Поэтому проблема загрязнения окружающей среды фекалиями собак становится более острой. Этому способствуют недостаточное количество социально выделенных мест для выгула собак и несознательность владельцев в уборке экскрементов домашних животных.

Вместе с возрастанием численности плотоядных возникают существенные нарушения физиологического состояния животных, проявляющиеся в морфологических и функциональных отклонениях, что благоприятно влияет на расселение паразитов среди особей с низким иммунным статусом. Все гельминтозы имеют выраженную органотропность, т. е. стремление заселить конкретные ткани и органы. Присутствие паразитов в организме приводит к формированию инфекции или инвазии, обладающих определенными особенностями клинико-эпизоотического проявления и характерными изменениями, либо к бессимптомному носительству (латентная форма). Настоящую опасность для человека представляет не только контакт с домашними животными, но и контактирование с контаминированными возбудителем объектами окружающей среды.

При загрязнении грунта фекалиями собак происходит заражение других животных, что увеличивает распространенность гельминтозов. Вредное воздействие гельминтов на организм хозяина складывается из трех основных моментов [2]:

1) токсического влияния гельминтов на организм животного. В процессе своей жизнедеятельности паразитические черви выделяют продукты, которые, всасываясь в организм хозяина, действуют болезнетворно. Некоторые гельминты снабжены особыми железами, и их секреты также способствуют интоксикации организма;

2) механическое влияние паразитических червей. Оно сопровождается рядом болезненных явлений в организме животного. Они вызывают травматизацию тканей хозяина своими фиксаторными органами: хитиновыми крючьями, зубцами, шипами. Иногда при массовом скоплении червей образуется закупорка и даже происходит разрыв кишечника. То же самое возможно и в желчном протоке. Во время рвоты гельминты из желудка могут попадать в ротовое отверстие, а оттуда уже проникать в дыхательные пути и быть причиной удушья или механической пневмонии. Своим давлением на те или иные органы хозяина черви способствуют их атрофии;

3) инокуляция бактерий. В результате механического воздействия гельминтов на организм травмируются ткани, что способствует проникновению инфекционного начала в ткани животного и возникновению сопутствующего инфекционного заболевания.

Изучение гельминтофауны домашних плотоядных животных является первоочередной задачей в системе по борьбе и профилактике гельминтозов плотоядных. На сегодняшний день накопился достаточно обширный список литературы по гельминтозам домашних плотоядных. Однако при анализе литературных данных оказалось, что до настоящего момента на территории города Мозыря ранее не проводились подобные исследования.

Поэтому целью нашей работы было определение видового состава гельминтов, паразитирующих в организме собак, обитающих на территории города Мозыря.

Для реализации цели были поставлены следующие задачи:

- 1) изучить видовое разнообразие гельминтов, паразитирующих в организме плотоядных на территории города Мозыря;
- 2) определить особенности распространения гельминтов собак в зависимости от сезона года.

Материалы и методы исследования

Материал для гельминтологического исследования (фекалии собак) на наличие инвазионного начала собирался на протяжении 2019–2021 гг. в разные сезоны. Средняя температура весной составляла +10 °С, летом – +24 °С, осенью – +15 °С, зимой – -13 °С (толщина снежного покрова – 2–4 см). Отбор проб производили маршрутно-походным методом (рисунок 1). Для проведения исследований были выбраны следующие территории: густо заселенные микрорайоны города Мозыря (спальные районы) – улицы Советская, Студенческая, Рыжкова, Гоголя, Пролетарская, Интернациональная, Мира, бульвары Дружбы и Юности, частный сектор (придворовая территория) – улица Нагорная и переулок Березовый, парковая зона – парк Победы, лесопарк «Молодежный», центр города – улица Советская. На данных территориях отмечается большое количество выгулов домашних собак, а также наличие бездомных животных.

Рисунок 1. – Территория сбора проб фекалий собак в городе Мозыре

Исследование образцов фекалий на содержание яиц гельминтов проводили в научно-исследовательской лаборатории технолого-биологического факультета «Экология животных и биомониторинга» УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» с помощью флотационного метода Н. А. Романенко (1996) [3] в модификации (в качестве флотационного раствора применяли насыщенный раствор тиосульфата натрия $\text{Na}_2\text{S}_2\text{O}_3 \cdot 5\text{H}_2\text{O}$ с плотностью 1,42) [4], [5].

Идентификация обнаруженных яиц гельминтов осуществлялась по морфологическим признакам, выявленным при микроскопии инвазионного начала, с использованием соответствующей литературы.

Результаты исследования и их обсуждение

Всего было собрано и исследовано 69 проб фекалий как домашних, так и бродячих собак.

В центре города было собрано 5 проб фекалий, в парковой зоне (парк Победы, лесопарк «Молодежный») – 14 проб. На территории густо заселенных микрорайонов города Мозыря (спальные районы) (таблица 1) собрано 37 проб фекалий. В частном секторе индивидуальных застроек на ул. Нагорной и в переулке Березовом – 13 проб фекалий.

Таблица 1. – Количество собранных проб фекалий на территории густо заселенных микрорайонов города Мозыря (спальные районы)

Микрорайоны	Улицы	Количество собранных проб
Микрорайон № 1	ул. Советская, ул. Студенческая, ул. Рыжкова, ул. Гоголя	15
Микрорайон № 2	ул. Пролетарская	6
Микрорайон № 3	ул. Интернациональная	4
Микрорайон № 4	Бульвар Юности, ул. Мира	7
Микрорайон № 5	Бульвар Дружбы, ул. Мира	5

Нами установлено, что из 69 исследованных проб фекалий 23 пробы являлись контаминированными яйцами гельминтов собак – 33,3 % (таблица 2).

Таблица 2. – Контаминация проб фекалий собак яйцами гельминтов в различных районах города Мозыря

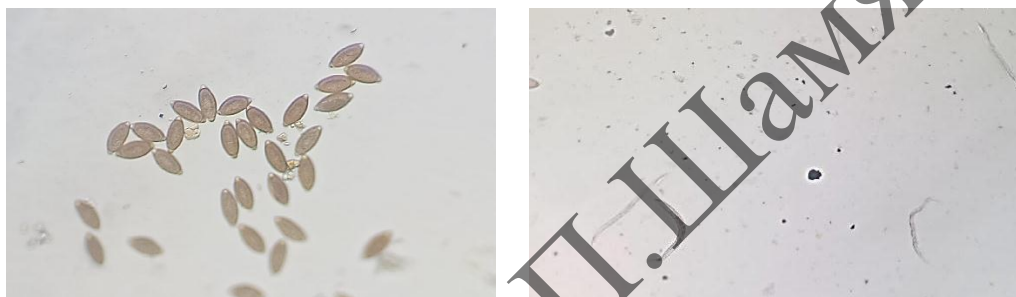
Исследованная территория г. Мозыря	Исследовано образцов, проб	Выявлено контаминированных проб	Экстенсивность загрязнения, %
Центр города	5	0	–
Многоэтажные застройки	37	12	32,4
Частный сектор индивидуальных застроек	13	6	46,2
Парковая зона	14	5	35,7
Всего	69	23	33,3

При анализе видового состава инвазионного материала было обнаружено 6 видов гельминтов: 4 вида нематод, 1 вид цестод, а также простейшие рода *Sarcocystris*.

К гельминтам групы круглыя червы адносяцца *Ancylostoma*, *Trichocephalus*, *Toxocara*, *Uncinaria*, а к групы плоскіх червей – *Taenia*.

Із іх 1 від адносіцца к біогельмінтам, якія развіваюцца ў 2 і больш арганізмах, 4 – к геогельмінтам, т. е. гельмінтам, развіццё яіц і лічынак якіх прыходзіць у верхніх слаях почвы, добра прагрэваемай і абогачанай кіслародам і вільгацю. К біогельмінтам адносіцца *Taenia* sp., якая была выяўлена ў 4 прабах фекалій. Яіца паразітаў добра захоўваюць жываснасць у знешняй сродзе, могуць знаходзіцца на розных прадметах, шерці жывотных. Неабходна падкрэсліць, што тры станоўчыя прабы экскрэментов былі сабраны на тэрыторыі густо заселеных мікрорайонаў, т. е. ў месцах, дзе найбольш часта выгуліваюць дамышніх сабак.

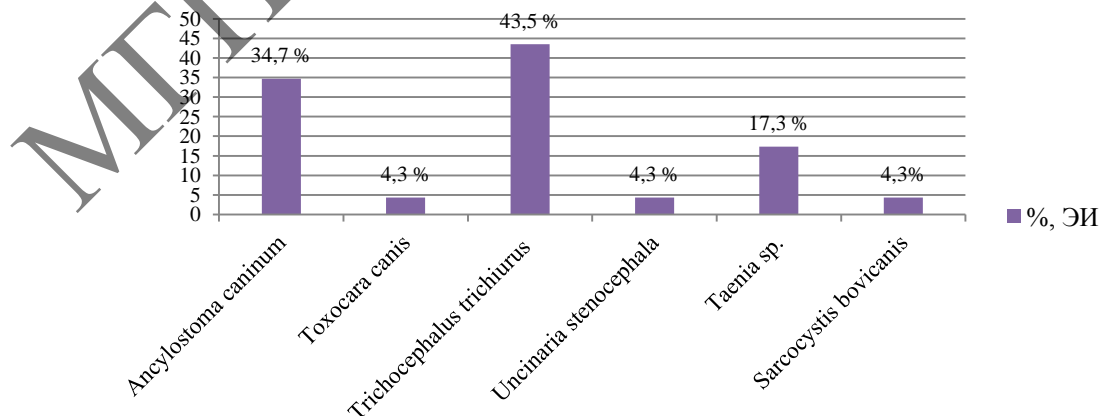
Самым распаўсюджаным відом сярод выяўленых намі гельмінтозав у сабак з'яўляецца *Trichocephalus trichiurus*, ці власоглав, узбудзіцель трыхоцефалеза (рысунак 2), які быў выяўлены ў 10 прабах (ЭІ = 43,5%) (рысунак 3). Даны паразіт з'яўляецца геогельмінтам, т. е. для развіцця неабходна яго прысутнасць у почве. Слэдуе адзначыць, што найбольш часта сабакі паражаліся ў цяплы сезон года, т. к. пад уздзеяннем кісларода, пры дастатковай вільгаці паветра і прыятных тэмпературных умовах яіца власоглава созреваюць і актывна распаўсюджваюцца ў акаружальнай сродзе.

Рысунак 2. – Яіца і лічынка *Trichocephalus trichiurus*

Второй па распаўсюджанасці – *Ancylostoma caninum*, які з'яўляецца геогельмінтам (36,3%). Даны гельмінт з'яўляецца узбудзіцелем анкілостомідоза. Найбольш актывна інвазія праяўляецца ў летне-асенні перыяд. Із яіц, якія знаходзяцца ў кале інфіцыраваных жывотных, вылупляюцца лічынка, якія могуць жыць у почве ў тэчэнне некалькіх тыдняў. Сабакі могуць заразіцца двума шляхамі: пры заглатванні лічынак з кормам і калі лічынка сама актывна ўнедряецца праз скуру.

У двух прабах адначасова было выяўлена прысутнасць двух геогельмінтаў – *Trichocephalus trichiurus* і *Ancylostoma caninum*. Даныя прабы былі сабраны ў лясопарку «Молодежный» і на ул. Нагорнай. Нудна падкрэсліць, што праба ў лясопарку была зятая ад бродзячай сабака. Так як у парку прыходзіць выгул дамышніх сабак, то прысутствуе б'ольшая верагоднасць ў іх заражэнні і далейшым распаўсюджанні інвазіі.

Рысунак 3. – Экстенсіўнасць інвазіі гельмінтаў дамышніх плотоядных, выяўленых на даследуемай тэрыторыі

Пробы, собранные в центре города, оказались отрицательными на присутствие инвазионного начала (рисунок 4). Сбор фекалий в данном секторе был проблематичным, т. к. с частой периодичностью происходит уборка территории, что препятствует распространению инвазий.

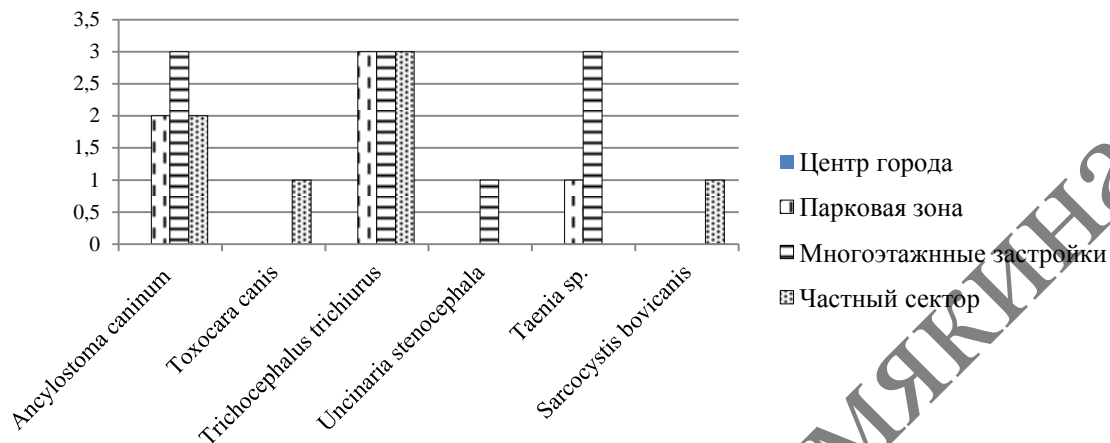

Рисунок 4. – Зональность гельминтозов города Мозыря

При анализе полученных данных нами было установлено, что наибольшее число загрязненных яйцами гельминтов проб собак отмечалось в летне-осенний период (рисунок 5). *Trichocephalus trichiurus* регистрировался круглый год, повышение кривой экстенсивности инвазии приходилось на осенне-зимний период. Т. е. можно сделать вывод, что основным фактором, влияющим на распространение и развитие яиц гельминтов, является температура окружающей среды и почвы. Довольно высокая ($> +30\text{ }^{\circ}\text{C}$) или низкая температура может вызывать смерть возбудителей гельминтов, а также температура, не соответствующая оптимуму, но близкая к его значениям, задерживает рост и развитие. Температура почвы, при которой возможно развитие большинства гельминтов, разнится от 12 до $35\text{ }^{\circ}\text{C}$. Касаемо нижней пороговой температуры почвы, при которой наступает развитие яиц гельминтов, точных сведений нет. Необходимо отметить, что наименьшее число положительных проб было собрано зимой, т. е. при средней температуре почвы $-13\text{ }^{\circ}\text{C}$. Это связано с тем, что в течение длительного времени температура ниже $-10\text{ }^{\circ}\text{C}$ задерживает развитие, а при дальнейшем снижении температуры до $-20\text{ }^{\circ}\text{C}$ происходит гибель яиц и личинок. Важную роль зимой для выживаемости яиц гельминтов играет толщина снежного покрова, т. к. температура на глубине гораздо выше, чем на поверхности снега.

Исходя из полученных данных, видно, что наибольшая контаминация яйцами гельминтов фекалий плотоядных приходится на дворы многоэтажных застроек (спальные районы) в летне-осенний период, где помимо выгула домашних собак очень часто встречаются бездомные собаки.

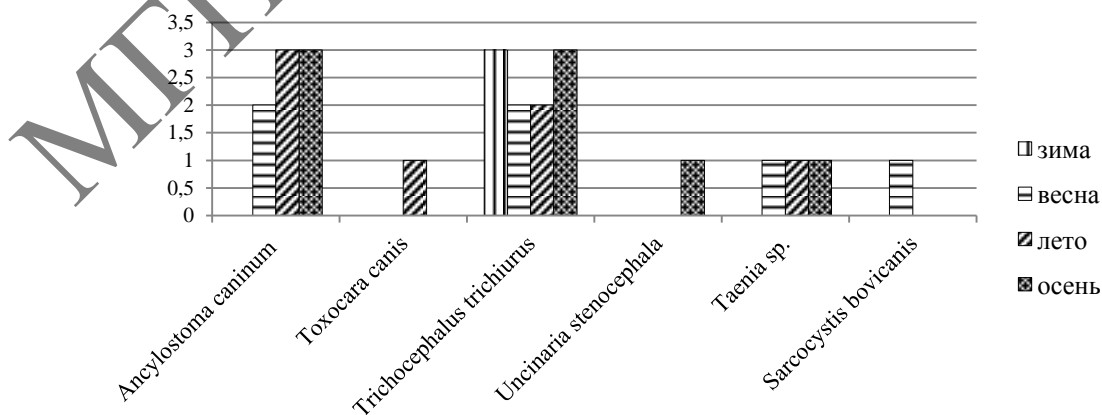

Рисунок 5. – Сезонная динамика гельминтозов собак (2019–2021 гг.)

Заклучение

На территории города Мозыря у собак зарегистрировано 6 видов гельминтов, из них 4 вида из класса *Nematoda*: *Ancylostoma caninum* (ЭИ = 34,7 %), *Toxocara canis* (ЭИ = 4,3 %), *Trichocephalus trichiurus* (ЭИ = 43,5 %), *Uncinaria stenocephala* (ЭИ = 4,3 %), инвазивное начало, относящееся к классу *Cestoda* (ЭИ = 17,3 %), а также простейшие рода *Sarcocystis*. Самым распространенным видом среди обнаруженных нами гельминтозов у собак является *Trichocephalus trichiurus*, который был обнаружен в 10 пробах (ЭИ = 43,5 %).

В распространении гельминтозов собак прослеживается зависимость от сезона года. В летне-осенний период отмечается пик инвазий по всем гельминтозам.

Определение видового состава гельминтов, паразитирующих в организме собак, необходимо для проведения эффективной профилактики и лечения данных инвазий ветеринарной службой.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Медицинский центр в Донецке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gastroline.com.ua>. – Дата доступа: 13.12.2021.
2. Коротова, Д. М. Паразитология и инвазионные болезни : краткий курс лекций для студентов IV и V курса специальности 36.05.01 «Ветеринария» / Д. М. Коротова. – Саратов : ФГБОУ ВО «Саратовский ГАУ», 2015. – 124 с.
3. Ветеринарно-санитарные правила по паразитологическому обследованию объектов внешней среды / Витеб. гос. акад. ветеринар. медицины ; разработ.: А. И. Ятусевич [и др.]. – Витебск : ВГАВМ, 2008. – 47 с.
4. Дубина, И. Н. Гельминтозы собак : монография / И. Н. Дубина. – Витебск : УО ВГАВМ, 2006. – 200 с.
5. Методы санитарно-паразитологических исследований : метод. указания : МУК 4.2.796–99 / М-во здравоохранения РФ ; введ. 22.03.2000. – М. : [б. и.], 2000. – 26 с.

Поступила в редакцию 21.01.2022

E-mail: opozyvailo@mail.ru; ivkotovich@mail.ru;
lina.pileczkaya@mail.ru

O. P. Pozyvailo, I. N. Dubina, I. V. Kotovich, A. N. Pileczkaja

HELMINTHOSES OF THE DOGS RESIDING IN MOZYR

69 samples of dog feces taken in different sectors of the city of Mozyr were examined. 23 dog fecal samples contained helminth eggs of the following genera: *Ancylostoma*, *Trichocephalus*, *Toxocara*, *Uncinaria*, *Taenia* as well as protozoa of the genus *Sarcocystis*.

Keywords: helminthiases, dogs, helminth eggs, pollution, feces.

УДК 598.279.25 (476.2)

А. С. Шевчик¹, К. Д. Котлерчук², О. А. Назарчук³

¹Стипендиат программы малых грантов Немецкого орнитологического общества,
г. Калинковичи, Республика Беларусь

²Студент 3 курса технолого-биологического факультета, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

³Преподаватель кафедры биолого-химического образования, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

ВИДОВОЙ СОСТАВ СОВООБРАЗНЫХ (STRIGIFORMES) ПРИПЯТСКОГО ПОЛЕСЬЯ

В статье рассматриваются птицы отряда СOVOобразные, обитающие на территории трех районов Гомельской области. В результате проведенных исследований был уточнен видовой состав сов, выявлены их виды, имеющие национальную природоохранную значимость и включенные в Красную книгу Республики Беларусь. Кроме того, проанализированы основные факторы угрозы для птиц на исследуемой территории.

Ключевые слова: совообразные, Красная книга, погадки, мышевидные грызуны.

Введение

СOVOобразные – отряд хищных птиц, включающий более 200 видов, ведущих в основном ночной образ жизни и распространенных во всех странах мира. Сова является полезными для человека птицами, поскольку уничтожают множество вредных насекомых и мышевидных грызунов.

На территории Республики Беларусь зарегистрировано 13 видов птиц отряда СOVOобразные, принадлежащих к 2 семействам [1]. В Красную книгу Республики Беларусь включено 8 видов птиц данного отряда [2].

В настоящий момент на территории нашей страны отряд СOVOобразные остается одной из наименее изученных групп птиц. Во многом это связано с их невысокой численностью, ночной активностью и скрытым образом жизни. Крупных обобщающих работ, посвященных группе сов или ее отдельным видам, в целом для страны и для исследуемого региона сравнительно мало. Некоторые сведения о совах представлены в работах, посвященных видовому составу птиц Национального парка «Припятский» [3]–[5]. Вопросами питания сов посредством анализа погадок на юго-западе Белорусского Полесья занимались Д. А. Китиль и А. А. Саварин [6], [7]. Некоторые сведения о СOVOобразных представлены в работах К. Д. Котлерчука [8], [9].

В последнее время наметилась тенденция к тому, что некоторые виды сов сокращают свою численность, поэтому встречаются довольно редко. Они включены в списки редких и исчезающих видов Международной и региональных Красных книг, в приложение СИТЕС, Боннской конвенции и др. [10].

Для этих видов требуется практическое внедрение мер, направленных на их сохранение. Зная биологию и особенности биотопического распределения СOVOобразных, можно разработать эффективные меры охраны существующих популяций и сформировать прогнозы изменений состояния того или иного биоценоза [11].

Целью настоящего исследования является изучение видовой состава и экологии СOVOобразных (Strigiformes) на территории Припятского Полесья.

Методы и методология исследования

Исследования проводились на территории Житковичского, Мозырского и Калинковичского районов Гомельской области (Республика Беларусь). Обследовались территории, расположенные в пойме реки Припяти: пойменные луга, лесные массивы различного типа и населенные пункты. Для изучения видовой разнообразия СOVOобразных исследуемого региона применялся маршрутный учёт, который заключался в перемещении по маршруту и подсчете сов, основываясь на их естественной вокализации в разгар токования [12]. При этом параллельно использовались вспомогательные приемы, такие как осмотр охотничьих стаций в предзакатные и послезакатные часы, поиски насестов и мест гнездования по наличию перьев, погадок или помета, вспугивание птиц из предпочитаемых на дневках мест, а также воспроизведение фонограмм и регистрация ответных реакций птиц. При большой длине маршрута он преодолевался на транспорте (автомобиль, велосипед). Исследования проводились в безветренную погоду, так как ветер является единственным действенным погодным

фактором, подавляющим активность ответов сов. При ветре существенно уменьшается радиус воспринимаемых совами сигналов. Кроме того, наблюдатель в таких условиях не всегда слышит и замечает откликающихся или подлетающих птиц. Общая активность сов в таких условиях значительно снижается, так как, имея рыхлое оперение при ветре, совы теряют много тепла и энергии, поэтому стараются меньше перемещаться и не покидать заросли и укрытия [12].

Результаты исследования и их обсуждение

Исследования, проведенные в период 2019–2021 гг. в трех районах Гомельской области, позволили обнаружить 8 видов птиц отряда Собообразные: ушастая сова, филин, воробьиный сыч, домовый сыч, мохноногий сыч, болотная сова, серая неясыть, бородачатая неясыть, сипуха.

Ушастая сова (*Asio otus*) – обычный гнездящийся, оседлый и зимующий вид. В качестве местообитаний предпочитает опушечные участки лесов, островные леса и кустарниковые заросли в сочетании с открытыми территориями различного типа, включая сельскохозяйственные угодья. Для ушастой совы идеально подходят опушки леса рядом с сельскохозяйственными угодьями, высокоствольные сады и парки. Главное условие – наличие гнезд врановых птиц. Как и другие совы, этот вид не умеет обеспечивать себя жилплощадью, предпочитая занимать чужую.

Филин (*Bubo bubo*) – редкий гнездящийся, зимующий и оседлый вид. Обитает в труднодоступных уголках крупных лесных массивов различного типа, пойменных или расположенных на заболоченных низинах в смешанных и лиственных лесах, преимущественно в ольшаниках, около заливных лугов, рыбоводных прудов и других водоемов с обилием водных птиц. Вид имеет Национальную природоохранную значимость и включен в Красную книгу Республики Беларусь (II категория охраны), а также Литвы, Латвии, Украины, Польши и России. Филин включен в Приложение I к Директиве Европейского союза по охране птиц, в Приложение II к Бернской конвенции [2].

Болотная сова (*Asio flammeus*) – редкий гнездящийся, мигрирующий, пролетный и изредка зимующий вид. Обитает на открытой местности – лугах, верховых болотах, речных поймах. В период миграций и зимовки болотная сова может быть встречена также на полях, суходольных лугах, по лесным опушкам. Вид включен в Приложение I к Директиве Европейского союза по охране птиц, в Приложение II к Бернской конвенции. Болотная сова имеет Национальную природоохранную значимость и включена в Красную книгу Республики Беларусь (IV категория охраны), Польши, Литвы, Латвии, Псковской области России [2]. К основным факторам угрозы можно отнести осушение болот и трансформацию пойменных лугов.

Воробьиный сыч (*Glaucidium passerinum*) – гнездящийся, оседлый зимующий вид. Обитает в лесных массивах с примесью хвойных деревьев. Осенью и зимой воробьиный сыч может встречаться в парках и городах. Данный вид включен в Приложение I к Директиве Европейского союза по охране птиц, в Приложение II к Бернской конвенции. Воробьиный сыч имеет Национальную природоохранную значимость и включен в Красную книгу Республики Беларусь (IV категория охраны), Украины, Польши, Литвы, Латвии, Брянской и Псковской областей России [2]. Основным фактором угрозы для данного вида является сокращение площадей предпочитаемых им мест обитания из-за сплошных рубок высоковозрастных сосновых лесов. Для охраны необходимо сохранение участков высокоствольных ельников и разновозрастных смешанных лесов с дуплистыми деревьями.

Домовой сыч (*Athene noctua*) – редкий гнездящийся, оседлый вид. Встречается в урбанизированном ландшафте, на открытых территориях по окраинам населенных пунктов и сельскохозяйственных комплексов. Домовой сыч имеет Национальную природоохранную значимость и включен в Красную книгу Республики Беларусь (III категория охраны), Латвии, Литвы, Брянской области России, а также в Приложение II к Бернской конвенции [2].

Мохноногий сыч (*Aegolius funereus*) – гнездящийся, оседлый, изредка мигрирующий и пролетный зимующий вид. Обитает в высоковозрастных, преимущественно хвойных и смешанных лесах, а также часто среди болотных массивов.

Бородачатая неясыть (*Strix nebulosa*) – редкий гнездящийся и оседлый вид. Обитает в старых смешанных заболоченных лесах и лесоболотных массивах. Вид имеет Национальную природоохранную значимость и включен в Красную книгу Республики Беларусь (II категория охраны), Украины, Польши, а также в Приложение I к Директиве Европейского союза по охране птиц, в Приложение II к Бернской конвенции [2]. Среди факторов угрозы для вида можно отметить сокращение пригодных для гнездования мест.

Серая неясыть (*Strix aluco*) – обычный гнездящийся, оседлый вид. В качестве местообитаний предпочитает высоковозрастные, преимущественно лиственные и смешанные леса.

Cunuxa (Tyto alba) – очень редкий гнездящийся оседлый вид. Поселяется, в основном, в культурном ландшафте, в населенных пунктах сельского типа, небольших городах и их окрестностях, особенно при наличии заброшенных построек, старых парков, аллей, отдельных высоковозрастных деревьев. Вид включен в Приложение II Бернской конвенции. Сипуха занесена в Красную книгу Республики Беларусь с 1981 г., а также в Красные книги Литвы, Латвии, Украины [2].

По территории Беларуси проходит восточная граница ареала сипухи, возможно, с этим связаны причины ее низкой численности. Документированные находки вида в республике очень малочисленны и относятся к первой половине – середине XX века. Кроме того, они не всегда могут однозначно трактоваться как гнездовые.

Регистрация сов на территории Житковичского района

В среднем течении реки Припяти зарегистрированы три пары ушастых сов, гнезда которых были обнаружены на территории городского парка в старых гнездах врановых, на чердачных помещениях школьной котельной, а также на территории Туровского молочного комбината. Также гнездящиеся пары выявлены недалеко от г. Турова на молочных фермах д. Вересницы, д. Воронино. В июне у пары, гнездящейся в городском парке, были обнаружены три молодых слетка. В 2020–2021 годах в связи со срезкой высоких деревьев в городском парке и невозможностью гнездования ушастые совы в городе наблюдались только на территории школьной котельной. Пара, селившаяся в городском парке, нашла новое место гнездования в небольшой лесопосадке на территории заказника местного значения «Туровский луг». Еще одна пара заселила дупло высокой ивы возле станции кольцевания птиц в г. Турове.

Филин регулярно отмечается на территории заказника «Булев мох». В период весенней активности и в период разлета молодежи крики филина регулярно слышны в пойме реки Припяти по всему ее течению на территории района. В феврале 2021 года одна особь отмечена у дороги Р-88 на участке д. Запесочье – д. Вересницы. В летний период 2020–2021 гг. наблюдались одиночные особи филина на пойменных лугах реки Припяти возле г. Турова и д. Вересницы. Основным фактором угрозы для филина является гибель гнезд в период проведения весенних рубок леса. Для сохранения вида необходимо поддерживать стабильно существующие гнездовые группировки: запрет на весенние рубки вблизи гнездовых участков, предупреждение случайного отстрела птиц в период охоты.

Болотная сова отмечена на гнездовании в окрестностях г. Турова (урочище Гапон). В июле-августе наблюдалась охота подросших совят. Вторая гнездящаяся пара зарегистрирована недалеко от д. Ридчи. Охотящаяся болотная сова обнаружена в окрестностях д. Кремное недалеко от Турова. Основными факторами угрозы являются осушение низинных болот, пойменных лугов, зарастание лугов кустарниками, весеннее выжигание растительности. Для охраны вида необходимо сохранение лугов и низинных болот, а также контроль над весенними палами растительности [2].

Взрослая особь воробьиного сыча трижды регистрировалась на территории города Турова: на молочной ферме, а также на Туровском лугу в дневное время, когда воробьиный сыч охотится на мелких птиц. С 2019 года гнездящиеся пары отмечаются ежегодно на территории закрытого объекта нефтеперерабатывающей станции (НПС) «Дружба» в окрестностях д. Вересницы. Кроме того, гнездящиеся пары отмечались на чердаках молочных ферм в деревнях Воронино и Вереснице, а также в урочище Казаргаты. К ограничивающим факторам можно отнести деградацию и уничтожение старых парков, вырубку высоковозрастных деревьев, ликвидацию старых зданий и традиционной сельской застройки. Для охраны вида необходимо сохранение культурного ландшафта, в том числе агроландшафта, сохранение старых парковых и аллейных насаждений, применение искусственных гнездовий.

В мае 2019 года найден сбитым на автомобильной дороге г. Туров – д. Кремное мохноногий сыч. Домовый сыч отмечается на большинстве ферм района, предпочитает гнездиться в плитах перекрытия трансформаторных станций.

Бородатая неясыть регулярно встречается на территории заказников «Старый Жааден» и «Булев мох». Вокализирующие птицы бородатой неясыти регистрировались в окрестностях д. Бережцы в июне 2021 года. Погибшая особь летом 2021 года обнаружена на трассе М-10, недалеко от поворота на д. Старобин. Основными факторами угрозы являются сокращение и разрушение гнездовых стаций.

В декабре 2021 года серая неясыть рыжей морфы была обнаружена сбитой на автомобильной дороге, проходящей через дубраву, в окрестностях д. Озераны (территория национального парка «Припятский»).

Летом 2020 года в одной из заброшенных построек недалеко от Турова обнаружены погадки сипухи. Дальнейшие проверки в 2021 году не дали положительных результатов. Предположительно, в этом месте она зимовала в 2020 году.

Регистрация сов на территории Мозырского района

Весной 2020 года на дневке в 2 км севернее г. Мозыря была отмечена одна особь филина. Место отдыха птицы располагалось под упавшим деревом.

Домовый сыч отмечается на большинстве ферм района, предпочитает гнездиться в плитах перекрытия трансформаторных станций.

Болотная сова регулярно отмечается в весенне-летний сезон на мелиорированных угодьях вдоль р. Припяти. В 2020 году зимующая особь была отмечена на территории очистных сооружений Мозырского НПЗ.

Регистрация сов на территории Калинковичского района.

Домовый сыч отмечается на территории животноводческих комплексов района. Кроме того, зарегистрировано гнездование сыча в плитах перекрытия трансформаторных станций.

В 2020 г. в лесном массиве в 5 км севернее д. Анотоновки обнаружено гнездо серой неясыти. Сбитые особи регулярно обнаруживаются в лесных массивах вдоль трассы М-10.

Ушастая сова регулярно гнездится в грачевнике на территории Калинковичского лицея (г. Калинковичи). По наблюдениям более ранних лет ушастая сова также была отмечена на гнездовании в лесном массиве на западной окраине города (гнездо было расположено в старом гнезде ворона).

В весенне-летний сезон на мелиорированных угодьях вдоль р. Пеначи регулярно отмечается болотная сова.

На территории района зарегистрирован воробьиный сыч. Наибольшее количество встреч с этим видом отмечается на территории заказника «Островные ельники «Калинковичские». В зимний период одиночные особи отмечались на территории Калинковичского ремонтно-механического завода, на землях ФХ «Подковкино».

Заключение

Таким образом, в результате проведенных исследований было установлено, что на территории Припятского Полесья обитает 9 видов птиц отряда Совообразные. Все отмеченные виды гнездятся на территории нашей страны. В исследуемом регионе из зарегистрированных видов 8 являются оседлыми и 1 вид (болотная сова) – мигрирующим.

Выявлено, что 6 видов сов имеют Национальную природоохранную значимость и включены в Красную книгу Республики Беларусь (сипуха, филин и бородачатая неясыть – II категория, домовый сыч – III категория, воробьиный сыч и болотная сова – IV категория охраны).

Установлено, что основным фактором, лимитирующим распространение и численность Собообразных, является недостаток гнездового фонда, связанный с вырубкой лесов. Не находя мест, удобных для устройства гнезд, птицы перестают размножаться на той или иной территории либо пытаются гнездиться в менее пригодных условиях, имея низкий успех размножения. Исходя из полученных результатов, целесообразны сооружение и развешивание искусственных гнездовий для сов.

Полученные сведения могут способствовать разработке практических рекомендаций по сохранению ночных хищников и улучшению их местообитаний. Они могут использоваться при разработке природоохранных мероприятий и внесении корректив в лесо- и землепользование, а также в пропаганде эколого-природоохранных идей среди молодежи.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Собообразные [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gurkov2n.jimdofree.com/птицы/совообразные>. – Дата доступа: 23.12.2021.

2. Красная книга Республики Беларусь. Животные: редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды диких животных / гл. редкол.: И. М. Качановский (предс.), М. Е. Никифоров [и др.]. – 4-е изд. – Минск : Беларусь. Энцикл. імя П. Броўкі, 2015. – 320 с.

3. Биологическое разнообразие Национального парка «Припятский» и других особо охраняемых территорий / М. Е. Никифоров, П. В. Пинчук, Э. А. Монгин. – Мозырь : Белый ветер, 1999. – 260 с.

4. Численность филина в Национальном парке «Припятский» / В. Ч. Домбровский [и др.] // Красная книга Республики Беларусь: состояние, проблемы, перспективы : материалы междунар. науч. конф., Витебск, 13–15 дек. 2011 г. / Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова ; редкол.: В. Я. Кузьменко (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2011. – С. 47–49.

5. Тэрыторыі, важныя для птушак у Беларусі / пад агул. рэд. С. В. Левага. – Мінск : РЫФТУР ПРЫНТ, 2015. – 152 с.

6. Саварин, А. А. О находке *Eptesicusserotinus* (Schreber, 1774) в погадках ушастой совы (*Asiootus*) на юго-западе Белорусского Полесья / А. А. Саварин, Д. А. Китиль // *Plecotusetal.* – 2016. – Vol. 19. – P. 51–55.

7. Саварин, А. А. О перспективе исследования погадок сов на территории Белорусского Полесья / А. А. Саварин, Д. А. Китиль // *Известия Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины.* – 2021. – № 3 (96). – С. 51–54.

8. Котлерчук, К. Д. Видовой состав совообразных города Турова и его окрестностей / К. Д. Котлерчук // XIV Машеровские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 21 окт. 2020 г. – Витебск, 2020. – С. 109–110.

9. Котлерчук, К. Д. Охраняемые виды сов города Туров / К. Д. Котлерчук // От идеи – к инновации : материалы XXVIII науч.-практ. конф., Мозырь, 29 апр. 2021 г. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол. Т. В. Палиева (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2021. – С. 27–28.

10. Птицы Беларуси на рубеже XXI века: статус, численность, распространение / М. Е. Никифоров [и др.]. – Минск : Издатель Н. А. Королев, 1997. – 188 с.

11. Шохрин, В. П. Соколообразные (Falconiformes) и совообразные (Strigiformes) южного Сихотэ-Алиня : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.00.08 / В. П. Шохрин ; ФГУ «Лазовский государственный природный заповедник им. Л. Г. Капланова». – Владивосток, 2008. – 23 с.

12. Воронцовский, В. И. Методы учета сов / В. И. Воронцовский, А. К. Тишечкин, В. Т. Демьянич // Методы изучения и охраны хищных птиц : метод. реком. / сост. и науч. ред. С. Г. Приклонский, В. М. Галушин, В. Г. Кревер. – М., 1989. – С. 23–34.

Поступила в редакцию 22.02.2022

E-mail: andreischevchik@tut.by; kgazebov@mail.ru;
nazarchuk_olga@tut.by

A. S. Shevchik, K. D. Kotlerchuk, O. A. Nazarchuk

SPECIES COMPOSITION OF OWLS (STRIGIFORMES) IN THE PRIPYAT POLESIE

The article discusses the birds of the Owl-like order that live in three districts of the Gomel region. As a result of the conducted research, the species composition of owls was clarified, the species of owls with national environmental significance and included in the Red Book of the Republic of Belarus were identified. In addition, the main threat factors of birds in the study area were analyzed.

Keywords: owl-like, Red Book, sayings, mouse-like rodents.

ПЕДАГОГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 796.011.3:378.272-055.25

Д. А. Венскович

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания и спорта, УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», докторант кафедры физической реабилитации, УО «Белорусский государственный университет физической культуры», г. Минск, Республика Беларусь

**ОЦЕНКА УРОВНЯ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОК
НЕСПОРТИВНОГО ПРОФИЛЯ I СТУПЕНИ ПОЛУЧЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

В статье представлены сравнительные данные уровня физического развития студенток, проходивших обучение по традиционной учебной программе «Физическая культура», и студенток, изучавших разработанный инновационный специализированный модуль «Двигательная культура личности для подготовки к беременности» в рамках учебной дисциплины «Физическая культура», представленный в Витебском государственном университете имени П. М. Машерова. Модуль разработан для всех специальностей неспортивного профиля I ступени получения высшего образования и утвержден 23 июля 2020 г. (регистрационный № УД-27-004/уч.).

Ключевые слова: физическое развитие, физическая культура, студентки, неспортивный профиль, специализированный модуль, двигательные навыки, теоретические знания.

Введение

Физическое развитие студентов является интегральным показателем жизнедеятельности человека и характеризуется морфологическими и функциональными свойствами организма, обеспечивающими его адаптационные возможности. Студенческая молодежь представляет собой социальную группу, которая ведет определенный образ и стиль жизни. Поэтому её физическое развитие и здоровье в целом являются признаками, определяющими уровень общественного здоровья.

В настоящее время, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, установлено, что уровень физического здоровья студентов ежегодно ухудшается [1].

К факторам, негативно влияющим на физическое развитие молодых людей, относятся постоянные умственные и психоэмоциональные напряжения, информационный стресс, недостаточная материальная обеспеченность, необходимость совмещать учебу с работой, частые нарушения режима труда, отдыха и питания [2]. Ситуация обостряется в связи с возрастающей популярностью в молодежной среде саморазрушительных видов поведения, таких как курение, употребление алкоголя, наркотических и психотропных веществ.

В последние годы основные медико-демографические показатели здоровья молодежи имеют неблагоприятные тенденции: снижение количества абсолютно здоровых студентов, рост числа хронических заболеваний во всех возрастных группах, изменение структуры хронической патологии, обилие и динамичность факторов риска, негативно влияющих на состояние здоровья молодых людей. При этом демографическая кривая совпадает со среднесрочным прогнозом численности студентов очного обучения в учреждениях высшего образования [2]. Вызывает определенный интерес ежегодное снижение количества студентов, обучающихся в высшей школе. Социологические исследования прошлой пятилетки показали, что в 2015/2016 учебном году эта цифра составила 336,4 чел., в 2020/2021 – 254,4. Если провести сравнение с 2010/2011 учебным годом, то тогда студентов было 442,9 чел., а это на 42,56 % больше, чем в 2020/2021 учебном году [1].

Проводимые Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь исследования показали, что лишь 11 % выпускников общеобразовательных учреждений относятся к категории здоровых [1].

Разнообразные аспекты здоровья студентов были и остаются предметом пристального изучения. Однако, несмотря на появление в последние годы многочисленных исследований, посвященных анализируемой проблеме, в большинстве из них отражается только специфика тех регионов, в которых

проводят исследования. И практически нет работ, содержащих комплексное изучение тенденций динамики здоровья обучающихся высших учебных заведений, нет масштабных исследований, позволяющих объединить и оценить уже имеющийся опыт и наработки в области здоровьесбережения молодежи, не учтена эффективность инновационных программ, не разработаны организационные механизмы оказания медицинской и психологической помощи студенческой молодежи [3].

Цель исследования – сравнительная оценка уровня физического развития студенток, изучавших специализированный модуль учебной программы «Двигательная культура личности для подготовки к беременности», с уровнем физического развития студенток, освоивших традиционную программу по дисциплине «Физическая культура».

Методы и методология исследования

Педагогическое исследование проводилось на базе учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» в процессе изучения учебной дисциплины «Физическая культура» в формате специализированного учебного модуля «Двигательная культура личности для подготовки к беременности», утвержденного 23 июля 2020 г. (регистрационный № УД-27-004/уч.) [4]. Занятия проводились согласно установленному расписанию, два раза в неделю, продолжительностью 1 час 20 минут. Изучение учебной программы рассчитано на 280 учебных часов, из них 64 часа отводится на теоретическую подготовку и 216 часов на практическую подготовку в течение учебного года. Формой промежуточной аттестации являются тесты, текущей – зачет. Представленный учебный модуль является компонентом учреждения высшего образования. Программа учебных занятий разработана с учетом требований образовательного стандарта третьего поколения. В исследовании приняли участие 79 студенток, отнесенных по состоянию здоровья к основной медицинской группе, обучающихся в дневной форме получения образования. В контрольную группу (КГ) вошли 39 студенток, в экспериментальную (ЭГ) – 40 студенток. Студентки КГ занимались по традиционной программе, согласно типовой учебной программе по дисциплине «Физическая культура» для учреждений высшего образования от 27.06.2017 г. (регистрационный № ТД-СГ. 025 / тип.) [5], тогда как студентки ЭГ занимались по инновационному специализированному учебному модулю «Двигательная культура личности для подготовки к беременности» [6], [7] в рамках учебной дисциплины «Физическая культура». Оценка уровня физического развития осуществлялась в начале (сентябрь, февраль) и в конце (декабрь, май) осеннего и весеннего семестров 2020/2021 уч. г. В работе применялись эмпирические методы, а именно: методы изучения продуктов деятельности студентов, учебной документации, методы измерения и контроля, которые включали определение частоты сердечных сокращений, артериального давления, частоты дыхания, жизненной емкости легких, окружности грудной клетки, динамометрии левой и правой кистей рук. Измерение перечисленных показателей в контрольной и экспериментальной группах осуществлялось на учебных занятиях в сентябре и декабре 2020 г., а также в феврале и мае 2021 г. Математические и статистические методы обеспечили получение достоверных данных о результатах экспериментальной работы.

Результаты исследования и их обсуждение

Специализированный учебный модуль «Двигательная культура личности для подготовки к беременности», разработанный в рамках учебной дисциплины «Физическая культура», включает практическую часть (18 разделов с комплексами физических упражнений), теоретическую часть (16 тем лекционного курса), а также формы контроля усвоения изучаемого материала по каждой из частей модуля.

Освоение представленного выше модуля осуществляется таким образом, что при изучении обучающимися теоретической и практической частей модуля «Двигательная культура личности для подготовки к беременности» происходят формирование практических двигательных навыков и овладение теоретическими знаниями для подготовки организма к беременности, вынашиванию здоровых детей, благополучному родоразрешению и восстановлению организма после родов. Предусмотрены формы контроля усвоения изучаемого материала по каждой из частей модуля.

Разработанный инновационный специализированный модуль «Двигательная культура личности для подготовки к беременности» в рамках учебной дисциплины «Физическая культура», представленный в Витебском государственном университете имени П. М. Машерова, используется следующим образом.

Обучающиеся в учреждении высшего образования, относящиеся по состоянию здоровья к основной медицинской группе, подготовительной медицинской группе и специальной медицинской

группе, при реализации модуля «Двигательная культура личности для подготовки к беременности» по учебной дисциплине «Физическая культура» формируют двигательные навыки при выполнении комплексов физических упражнений из 18 разделов практической части, овладевают знаниями при освоении 16 тем лекционного курса теоретической части.

Разделы комплексов физических упражнений содержат: дыхательные упражнения, упражнения для укрепления мышц шеи и головы, мышц рук; физические упражнения для укрепления плечевого пояса, мышц груди, спины, живота и туловища; физические упражнения для развития координации, для укрепления тазобедренного сустава, мышц малого таза, мышц ног, подколенного сухожилия и голеностопного сустава; физические упражнения для релаксации и мышечного расслабления, а также упражнения на фитболе; физические упражнения для I-го, II-го и III-го триместров беременности и упражнения для восстановления после беременности и родов.

При этом форма контроля практической части включает:

– оценку уровня физической подготовленности при выполнении прыжка в длину с места, наклона вперед, сгибания и разгибания рук в упоре лежа, поднимания туловища из положения лежа на спине за 60 с, челночного бега 4x9 м, бега на 1500 м;

– оценку уровня физического развития при диагностике антропометрических (длина тела (ДТ), масса тела (МТ), окружность грудной клетки (ОГК), жизненная емкость легких (ЖЕЛ), динамометрия кистей рук (П/К (правая кисть) и Л/К (левая кисть)) и физиометрических (артериальное давление (АД) (САД (систолическое), ДАД (диастолическое)), частота сердечных сокращений (ЧСС), частота дыхания (ЧД)) показателей;

– оценку уровня физического здоровья при выполнении упражнений, определяющих индекс Кетле, жизненный индекс, индекс Стенинги, кистевой индекс, индекс Робинсона;

– оценку здоровья позвоночника при выполнении тестов на определение шейного и пояснично-крестцового остеохондроза;

– оценку индекса здоровья, который высчитывается по формуле:

$$K = a/b * 100\%$$

где K – индекс здоровья (в %), a – число студентов, ни разу не болевших в течение года, b – общий списочный состав группы;

– оценку уровня психофизического статуса при выполнении теста диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерса и Р. Даймонда), теста самооценки стрессоустойчивости (С. Коухена и Г. Виллиансона), теста на внимание по таблицам Шульте.

Форма контроля теоретической части включает выполнение тестов в модульно-рейтинговой системе в виде тестовых заданий.

Представленный специализированный модуль «Двигательная культура личности для подготовки к беременности» разработан для обучающихся в учреждениях высшего образования и их подготовки к деторождению. Данный модуль используется на факультативных занятиях по учебной дисциплине «Физическая культура» для студенток, обучающихся по специальностям неспортивного профиля I ступени получения высшего образования с третьего курса в объеме не менее двух учебных часов в учебную неделю.

В данной статье нами представлены полученные данные уровня физического развития студенток основного медицинского отделения в ходе изучения практической части специализированного учебного модуля «Двигательная культура личности для подготовки к беременности» в рамках учебной дисциплины «Физическая культура».

В рамках педагогического эксперимента нами оценивался уровень физического развития студенток контрольной и экспериментальной групп.

Исследования физического развития студенток показали, что длина тела (далее – ДТ) является одним из наиболее стабильных показателей. Средние величины длины тела у девушек КГ – в пределах $156,74 \pm 1,07$ см в начале осеннего семестра и $156,41 \pm 0,58$ см в конце осеннего семестра. В ЭГ эти показатели составили $158,73 \pm 1,98$ см в начале осеннего семестра и в конце – $158,66 \pm 1,72$ см. Данные весеннего семестра в КГ составили $156,56 \pm 1,98$ см – в начале, а в конце – $156,79 \pm 0,61$ см. В ЭГ показатели весеннего семестра следующие: $158,67 \pm 1,76$ см в начале, а в конце эксперимента – $158,97 \pm 2,34$ см.

Полученные данные ростового показателя в КГ и ЭГ в начале осеннего семестра и в конце весеннего семестра свидетельствуют о том, что достоверных различий в данном показателе не выявлено.

Анализ результатов исследования массы тела (далее – МТ) свидетельствует о том, что ее средние значения у девушек КГ следующие: $68,74 \pm 0,12$ кг в начале осеннего семестра и $70,85 \pm 1,42$ кг в конце этого семестра. В начале весеннего семестра масса тела студенток КГ составила $70,24 \pm 0,12$ кг, а в конце – $72,85 \pm 2,95$ кг. Показатель массы тела студенток КГ в среднем за время педагогического эксперимента увеличился на 3,71 %. В ЭГ этот показатель в начале семестра был $66,47 \pm 0,32$ кг, а в конце $65,12 \pm 1,56$ кг. В начале весеннего семестра масса тела студенток составила $65,87 \pm 0,12$ кг, а в конце – $62,96 \pm 2,77$ кг. Разница в массе тела студенток ЭГ за период педагогического эксперимента составила –4,62 %.

Студентки КГ в начале осеннего семестра имели частоту сердечных сокращений (далее – ЧСС) $89,65 \pm 1,22$ уд/мин, а к концу весеннего семестра – $91,75 \pm 0,76$ уд/мин. У студенток ЭГ показатель ЧСС в начале осеннего семестра зафиксирован на уровне $88,45 \pm 1,17$ уд/мин, а к концу весеннего семестра данный показатель составил $82,38 \pm 1,48$ уд/мин. Разница в частоте сердечных сокращений студенток ЭГ составила –7,37 %. Полученные данные свидетельствуют об улучшении сократительной способности миокарда, повышении эластичности кровеносных сосудов студенток, занимающихся упражнениями из практической части специализированного учебного модуля «Двигательная культура личности для подготовки к беременности», что, в свою очередь, отразилось на общем состоянии здоровья студенток ЭГ.

В КГ результаты артериального давления (далее – АД) следующие: САД (систолическое) в начале осеннего семестра составило $117,63 \pm 1,47$ мм рт. ст., а в конце весеннего семестра – $115,41 \pm 1,97$ мм рт. ст.; ДАД (диастолическое) в начале осеннего семестра зарегистрировано на уровне $77,25 \pm 1,45$ мм рт. ст., а в конце весеннего семестра – $75,00 \pm 1,87$ мм рт. ст. САД у студенток ЭГ в начале осеннего семестра составило $118,00 \pm 1,64$ мм рт. ст., а в конце весеннего семестра – $119,24 \pm 1,33$ мм рт. ст., ДАД в начале осеннего семестра составило $77,16 \pm 1,14$ мм рт. ст., а в конце весеннего семестра – $79,34 \pm 1,24$ мм рт. ст. Разница в САД студенток ЭГ составила –0,64 %, а в ДАД – 2,83 %. Данные показатели студенток ЭГ указывают на улучшение работы сердца, системы кровообращения и повышение приспособительных реакций организма при условии занятий специальными комплексами упражнений двигательной культуры.

При анализе показателей частоты дыхания (далее – ЧД) произошли незначительные изменения. В КГ ЧД в начале осеннего семестра была равна $20,67 \pm 1,61$ раз/мин, а в конце весеннего семестра $23,71 \pm 1,87$ раз/мин. В ЭГ ЧД в начале осеннего семестра была зарегистрирована на уровне $20,24 \pm 1,21$ раз/мин, а в конце весеннего семестра на уровне $19,13 \pm 0,71$ раз/мин.

Положительное влияние разработанных комплексов физических упражнений целенаправленного воздействия отразилось на ЖЕЛ у студенток ЭГ по сравнению со студентками КГ. Соответственно, в КГ ЖЕЛ в начале осеннего семестра составила 2300 ± 280 мл, а в конце весеннего семестра составила 2100 ± 269 мл. В ЭГ в начале осеннего семестра ЖЕЛ составила 2500 ± 126 мл, а в конце весеннего семестра 2700 ± 200 мл. Полученные данные свидетельствуют о повышении функций внешнего дыхания за счет развития дыхательной мускулатуры и расширения грудной клетки у студенток, занимающихся по специально разработанным комплексам упражнений дифференцированной направленности.

Окружность грудной клетки (далее – ОГК) у студенток КГ в начале осеннего семестра составила $87,96 \pm 1,04$ см, а в конце весеннего семестра была зарегистрирована на уровне $89,73 \pm 0,54$ см, тогда как у студенток ЭГ этот показатель зарегистрирован на уровне $83,67 \pm 0,63$ см в начале осеннего семестра и $82,17 \pm 0,23$ см в конце весеннего семестра. Полученные данные подтверждают тот факт, что с увеличением массы тела студенток увеличивается и окружность грудной клетки. В представленном педагогическом эксперименте в КГ масса тела студенток к концу весеннего семестра увеличилась с $68,74 \pm 0,12$ кг до $72,85 \pm 2,95$ кг и, соответственно, ОГК тоже увеличилась.

Позитивная динамика наблюдалась в показателях динамометрии правой и левой кистей рук у студенток ЭГ по сравнению с КГ. У студенток КГ динамометрия левой кисти в начале осеннего семестра составила $15,38 \pm 1,11$ кг, а в конце весеннего семестра $13,98 \pm 0,86$ кг. Показатели динамометрии правой кисти рук в начале осеннего семестра составили $16,70 \pm 1,38$ кг, а в конце весеннего семестра составили $14,65 \pm 1,52$ кг. У студенток ЭГ динамометрия левой кисти в начале осеннего семестра составила $16,75 \pm 0,69$ кг, а в конце весеннего семестра – $16,01 \pm 0,37$ кг. Показатели динамометрии правой кисти рук в начале осеннего семестра составили $17,08 \pm 1,18$ кг, а в конце весеннего семестра – $16,00 \pm 1,46$ кг. Результаты тестирования студенток основной группы (КГ и ЭГ) по показателям физического развития представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. – Уровень физического развития студентов контрольной и экспериментальной групп основного отделения в начале и в конце осеннего семестра

Показатели	Контрольная группа (КГ) (n=39)							Экспериментальная группа (ЭГ) (n=40)							P		
	Начало о/с $\bar{X} \pm \delta$	Конiec о/с $\bar{X} \pm \delta$	$\sum_{i=1}^n (x - y)$	\bar{d}	\bar{d}^2	S _d	t	%	P	$\sum_{i=1}^n (x - y)$	\bar{d}	\bar{d}^2	S _d	t		%	P
Рост, см	156,74±1,07	156,41±0,58	5	9	0,12	0,07	1,70	0,14	>0,05	158,73±1,98	3	0,02	0,04	0,57	0,19	>0,05	
Масса тела, кг	68,74±0,12	70,85±1,42	-86	248	-2,20	0,49	11,11	3,71	<0,05	66,47±0,32	-75	-1,92	0,11	16,24	-4,62	>0,05	
	89,65±1,22	91,75±0,76	-90	238	-2,30	0,14	16,13	2,34	<0,05	88,45±1,17	81	1,04	0,11	9,45	-7,37	<0,05	
САД, мм рт. ст.	117,63±1,47	115,41±1,97	41	61	1,05	0,10	9,56	-1,92	>0,05	118,00±1,64	41	1,02	0,12	8,44	1,05	>0,05	
	77,25±1,45	75,00±1,87	74	192	1,89	0,18	10,16	-3,0	<0,05	77,16±1,14	-68	-1,7	0,12	13,59	2,83	<0,05	
ЧД, раз/мин	20,67±1,61	23,71±1,87	-118	368	-3,02	0,08	35,16	14,7	<0,05	20,24±1,21	39	0,97	0,11	8,40	-5,8	<0,05	
	2300±280	2100±269	5718	4789724	46,61	51,63	2,83	-9,52	<0,05	2500±126	84	1,13	0,13	8,69	8,0	<0,05	
ОГК, см пауза вдох выдох	87,96±1,04	93,56±0,67								83,67±0,63							
	86,34±0,77	89,73±0,54	-78	182	-2	0,13	15,09	2,01	<0,05	91,38±0,76	47	1,17	0,11	10,43	-1,83	<0,05	
	96,05±0,17	88,23±0,39								81,54±1,27							
	88,23±0,39	81,02±0,65								82,17±0,23							
Динамометрия (л/к), кг	15,38±1,11	13,98±0,86	38	48	0,97	0,08	11,32	-10,01	<0,05	16,75±0,69	4	0,1	0,08	1,15	-4,62	<0,05	
	16,70±1,38	14,65±1,52	35	49	0,89	0,10	8,23	-13,99	<0,05	16,01±0,37	28	0,7	0,08	8,57	-6,75	<0,05	

Таблица 2. – Уровень физического развития студентов контрольной и экспериментальной групп основного отделения в начале и в конце весеннего семестра

Показатели	Контрольная группа (КГ) (n=39)							Экспериментальная группа (ЭГ) (n=40)							P			
	Начало в/с $\bar{X} \pm \delta$	Конец в/с $\bar{X} \pm \delta$	$\sum_1^n (x - y)$	\bar{d}	d^2	S _d	t	%	P	$\sum_1^n (x - y)$	\bar{d}	d^2	S _d	t		%		
Рост, см	156,56±1,98	156,79±0,61	14	228	0,34	0,38	0,8	0,21	>0,05	158,67±1,76	158,97±2,34	15	232	0,02	0,27	0,7	-0,04	>0,05
Масса тела, кг	70,24±0,12	72,85±2,95	-43	361	-1,10	0,45	2,39	3,07	<0,05	65,87±0,12	62,96±2,77	119	469	2,97	0,27	10,95	-2,07	<0,05
	89,65±1,22	91,75±0,76	-40	370	-1,02	0,47	2,17	2,34	<0,05	88,45±1,17	82,38±1,48	229	1497	5,72	0,34	16,58	-7,37	<0,05
САД, мм рт. ст.	117,63±1,47	115,41±1,97	48	68	1,23	0,07	15,86	1,92	<0,05	118,00±1,64	119,24±1,33	-44	108	-1,1	0,19	5,62	-0,64	>0,05
	77,25±1,45	75,00±1,87	57	161	1,46	0,22	6,38	-3,0	<0,05	77,16±1,14	79,34±1,24	-96	320	-2,4	0,23	10,01	2,83	<0,05
ЧД, раз/мин	20,67±1,61	23,71±1,87	-7,7	187	-1,97	0,15	12,85	14,70	<0,05	20,24±1,21	19,13±0,71	60	168	1,5	0,22	6,70	-5,8	<0,05
	2300±280	2100±269	2310	212700	59,23	7,15	8,27	-9,52	<0,05	2500±126	2700±200	6500	117580	162,5	8,75	18,56	8,0	<0,05
ОГК, см пауза вдох выдох	87,96±1,04	93,56±0,67	-42	118	-1,07	0,22	4,85	2,01	<0,05	83,67±0,63	91,38±0,76	28	78	0,7	0,19	3,61	-1,83	<0,05
	86,34±0,77	89,73±0,54								81,54±1,27	82,17±0,23							
	96,05±0,17	88,23±0,39								88,41±0,68	81,02±0,65							
	88,23±0,39	15,38±1,11	77	243	1,97	0,24	7,96	-10,01	<0,05	16,75±0,69	16,01±0,37	7	7	0,17	0,06	2,87	-4,62	>0,05
Динамометрия (л/к), кг	16,70±1,38	14,65±1,52	111	445	2,84	0,30	9,42	-13,99	<0,05	17,08±1,18	16,00±1,46	19	21	0,47	0,08	5,42	-6,75	<0,05

Сравнительная характеристика регистрируемых показателей в начале и в конце 2020/2021 учебного года студенток КГ и ЭГ представлена на рисунке 1.

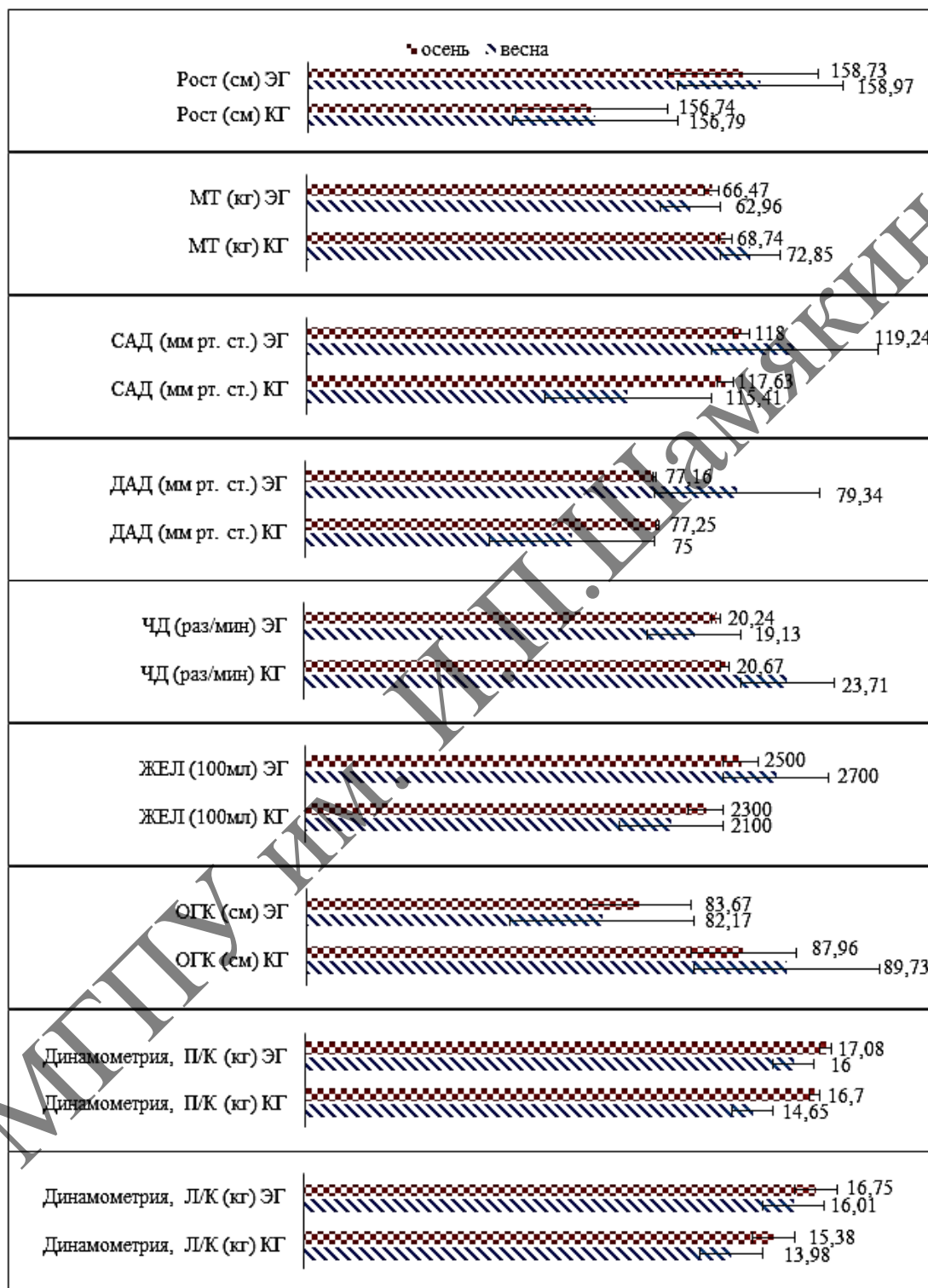

Рисунок 1. – Уровень физического развития студенток КГ и ЭГ в начале и в конце 2020/2021 учебного года

Заклучение

В результате проведенных педагогических исследований на протяжении 2020/2021 учебного года нами определено, что у студенток, занимающихся по инновационному специализированному учебному модулю «Двигательная культура личности для подготовки к беременности», в целом наблюдается положительная динамика исследуемых функциональных показателей. Изменения в функциональном показателе ЧСС свидетельствуют об экономичности работы ССС, что подтверждается достоверностью полученных результатов в ЭГ. Снижение ДАД и САД в КГ свидетельствует о дополнительной нагрузке на ССС, что может способствовать ухудшению кровоснабжения организма студенток. Позитивное влияние специальных комплексов специализированного модуля отразилось на повышении ЖЕЛ у студенток ЭГ по сравнению с КГ. Данный эффект характеризует повышение функций внешнего дыхания за счет развития дыхательной мускулатуры с расширением грудной клетки, что отражается в показателе ОГК. Увеличение ЧД у студенток КГ связано с нарушением газового обмена, с накоплением в крови студенток углекислоты и уменьшением содержания кислорода. Позитивная динамика в показателях динамометрии правой и левой кистей рук у студенток ЭГ в сравнении с КГ свидетельствует о повышении мышечной силы, благодаря четко подобранным, систематическим физическим упражнениям разработанного практического раздела специализированного модуля.

Таким образом, изучение учебного модуля «Двигательная культура личности для подготовки к беременности» в учреждении высшего образования по учебной дисциплине «Физическая культура» способствует значительному улучшению уровня физического развития студенток, формированию практических двигательных навыков, овладению теоретическими знаниями для подготовки организма к беременности, вынашиванию здоровых детей, благоприятному родоразрешению и восстановлению организма после родов. Изучение представленного модуля позволяет сформировать у студентов потребность в увеличении арсенала двигательной культуры, направленного на заботу о собственном здоровье не только в период беременности, но и в настоящее время; получить знания об особенностях изменения женского организма на протяжении трех триместров беременности в период обучения, которые помогут улучшить физическое здоровье для зачатия, обеспечат хорошее самочувствие в период беременности, облегчат течение родов и восстановление в послеродовом периоде; руководствоваться двигательными умениями и навыками, которые необходимы студентам для реализации их в процессе беременности, ориентированы на заботу о собственном здоровье и здоровье будущего ребенка; получить практический опыт в выполнении физических упражнений дифференцированной направленности в зависимости от происходящих изменений в организме беременной женщины; овладеть основами дыхательной гимнастики. Использование представленного специализированного модуля позволяет решать поставленные государством задачи в области здоровьесбережения студенческой молодежи.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь: Демографическая и социальная статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/obrazovanie/>. – Дата доступа 13.09.2021.
2. Здоровье студентов медицинских вузов России: проблемы и пути их решения / П. В. Глыбочко [и др.] // Сеченовский Вестник. – 2017. – № 2 (28). – С. 4–11.
3. Венскович, Д. А. Педагогическая модель формирования здоровьесбережения студенток для подготовки их к деторождению / Д. А. Венскович // Инновационные технологии спортивной медицины и реабилитологии : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 нояб. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т физ. культуры ; редкол.: Т. А. Морозевич-Шилюк (гл. ред.), К. Э. Зборовский (зам. гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 74–77.
4. Венскович, Д. А. Теоретико-методологические аспекты формирования двигательной культуры личности для подготовки к беременности в период обучения в учреждении высшего образования : монография / Д. А. Венскович. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2021. – 326 с.
5. Физическая культура : типовая учеб. программа для высш. учеб. заведений / В. А. Коледа [и др.] ; под ред. В. А. Коледы. – Минск : РИВШ, 2017. – 35 с.
6. Венскович, Д. А. Предпосылки для разработки учебной программы «Двигательная культура личности для подготовки к беременности» в рамках учебной дисциплины «Физическая

культура» / Д. А. Венскович, Н. Т. Станский // Весн. Полацк. дзярж. ун-та. Серія Е. Педагогічныя навукі. – 2020. – № 15. – С. 56–60.

7. Венскович, Д. А. Теоретичныя аспекты ведення беременности студенток, обучающихся в УВО / Д. А. Венскович // Весн. Віцебск. дзярж. ун-та. – 2020. – № 4. – С. 66–70.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИНЯТЫХ В СТАТЬЕ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

КГ – контрольная группа;
ЭГ – экспериментальная группа;
 $\bar{X} \pm \delta$ – среднее арифметическое \pm стандартное отклонение;
% – динамика показателей в процентном соотношении;
ЧСС – частота сердечных сокращений;
САД – систолическое артериальное давление;
ДАД – диастолическое артериальное давление;
ЧД – частота дыхания;
ОГК – окружность грудной клетки;
ЖЕЛ – жизненная емкость легких;
о/с – осенний семестр;
в/с – весенний семестр;
 $\sum_1^n (x - y)$ – сумма;
 \bar{d} – среднее арифметическое;
 \bar{d}^2 – средняя в квадрате;
 S_d – переменная;
t – индекс

Поступила в редакцию 20.12.2021

E-mail: venskovich.dina@mail.ru

D. A. Venskovich

ASSESSMENT OF THE LEVEL OF PHYSICAL DEVELOPMENT OF FEMALE STUDENTS WHO MAJORING IN UNSPORTSMANLIKE PROGRAMS OF THE FIRST STAGE OF HIGHER EDUCATION

The article presents comparative data on the level of physical development of female students who were trained according to the traditional curriculum «Physical culture» and students who studied the innovative developed specialized module «Motor culture of the individual to prepare for pregnancy» within the academic discipline «Physical culture» developed and approved at Vitebsk State University named after P.M. Masherov. The module was developed for all specialties of the non-sports profile of Stage 1 of Higher education and was approved on July 23, 2020 (registration number УД-27-004 / уч).

Keywords: physical development, physical culture, female students, non-sports profile, specialized module, motor skills, theoretical knowledge.

УДК 378.14

Т. В. Карпинская

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры инженерно-педагогического образования,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕДАГОГА-ИНЖЕНЕРА В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕТОДИКА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБУЧЕНИЯ»

В статье определены концептуальные основания процесса формирования профессиональных компетенций педагога-инженера в процессе обучения; конкретизированы компетенции, на формирование которых необходимо направить процесс изучения дисциплины «Методика производственного обучения»; описана теоретическая модель формирования профессиональных компетенций педагога-инженера в процессе изучения дисциплины «Методика производственного обучения».

Ключевые слова: проблемы формирования профессиональных компетенций педагога-инженера, подходы и принципы обучения студентов методике производственного обучения, профессионально-инженерные и профессионально-педагогические компетенции педагога-инженера, модель процесса формирования профессиональных компетенций педагога-инженера, этапы развития профессионально-педагогических компетенций педагога-инженера.

Введение

На современном этапе развития общества профессиональная подготовка специалиста определяется во многом социальным заказом, потребностями общества в специалистах соответствующего профиля. Главными показателями готовности к профессиональной деятельности являются профессиональная компетентность специалиста и его конкурентоспособность на современном рынке труда.

Новые требования ориентируют систему образования на компетентностный подход, обеспечивающий удовлетворение потребностей как современного общества, так и самих обучающихся. Студент намерен получить такое образование, которое в наибольшей степени содействует развитию его личностных сил и благоприятно скажется на его профессиональной карьере. Главной целью компетентностного подхода в обучении является усиление практической ориентации образования, выходящего за пределы «зуновского» образовательного пространства, ограничивающего воспитывающие и обучающие функции обучения, развитие познавательной активности как основы интеллектуальной самостоятельности и инициативы студентов в процессе решения профессиональных задач различного уровня сложности [1].

Анализ современного состояния высшего профессионального образования показал, что введение компетентностного подхода в учебный процесс требует серьезных изменений в содержании образования. Обучение приобретает интегрированно-деятельностный характер. Акцент делается на необходимости целостного развития будущего специалиста, раскрытии качественного своеобразия его творческой индивидуальности и, как следствие, формировании его профессиональной компетентности. Компетентностный подход отличается своей четкой направленностью на активизацию учебно-познавательной деятельности студентов. В связи с этим важную роль играет переход от традиционных форм и методов передачи знаний к инновационному образованию [2].

Для разрешения сложившегося противоречия возникла необходимость определить концептуальные основания и модель процесса формирования профессиональных компетенций инженера-педагога в процессе изучения дисциплины «Методика производственного обучения».

Таким образом, **целью** исследования является теоретическое обоснование и разработка процесса формирования профессиональных компетенций педагога-инженера в ходе изучения дисциплины «Методика производственного обучения».

Методы и методология исследования: изучение и анализ методологической, педагогической, психологической, социологической литературы по проблеме исследования; моделирование, проектирование, сравнение, обобщение педагогического опыта; наблюдение, беседы, анкетирование, педагогический эксперимент.

Результаты исследования и их обсуждение

С позиции компетентностного подхода смысл организации образовательного процесса заключается в создании условий для формирования у обучаемых опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем, составляющих содержание образования [3]. Гарантией эффективности формирования у обучаемых опыта самостоятельного решения проблем может служить задачно-целевая форма организации образовательного процесса [4], где знаниям отводится роль средств, необходимых для выполнения ряда практических заданий по разработке педагогических проектов. Следовательно, процесс формирования профессиональных компетенций педагога-инженера должен базироваться на определенных принципах.

Принцип продуктивности определяет направленность образовательного процесса на получение реального практического продукта, в качестве которого будут выступать разработанные студентами проекты. *Принцип соучастного творческого взаимодействия* преподавателя со студентами и их друг с другом. Творческое взаимодействие субъектов образования требует переориентации образовательного процесса, закрепляемой *принципом смещения акцента с передачи знаний на организацию деятельности студентов*. Это означает, прежде всего, изменение ведущих позиций преподавателя: если в традиционном обучении основная его функция состоит в трансляции студентам знаний, то в нашем случае его главной позицией становится позиция организатора совместной деятельности, подкрепляемая уже дополнительными педагогическими функциями источника информации (лектора), консультанта, игротехника [5].

С психологической точки зрения обучающийся изначально является субъектом образования, так как обладает запасом жизненного опыта, приобретенным и в рамках, и вне организованного учебного процесса. С позиции компетентностного подхода смысл образования заключается в развитии у обучаемых способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использования социального опыта, элементом которого является и собственный опыт учащихся [3]. В соответствии с *принципом восхождения к жизненному опыту студентов* следует рассматривать жизненный опыт в качестве механизма развития и саморазвития индивидуальности студента [6], [7]. Для этого необходимо постоянное сопоставление данных субъектного опыта обучающихся с культурными нормами педагогической деятельности, способствующее формированию, а во многих случаях – и преобразованию ценностно-смысловых ориентиров личности. Гарантией реализации принципа восхождения к жизненному опыту студентов служит опора учебного процесса на использование проблемно-диалоговых методов обучения [5].

Проблема формирования профессиональной компетентности будущих педагогов-инженеров является актуальной и активно изучается в настоящее время отечественными и зарубежными учеными, вкладывающими в ее трактовку различный смысл.

При всем многообразии изученности основных понятий компетентностного подхода в современной психолого-педагогической литературе нет единого мнения в определении сущности самого понятия профессиональной компетентности, ее структуры и содержательного наполнения.

Разные подходы к толкованию сущности профессиональной компетентности объясняются, очевидно, тем, что определение данного понятия динамично, многогранно. Его значение трансформируется в соответствии с изменениями, происходящими в обществе, образовании, и рассматривается с различных позиций.

Исследуя компетентностную составляющую процесса подготовки будущих педагогов-инженеров, мы, вслед за А. А. Вербицким и О. Г. Ларионовой, считаем, что профессиональная компетентность – это показатель готовности специалиста к выполнению конкретной профессиональной деятельности на соответствующем качественном уровне с использованием устоявшихся профессионально важных качеств и опыта [8]. Интегрированный характер инженерно-педагогической деятельности позволил выделить профессионально-педагогическую и профессионально-инженерную компетентности педагога-инженера.

Некоторые ученые убеждены, что в профессиональной деятельности будущего педагога-инженера преобладают инженерные компетенции.

Содержание понятия «инженерная компетентность» И. Д. Белоновская определяет как интегративное личностное качество, сущностью которого является готовность специалиста решать актуальные инженерные задачи, осознавая их социальную значимость и личную ответственность за результаты деятельности, необходимость постоянного совершенствования, благоприятную личностно-профессиональную перспективу [9].

По мнению Л. З. Тархан, взаимодействие и взаимопроникновение педагогической и инженерной составляющей инженерно-педагогического образования наилучшим образом проявляются

в дидактической деятельности, которая призвана трансформировать инженерно-технические знания с целью решения дидактических задач [10].

В нашем исследовании наиболее значимой для процесса подготовки будущих педагогов-инженеров является профессионально-педагогическая компетентность, позволяющая осуществлять их профессиональную подготовку на уровне требований, установленных образовательными стандартами, на основе сочетания технико-технологических и психолого-педагогических знаний, умений и навыков.

Обучение студентов в педагогическом плане направлено на подготовку специалиста, способного работать преподавателем общетехнических дисциплин или мастером производственного обучения. Студенты изучают дисциплины психолого-педагогического цикла, методики преподавания, проходят педагогические практики в учреждениях профессионально-технического образования, приобретая опыт самостоятельной педагогической деятельности.

Дисциплина «Методика производственного обучения» является составной частью педагогической подготовки педагога-инженера, которая охватывает технологию организации учебного процесса (как в условиях учебно-производственных мастерских учреждений профессионально-технического образования, так и в условиях производства) и нацелена на формирование универсальных, базовых профессиональных и специализированных компетенций.

Определив составляющие профессионально-педагогической компетентности педагога-инженера, мы соотнесли их содержание с содержанием профессиональных компетенций, определенных учебной программой дисциплины «Методика производственного обучения». Это позволило конкретизировать компетенции, на формирование которых необходимо направить процесс изучения дисциплины «Методика производственного обучения»: дидактическая, методическая, рефлексивная. Ориентация на формирование компетенций педагога-инженера существенно улучшит качество профессиональной подготовки выпускников.

В качестве целевого ориентира организации процесса изучения дисциплины «Методика производственного обучения» выступает теоретическая модель процесса формирования профессиональных компетенций специалиста (рисунок 1).

Анализ научных исследований в области теории моделирования, логика проектирования в образовании (Н. В. Бордовская, В. И. Загвязинский, Э. Ф. Зеер, В. В. Краевский, А. Д. Лашук, Н. А. Масюкова, Б. В. Пальчевский, В. А. Сластенин) позволили в качестве основных компонентов модели процесса формирования профессиональных компетенций педагога-инженера определить *концептуальный, технологический и рефлексивно-результативный* блоки.

Содержательное наполнение концептуального блока модели формирования профессиональных компетенций педагога-инженера раскрывается через его структурные компоненты: проблемное поле, основополагающие идеи и ценностные основания, цель, закономерности, подходы и принципы, предпосылки, условия, факторы, содержание, выстроенные с учетом основных методологических тенденций развития образования.

В процедуре разработки технологического блока акцент делается на процессуальности. Технологический блок модели связан с организацией процесса формирования профессиональных компетенций педагога-инженера. Содержание блока включает в себя детально разработанный план (весь путь от исходного материала деятельности до намеченного конечного продукта), где зафиксированы этапы предстоящей деятельности, определение технологических характеристик выделенных этапов (методик, методов, форм организации деятельности студентов), промежуточных продуктов, необходимого ресурсного обеспечения для достижения конечного результата.

Рефлексивно-результативный блок отражает эффективность процесса формирования профессионально-педагогических компетенций будущих педагогов-инженеров в процессе изучения дисциплины «Методика производственного обучения» и характеризует достигнутые результаты профессионального обучения в соответствии с поставленными целями. Данный блок нацелен на диагностику, прогнозирование, коррекцию процесса и результата образования и включает критерии (мотивационный – характеризует установки и ориентации личности на профессионально-педагогическую деятельность; когнитивный – определяет степень сформированности профессиональных знаний и умений специалиста; деятельностный – связан с организацией деятельности специалиста с позиций инициативы, самостоятельности, ответственности; рефлексивный – определяет способность специалиста осмысливать, оценивать результаты, в том числе и ошибки, собственной деятельности и деятельности других) и показатели уровня сформированности профессионально-педагогических компетенций будущих педагогов-инженеров: низкий (репродуктивный), средний (продуктивный), высокий (творческий).

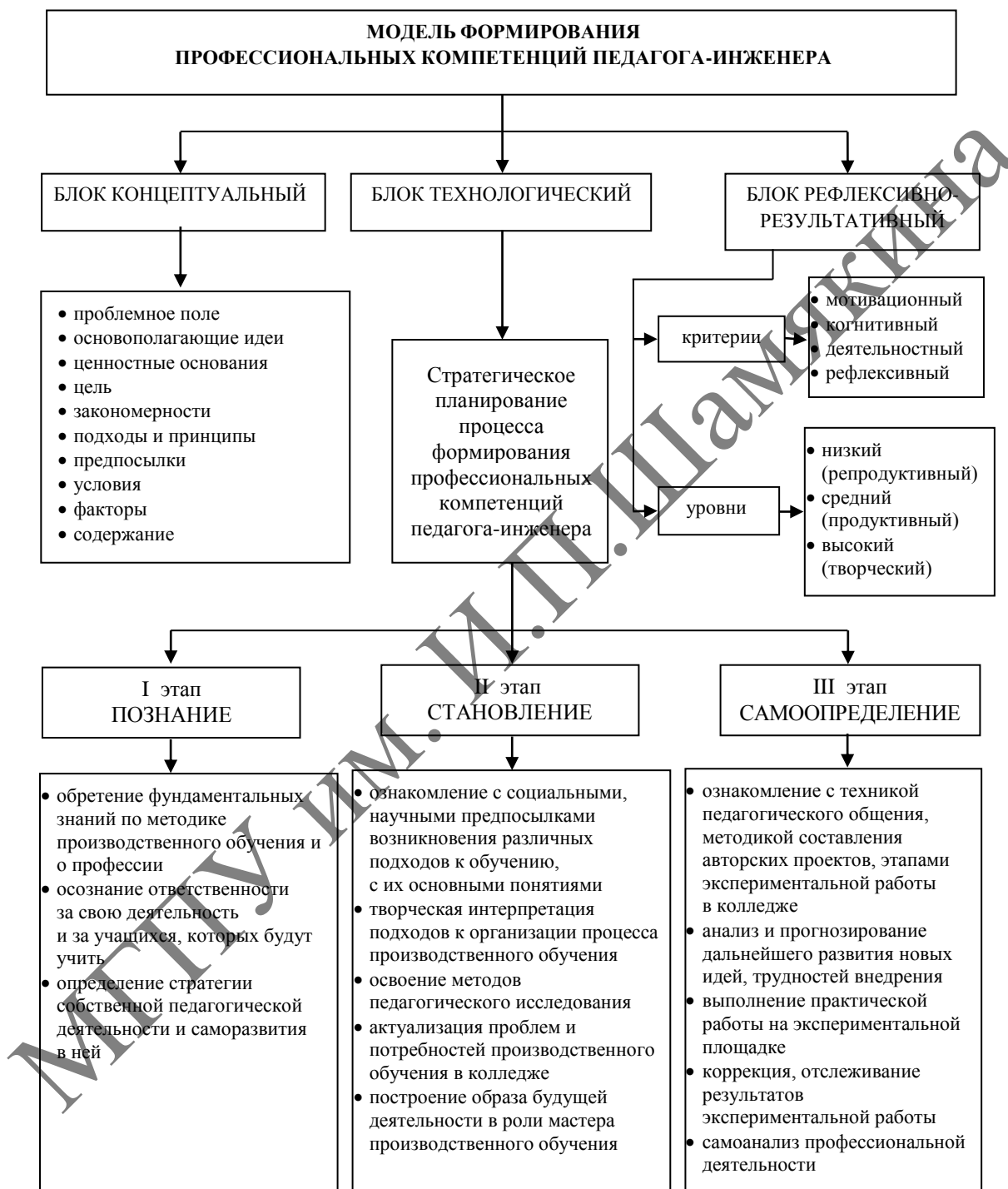

Рисунок 1. – Структурно-логическая схема модели формирования профессиональных компетенций педагога-инженера

Разработанная теоретическая модель процесса формирования профессиональных компетенций педагога-инженера позволяет определить основные ориентиры организации процесса изучения дисциплины «Методика производственного обучения»:

- процесс учения предусматривает конкретную, практическую деятельность студентов;
- деятельность учитывает имеющийся у студентов опыт и соответствует мотивации;
- деятельность планируется, выполняется, корректируется и оценивается студентами по возможности самостоятельно;
- деятельность способствует максимально широкому восприятию действительности и содействует целостному восприятию учебного процесса;
- деятельность обучающихся сопровождается социальным общением и сотрудничеством;
- результаты учебной деятельности интегрируются в опыт студентов и соотносятся с возможностями их профессионального использования [11].

Анализ литературы позволил нам выделить три этапа развития профессиональных компетенций будущего педагога-инженера, каждый из которых имеет свои задачи, формы и содержание: «Познание», «Становление», «Самоопределение» [2], [12].

Дисциплина «Методика производственного обучения» изучается на третьем курсе в течение 5-го семестра университетской подготовки будущих педагогов-инженеров. В соответствии с учебным планом студенты к этому времени уже обладают знаниями из области общей, возрастной и педагогической психологии, ознакомлены со спецификой педагогической деятельности. Отмеченные обстоятельства составляют, на наш взгляд, достаточную базу для формирования профессиональных компетенций педагога-инженера.

На этапе «Познание» выявляется исходный уровень развития у студентов профессионально-педагогических компетенций, ценностных ориентаций, жизненных смыслов. Обеспечивается обретение студентами фундаментальных знаний по методике производственного обучения и о профессии, осознание ответственности за свою деятельность и за учащихся, которых будут учить, определение стратегии собственной педагогической деятельности и саморазвития в ней. Эти и другие, не менее важные задачи решает для себя каждый студент. На данном этапе происходит развитие творческой индивидуальности, формирование у студентов способности выявлять, формулировать, анализировать и решать творческие задачи; развитие общей технологии творческого поиска: самостоятельный перенос ранее усвоенных знаний и умений в новую ситуацию, видение проблемы в знакомой ситуации, видение альтернативы решения, комбинирование ранее усвоенных способов деятельности в новый способ [2].

В рамках данного этапа студенты овладевают системой знаний по вопросам о дидактических закономерностях и принципах производственного обучения; основных документах, определяющих содержание производственного обучения; системах организации производственного обучения; формах и методах производственного обучения; современных требованиях к процессу производственного обучения; планировании, организации и методике производственного обучения в учебных мастерских учреждений профессионально-технического образования и в условиях производства.

Этап «Становление» направлен на овладение основами методологии научного познания, педагогического исследования. Студенты знакомятся с социальными, научными предпосылками возникновения различных подходов к обучению (лично ориентированного, культурологического, деятельностного, проектного), с их основными понятиями, творчески интерпретируют подходы к организации процесса производственного обучения, осваивают методы педагогического исследования. На этом этапе создается информационный лично ориентированный фон, актуализируются проблемы и потребности производственного обучения в колледже, формируются цели и идеи развития личности, образ будущей деятельности в роли мастера производственного обучения. Студенты выходят на эвристический уровень, появляется устойчивое отношение к новым идеям. Присвоение новых идей происходит на индивидуально-личностном уровне, поэтому на втором этапе главным фактором подготовки педагога-инженера является развитие его индивидуального стиля деятельности [2].

Для этого студенты по одной из тем производственного обучения проводят дидактический анализ учебного материала; разрабатывают план-конспект и технологическую карту урока производственного обучения в учебных мастерских; составляют инструкционные и инструкционно-технологические карты на выполнение учебно-производственных работ; разрабатывают критерии

оценки знаний учащихся на уроках производственного обучения; проводят фрагмент пробного урока производственного обучения и анализируют его эффективность. Все студенческие проекты носят профессиональный характер, поэтому авторы проектов обязательно выступают перед студенческими группами с целью привлечения к исследовательской деятельности других студентов. Это позволяет преобразовывать теоретические знания в профессиональный опыт и создает условия для саморазвития личности, позволяет реализовывать творческий потенциал, помогает студентам самоопределиваться и самореализоваться, что, в конечном счете, формирует их общие и профессиональные компетенции, обеспечивающие конкурентоспособность и востребованность на рынке труда.

Этап «*Самоопределение*» посвящен постижению смысла собственной педагогической деятельности. Он связан с рождением ценностных ориентаций в профессии, с уяснением особенностей собственного пути, появлением попыток объяснения собственного опыта, сопоставлением его с принятыми профессиональными нормами. Студенты знакомятся с техникой педагогического общения, с методикой составления авторских проектов, этапами экспериментальной работы в колледже, анализируют и прогнозируют дальнейшее развитие новых идей, трудности внедрения; выполняют практическую работу на экспериментальной площадке, осуществляют коррекцию, отслеживают результаты экспериментальной работы, самоанализа профессиональной деятельности.

Ведущей формой работы на данном этапе, позволяющей в комплексе решать выделенные задачи, является первая педагогическая практика, где студенты стажированы в должности мастера производственного обучения. Во время педагогической практики обеспечиваются инициативная активность студента, его субъектность в решении собственных и педагогических проблем. Студенты осмысливают накопленный собственный профессиональный опыт, задается вектор дальнейшего профессионального саморазвития, педагогических установок и компетенций, которые к этому времени осознаваемы ими [2]. Поэтому именно педагогическая практика студентов является в профессиональном образовании той организационной формой, в процессе которой становятся возможными развёртывание, формирование и развитие компонентов профессиональной компетентности будущего педагога-инженера, приобретение опыта педагога в практической деятельности.

На этом этапе формируется позиция педагога-инженера как система его взглядов и установок в отношении развития личности учащегося. Готовность осуществлять профессиональное общение приобретает целостный методологический характер, развиваются рефлексивно-аналитические умения, творческая активность, желание разработать и внедрить свои авторские проекты.

Тактический план представленных этапов развития профессиональных компетенций будущего педагога-инженера разворачивается в соответствии с логикой задачно-целевой формы организации учения – преподавания по следующей схеме организации проектной деятельности студентов: проблематизация – целеполагание – планирование – реализация – презентация – оценивание – рефлексия.

Процесс изучения дисциплины «Методика производственного обучения» предполагает применение методов, которые обеспечат максимальную активизацию самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов. В качестве приоритетных определить такие методы, как словесные (проблемная лекция, лекция-дискуссия по проблемным вопросам или ситуациям); практические (творческие задания по методике производственного обучения, выполняемые студентами с использованием инновационных технологий; проектирование и методическое решение педагогических ситуаций и задач; демонстрация и тренинг исследовательских навыков); поисково-исследовательские (самостоятельный поиск, исследование студентами изучаемых проблем и явлений).

Заключение

Теоретический анализ научных источников по теме исследования, изучение практики образования и опыт работы по подготовке будущих педагогов-инженеров в высшей школе позволили выделить основные профессионально-педагогические и профессионально-инженерные компетенции, которые определяют уровень профессиональной компетентности будущих педагогов-инженеров [13]. В результате соотнесения содержания выделенных составляющих профессионально-педагогической компетентности и профессиональных компетенций, определенных учебной программой дисциплины «Методика производственного обучения», конкретизированы компетенции (дидактическая, методическая, рефлексивная), на формирование которых необходимо направить процесс изучения дисциплины «Методика производственного обучения».

Разработанная теоретическая модель процесса формирования профессиональных компетенций педагога-инженера характеризуется целостностью, представляет собой взаимосвязанную сово-

купность последовательно реализуемых блоков: концептуального, технологического, рефлексивно-результативного, которые несут определенную смысловую нагрузку и нацелены на формирование профессионально-педагогических компетенций педагога-инженера.

Данная модель выступает в качестве целевого ориентира организации процесса изучения дисциплины «Методика производственного обучения», позволяет рассматривать процесс формирования профессионально-педагогических компетенций специалиста в динамике и может быть применена на практико-методическом уровне для построения деятельности на введение изменений (новшеств) в практику подготовки педагогов-инженеров в соответствии с меняющимся социальным заказом.

Определены этапы развития профессиональных компетенций будущего педагога-инженера, каждый из которых имеет свои задачи, формы и содержание. Представленные этапы разворачиваются в соответствии с логикой организации проектной деятельности (проблематизация – целеполагание – планирование – реализация – презентация – оценивание – рефлексия).

Для обеспечения максимальной активизации учебно-познавательной деятельности студентов в качестве приоритетных методов были выбраны проблемная лекция, лекция-дискуссия по проблемным вопросам или ситуациям, творческие задания по методике производственного обучения, выполняемые студентами с использованием инновационных технологий, проектирование и методическое решение педагогических ситуаций и задач, демонстрация и тренинг исследовательских навыков и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Малышева, О. С. Развитие познавательной самостоятельности студентов в процессе формирования межкультурной компетенции в условиях двухуровневой подготовки / О. С. Малышева, Э. Р. Латыпова, А. Г. Маджуга // *Современные наукоемкие технологии*. – 2016. – № 5-3. – С. 575–579.
2. Карпинская, Т. В. Формирование профессиональных компетенций педагога-инженера в процессе изучения дисциплины «Методика производственного обучения» / Т. В. Карпинская // *Проблемы и перспективы технологического образования в России и за рубежом («Problems and prospects of technological education in Russia and abroad»)* : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. (9–10 апр. 2020 г.) / отв. ред. Л. В. Козуб. – Ишим, 2020. – С. 122–125.
3. Лебедев, О. Е. Компетентностный подход в образовании / О. Е. Лебедев // *Школьные технологии*. – 2004. – № 5. – С. 3–12.
4. Громько, Ю. В. Мыследеятельностная педагогика (Теоретико-практическое руководство по освоению высших образцов педагогического искусства) / Ю. В. Громько. – Минск : Технопринт, 2000. – 376 с.
5. Карпинская, Т. В. Фундаментальные нормы формирования проектной культуры будущих учителей технологии / Т. В. Карпинская // *Технологическое образование: Теория и практика : материалы междунар. науч.-практ. конф.*, 30 апр. 2015 г. – Ульяновск, 2015. – С. 14–21.
6. Свирина, Н. Г. Жизненный опыт учащихся в контексте личностно ориентированного образования / Н. Г. Свирина // *Педагогика*. – 2001. – № 7. – С. 27–31.
7. Якиманская, И. С. Разработка технологий личностно ориентированного обучения / И. С. Якиманская // *Вопр. психологии*. – 1995. – № 2. – С. 31–42.
8. Вербицкий, А. А. Личностный и компетентностный подходы в образовании. Проблемы интеграции / А. А. Вербицкий, О. Г. Ларионова. – М. : Логос, 2009. – 336 с.
9. Белоновская, И. Д. Формирование инженерной компетентности специалиста в условиях университетского комплекса : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.08 / И. Д. Белоновская ; ГОУ ВПО «Оренбургский государственный университет». – Оренбург, 2006. – 43 с.
10. Тархан, Л. З. Дидактическая компетентность инженера-педагога: теоретические и методические аспекты : [монография] / Лена Запаевна Тархан. – Симферополь : КРП Издательство «Крымиздатпедгиз», 2008. – 424 с.
11. Гарафутдинова, Г. Р. Модель формирования профессиональной компетентности выпускника вуза [Электронный ресурс] / Г. Р. Гарафутдинова // *Фундаментальные исследования*. – 2008. – № 5. – С. 57–59. – Режим доступа: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=2915>. – Дата доступа: 14.11.2018.
12. Дудкина, Н. М. Формирование профессиональной компетенции будущего специалиста [Электронный ресурс] / Н. М. Дудкина. – Режим доступа: <https://infourok.ru/formirovanie-professionalnoy-kompetencii-buduschego-specialista-2355388.html>. – Дата доступа: 05.01.2020.

13. Карпинская, Т. В. Составляющие профессиональной компетентности педагога-инженера / Т. В. Карпинская // Инновационные технологии обучения физико-математическим и профессионально-техническим дисциплинам = Innovative teaching techniques in physics, mathematics, vocational and mechanical training = Іноваційні технології навчання фізико-математичним і професійно-технічним дисциплінам : матеріали X Юбилейной Международ. науч.-практ. интернет-конф., Мозырь, 27–30 марта 2018 г. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.: Е. М. Овсюк (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2018. – С. 303–304.

Поступила в редакцию 11.11.2021

E-mail: tkarpinskaya@mail.ru

T. V. Karpinskaya

MODEL OF PROFESSIONAL COMPETENCIES FORMATION OF
A TEACHER-ENGINEER WHILE STUDYING THE DISCIPLINE
« INDUSTRIAL TRAINING METHODOLOGY »

The article defines the conceptual foundations of the process of formation of professional competencies of a teacher-engineer in the process of training; specified competencies and the formation should be directed to the process of studying of the discipline "Industrial training Methodology" which is described as a theoretical model of the formation of professional competencies of a teacher-engineer in the process of studying the discipline "Methodology of industrial training".

Keywords: problems of forming professional competencies of a teacher-engineer, approaches and principles of teaching students the methodology of industrial training, professional-engineering and vocational-pedagogical competencies of a teacher-engineer, a model of the process of forming professional competencies of a teacher-engineer, stages of development of professional and pedagogical competencies of a teacher-engineer.

УДК 378.147:37.037.1(043.3)

Т. Н. Чечко

Кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой белорусской и русской филологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

ИСТОРИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ: СУЩНОСТЬ И МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ

В статье представлены характеристика историко-функциональных компетенций студентов-филологов и алгоритм их формирования средствами литературоведческих дисциплин. Установлено, что с учетом основных положений компетентностного и интегративно-модульного подходов в аспекте формирования компетенций особым образовательным потенциалом обладает механизм разноуровневой интеграции, на основании которого и разработаны компоненты интегрально-модульной методики поэтапного формирования историко-функциональных компетенций. При разработке интегрально-модульной методики использованы методы моделирования профессиональных ситуаций, укрупнения дидактических единиц, драмогерменевтический метод освоения произведений литературы, что позволило оптимизировать содержание образования, интенсифицировать формирование историко-функциональных компетенций и образовательный процесс в целом.

Ключевые слова: ключевые компетенции, студент-филолог, литературоведческие дисциплины, историко-функциональные компетенции, операциональный механизм разноуровневой интеграции.

Введение

Об особой миссии современного педагога сегодня активно говорят как ученые в своих исследованиях, так и учителя-предметники в образовательной практике. Социокультурное пространство XXI века выдвигает серьезные требования к современному учителю, особенно к учителю-филологу. Помимо многоаспектной экстраполяции знаний, принципиально важно сегодня работать на формирование *метасвойств* воспитанности: склонности к активно созидательной жизнедеятельности; способности и готовности к постоянному самосовершенствованию; перспективности мышления, проектирования и прогнозирования результатов труда; согласованности процессов трансляции и реализации идей [1, с. 165]. Соответственно, именно в условиях высшей педагогической школы будущий учитель-филолог должен овладеть эффективными механизмами актуализации знаний, проектирования и реализации актуальных образовательных стратегий и эффективных педагогических тактик. Чтобы быть готовым к реализации этой особой миссии педагога в профессиональной перспективе, уже будучи студентом-филологом, необходимо не только получить предметные знания, но и стать «сильной языковой личностью», эффективным коммуникантом, компетентным специалистом. В трактовке Л. В. Хведченя это значит: быть специалистом, обладающим *знанием как пониманием, знанием как действовать* – внедрять педагогическую теорию в образовательную практику в условиях профессиональной и социальной инноватики, – и *знанием как быть, поступать*, руководствуясь личностными морально-этическими установками [2, с. 176].

В соответствии с образовательными стандартами Республики Беларусь профессиональная подготовка студента-филолога нацелена на формирование ключевых компетенций, а требования к ее результатам, соответственно, именуется как компетентностные [3].

В работах ученых И. А. Зимней, А. В. Хуторского, В. И. Байденко, О. Л. Жук представлено множество классификаций компетенций с учетом специфики предметной области, этапа и дидактического инструментария их формирования, психолого-педагогических целей и мотивов профессионального образования [4]–[6].

В плане формирования «сильной языковой личности» (терминология О. А. Кадилиной), способной к продуктивной коммуникации, нас заинтересовали образовательные доминанты русской литературы и литературоведческих дисциплин [7]. Литературная классика – это не только пространственный ответ на извечные вопросы о смысле человеческой жизни и поиске сокровенного пути к счастью, но и уникальный опыт эффективного интеллектуально-коммуникативного воздействия на личность: реализации механизмов достижения единства мысли и действия, пробуждения интереса

к проблеме посредством верных акцентов, включения в коммуникативное действие рациональных и эмоционально-образных механизмов психики [8, с. 115]. Язык литературного произведения благодаря своей художественной образности и эмоциональности способствует уяснению абстрактных понятий, иллюстрируя их в качестве дополнительной опоры. Понятийное значение в этом случае обретает дополнительную яркость и убедительность, а только логическое освоение явлений «убивает» эмоции и, как следствие, воображение человека, которое является залогом развития творческого мышления [9, с. 142].

С учетом образовательного потенциала русской литературы и литературоведческих дисциплин мы разработали систему ключевых компетенций будущих учителей-филологов, выделив в особую группу компетенции *историко-функциональные*. Цель данной статьи – охарактеризовать специфику историко-функциональных компетенций и механизм их формирования на основе применения интегрально-модульной методики.

Методы и методология исследования

Комплексный анализ научных исследований и учебно-программной документации позволил определить сущность историко-функциональных компетенций, уточнить их содержательные и функциональные характеристики. С учетом проблемного поля исследования, предметной области и профессионально-целевых научных положений в качестве концептуального основания формирования историко-функциональных компетенций нами выделена *интегративная целостность компетентностного обучения*. Реализовано данное концептуальное основание посредством разработки механизма разноуровневой интеграции и экстраполяции его в компонентах авторской методики поэтапного формирования историко-функциональных компетенций. В процессе педагогического исследования нами использованы методы межпредметной интеграции, экстраполяции, укрупнения дидактических единиц, моделирования профессиональных ситуаций, драмогерменевтический метод прочтения литературы.

Результаты исследования и их обсуждение

Аналитический обзор работ исследователей в области коммуникативно-деятельностного, историко-функционального и историко-генетического подходов к профессиональной подготовке учителей-филологов (В. В. Давыдов, Е. С. Антонова, Г. С. Завацкая, Е. Н. Ильин) позволяет утверждать, что важным аспектом научного поиска сегодня являются содержание и структура компетенций, способствующих актуализации культурно-исторических, нравственно-социальных норм и ценностей средствами произведений литературной классики; способности к регрессивному анализу социокультурного явления и разработке динамических моделей развития явления или процесса; готовности будущих педагогов к проектированию и реализации эффективных решений актуальных педагогических задач. Решение этих стратегически важных для педагога задач обеспечит, с нашей точки зрения, формирование историко-функциональных компетенций студентов-филологов в условиях педагогического университета.

Историко-функциональные компетенции представляют собой дидактический эквивалент общенаучного метода познания, основанного на принципе историзма. Данная группа компетенций частично формируется на уроках литературы в старших классах общеобразовательной школы и получает свое дальнейшее развитие в условиях педагогического университета. Студенты-филологи, постигая причины, порождающие те или иные художественные явления, понимая стадийность их исторического развития, лучше разбираются в современных социокультурных изменениях [10, с. 157].

Сегодня студента необходимо научить ощущать и понимать различные исторические формы и типы сознания, оставаясь при этом чутким к «болевым точкам» произведения, проблемам современности, что дает возможность осваивать социальные нормы не только как нормы культурно-исторические, но и как современные, которыми нужно руководствоваться «здесь и сейчас» [8, с. 10].

Историко-функциональный подход к изучению классических художественных текстов является для будущих словесников специфически литературным, так как учитывает читательское восприятие, и, в силу этого, он педагогически действенен. Он позволяет связывать историко-генетические аспекты анализа литературного произведения с функциональными, соотносить конкретно-историческое в его содержании с логическим и общечеловеческим; воспринимать любое классическое литературное произведение как особую систему, «основание которой обращено в историческое прошлое, а «крона» устремлена в настоящее и будущее» [10, с. 157].

Каждая эпоха по-своему прочитывает литературную классику, открывает в ней новые смысловые грани. Важнейшее назначение историко-функциональных компетенций – обеспечить

умение определять наиболее существенное в осваиваемом художественном тексте, извлекать из него духовно-нравственный потенциал. Будущий учитель литературы должен научиться определять в классическом произведении самое значительное для современности, актуальное для читателя [11]. Не учитывая читательского восприятия, сегодня невозможно пробудить живой интерес к художественной литературе, а значит, и создать необходимые условия для полноценного освоения ее духовно-нравственных богатств [10, с. 158]. Современное синергетическое мировоззрение и познание включают «человека – абстрактного наблюдателя в бытие, а, следовательно, и в саму картину мира как органической, ответственной и решающей части бытия», драмогерменевтический метод прочтения классики помогает реализовать новое мировоззрение в образовательной практике университета, а в дальнейшем – в учебно-воспитательном процессе школы [12, с. 55].

Не отрывая продукты творчества писателя-классика от породившей их исторической почвы, студент учится представлять их школьникам не как достояние одной только истории (как исторические памятники), а, прежде всего, как «достояние» нынешних читателей, способное пробуждать в них живой отклик, вызывать «светлую радость эстетического переживания» [8, с. 75]; понимать, «чему классическое произведение учит, куда ведет ... Почему оно живо до сих пор, и в каком именно смысле живо» [8, с. 79], и в итоге избегать как объективистски отстраненного, так и субъективистски предвзятого отношения к литературному произведению; эффективно использовать идеи и образы литературно-художественного текста для развития живого интереса к нему. Студент-филолог должен быть готов разрабатывать новые информационные продукты на материале классических произведений: Похвальное слово князю Владимиру; виртуальный маршрут «Хожение за три моря Афанасия Никитина»; мультимедиапрезентацию «Хвала книгам» (на материале «Повести временных лет»); Поучение своим современникам средствами стилиевой доминанты Поучения Владимира Мономаха и т. д.

Для реализации стратегий и механизмов успешной профессиональной деятельности в школе в условиях педагогического университета будущий учитель-филолог должен овладеть следующими историко-функциональными компетенциями: компетенцией актуализации культурно-исторических и нравственно-социальных норм и ценностей средствами художественных текстов; компетенцией интерпретации идей и сюжетов литературной классики в актуальном социокультурном контексте; компетенцией разработки информационно-коммуникативных продуктов с помощью стилистических формул той или иной эпохи, литературно-эстетического направления, течения; компетенцией проектирования, моделирования эффективных решений актуальных художественно-педагогических задач.

Таким образом, историко-функциональные компетенции – это владение способами и механизмами актуализации культурно-исторических и нравственно-социальных норм и ценностей, применяемыми как в профессионально-педагогической деятельности, так и в реальных жизненных ситуациях. Это сложные интегративно-целостные дидактические единицы и для их формирования необходимы соответствующие педагогические условия и дидактический инструментарий. Интегрально-модульная методика поэтапного формирования историко-функциональных компетенций, разработанная нами, наиболее удовлетворяет компетентностной парадигме профессиональной подготовки и интегративной природе литературного образования. В соответствии с принципом комплексности она обеспечила включение студентов в различные виды учебной деятельности (аналитико-синтетические, коммуникативно-речевые, материально-предметные), а соблюдение принципа профессионально-ценностных ориентаций позволило актуализировать и задействовать в образовательном процессе духовно-нравственные ценности студентов, опыт реализации персональных траекторий коммуникативного развития. Реализация авторского принципа ведущего компонента обеспечила определение образовательных доминант в учебном материале и его соответствующее структурирование, позволяющее акцентировать внимание студентов на прочном освоении основных понятий и идей, ведущих тенденций многовекового развития литературы. В основу процесса поэтапного формирования историко-функциональных компетенций положен операциональный механизм разноуровневой интеграции, который реализован во всех компонентах методики и на всех ее уровнях (мотивационно-целевом, содержательном, организационно-деятельностном, контрольно-оценочном).

На мотивационно-целевом уровне интегрально-модульной методики предполагается не просто формулировка общей цели процесса, в выстраивание системы учебно-профессиональных целей-мотивов с учетом этапности формирования компетенций и стадийности развития литературных процессов. Например, изучать древнерусскую литературу, чтобы формировать культуру проявления гражданско-патриотической позиции, овладеть способами художественно-эстетической активности и механизмами ораторского искусства; историю литературы XVIII в. – чтобы овладеть мастерством

стихосложения, научиться создавать поэтические, эпические, эпистолярные тексты, режиссировать сценарии; определять доминантные идеи историко-литературной эпохи (по аналогии – конкретного художественного текста) и разрабатывать их в учебно-воспитательном процессе в виде разделов программы школьного факультатива «Духовность и патриотизм», художественно-театральной студии «Слово» и др. Таким образом происходит активизация мотивационно-потребностной перспективы в личностном коммуникативном развитии и обучении в целом. Студенты в начале обучения получают ответы на важные для их личностного становления вопросы: о чем свидетельствует исторический опыт предыдущих поколений; какова образовательная ценность искусства, к примеру, XI–XVII вв.; каковы функции литературы как образца эффективной коммуникации в личностном развитии, в становлении самодостаточного, прогрессивно мыслящего коммуниканта; как литература влияла (влияет) на формирование «общества будущего» и становление государственности и т. д. [13].

На *содержательном* уровне методики нами предусмотрена инкрустация в образовательный процесс системы интегративных литературоведческих категорий и разработка полихудожественных информационных продуктов, что значительно усиливает перспективы формирования историко-функциональных компетенций студентов посредством освоения ведущих понятий курса в широком историко-литературном контексте. Предлагаются укрупнение литературоведческих категорий и иллюстрация их литературными примерами, образцами живописи, православной архитектуры (например, эпохальный стиль – индивидуально-авторский стиль – литературное течение – «онегинская строфа»; закономерности литературного процесса – тенденции в литературном развитии – прогрессивные линии в истории развития русской литературы). Экстраполяция ведущих учебных категорий в разные сферы искусства и материально-ценностной деятельности человека нацелена на формирование способности и готовности ассоциативно, масштабно и перспективно мыслить («мыслить веками»), устанавливать актуальные причинно-следственные связи между процессами и явлениями – сначала литературоведческими, искусствоведческими, лингвистическими, а в итоге и социокультурными [12]. Такой способ оптимизации учебного материала позволяет продемонстрировать студентам образцы перспективного проектирования и прогнозирования процессов, применяя методы историко-генетического и историко-функционального подходов. Студент осваивает интегрированное знание, понимая причины и закономерности его дальнейшего развития, осознавая его значимость сегодня. В таком случае поражение князя Игоря в XII веке мыслится студентами как событие исторической ретроспективы с далекой перспективой (события истории Нового времени). Состоится верное прочтение основной идеи «Слова о полку Игореве» – сила славян в единстве. Эта генеральная идея текста иллюстрируется не только событиями XII века, но и сюжетами и образами А. Блока (цикл «На поле Куликовом»), К. Бальмонта («Славяне, вам светлая слава») и др. Основные положения реформы стихосложения Тредиаковского-Ломоносова могут стать алгоритмом трансформации языковых моделей электронной коммуникации и т. д.

Использование таких интегративных понятий, как *художественная идеализация, конкретно-историческая типизация, возрастание личностного начала в литературе*, способствует освобождению учебного материала от избыточной фактологичности и формированию умений визуализации теоретических понятий; развитию способности выявления доминантных позиций в совокупности процессов и явлений; развитию умений перспективного прогнозирования процессов; активизации преемственных и междисциплинарных связей в изучении филологических дисциплин.

На уровне *организационно-деятельностном* операциональный механизм разноуровневой интеграции реализуется посредством комплектации содержания образования в *полифункциональные модули*. Это позволяет интегрировать учебную информацию и структурировать учебный материал с учетом основных закономерностей развития литературы, визуализировать его с помощью мультимедийных образовательных ресурсов посредством применения элементов технологии дополненного образовательного пространства (гиперссылки на сайты, QR-коды учебных фильмов, экспозиций литературных музеев и т. д.). Каждый модуль содержит диагностический инструментарий для определения уровня сформированности историко-функциональных компетенций (тесты открытого/ закрытого типа, компетентностно ориентированные вопросы и задания), что обеспечивает качественный и оперативный контроль над освоением учебного материала в пределах темы, раздела, исторического периода. В итоге интегрированное структурирование литературоведческих курсов обеспечивает не просто диагностику и контроль, а мониторинг сформированности историко-функциональных компетенций студентов, их готовности к регрессивному анализу и корректровке личностной траектории коммуникативного развития, к способности перспективного планирования

результатов. Дополненное содержание образования транслируется посредством *интерактивных форм обучения*. С учетом специфики и объема учебного материала проводятся лекция-аудиовизуализация («Литература Киевской Руси: темы и сюжеты»), лекция-пресс-конференция («Русское Предвозрождение: эмоционально-экспрессивный стиль и стиль психологической умиротворенности»), лекция-аналитическое чтение («Трансформация житийного канона: «Повесть о житии и подвигах святого, благоверного князя Александра Невского»), лекция-панорама («Прогресс в литературе XI–XVII вв.»), экспресс-коллоквиум на знание литературных текстов.

Эффективность формирования историко-функциональных компетенций достигается еще и посредством использования *интерактивных методов обучения*, таких как моделирование профессиональных ситуаций (составление сценария урока-трагедии, посвященного жизни и деятельности Вещего Олега), разработка художественно-иллюстративных, литературно-исследовательских проектов («Похвальное слово первым русским святым Борису и Глебу», «Опыт духовности и патриотизма: от Владимира Мономаха – до Сергия Радонежского»), создание видеомы эмоционально-экспрессивного стиля, алгоритм целостного эстетического анализа художественного текста (на материале разделов «Повести временных лет»).

Компоненты интегрально-модульной методики формирования историко-функциональных компетенций апробированы в образовательном процессе специальности 1-02 03 04 Русский язык и литература. Иностранный язык (английский) УО МГПУ им. И. П. Шамякина, в результате чего установлено, что их внедрение значительно интенсифицирует процесс формирования историко-функциональных компетенций будущих учителей-филологов на всех его этапах:

– *адаптивном этапе* – проектирование системы учебно-профессиональных целей-результатов компетентностного филологического образования; формирование положительной мотивационно-потребностной перспективы овладения историко-функциональными компетенциями; формирование системы интегративных понятий (художественная идеализация, историческая типизация, возрастание личностного начала в литературе, регресс прямолинейной условности в литературе и др.). Данный этап реализуется во вводных разделах цикла литературоведческих дисциплин («Образовательный потенциал древнерусской литературы», «Художественно-эстетические традиции древних славян», «Коммуникативная культура древнерусских книжников: искусство книжной миниатюры»);

– *основном этапе* – выполнение компетентностно ориентированных заданий, создание новых информационных продуктов; работа с полихудожественными образовательными ресурсами, инстаграм-аккаунтом студента-филолога, опорными конспектами лекций, интерактивными читательскими дневниками; формирование основного объема интегративных понятий (эмоционально-экспрессивный стиль, стиль «плетения словес», стиль психологической умиротворенности, «смеховой стиль» в фольклоре и литературе, принцип художественного обобщения в фольклоре и литературе и др.) в рамках основных разделов цикла литературоведческих дисциплин («Этническая идентичность жанровой системы русского фольклора», «Стилевые доминанты в древнерусской литературе», «Разработка модели типологических связей в литературе и православной живописи»);

– *интегральном этапе* – выявление опыта коммуникативного поведения в решении учебных задач, имитирующих социально-профессиональные ситуации, профессионально-ценностных ориентаций будущих учителей-филологов; создание индивидуального поликультурного образовательного пространства в процессе разработки видеомы стилиевых доминант литературы XI–XVII вв., написания сочинений-эссе, создания новых информационных продуктов, коммуникативного сопровождения инстаграм-аккаунта; внедрение результатов учебно-профессиональной деятельности в образовательную практику университета и школы. Данный этап реализуется в итоговых разделах цикла литературоведческих дисциплин («Народная этика и эстетика», «Прогрессивные явления: образы и сюжеты литературы XI–XVII вв., теория литературы XVIII в.»), «Разработка модели художественно-интерпретационных взаимосвязей литературы и живописи»), в рамках пассивной педагогической практики.

Выводы

В результате проведенного исследования нами определена специфика историко-функциональных компетенций, заключающаяся в готовности студентов-филологов актуализировать культурно-исторические и нравственно-социальные нормы и ценности средствами произведений классической литературы; интерпретировать идеи и сюжеты литературной классики в актуальном социокультурном контексте; создавать новые информационно-коммуникативные продукты; проектировать, моделировать

эффективные решения актуальных художественно-педагогических задач. Установлено, что данная группа компетенций нацелена на овладение способами актуализации культурно-исторических и нравственно-социальных норм и ценностей, применяемыми как в профессионально-педагогической деятельности, так и в реальных жизненных ситуациях; способствует обогащению всех каналов и способов художественной коммуникации, овладению опытом творческой коммуникации и механизмами эффективного взаимодействия.

Обеспечить формирование компетенций, как интегративно-целостных дидактических единиц, возможно в соответствующих условиях интерактивного образовательного пространства. С этой целью нами апробирована интегрально-модульная методика, на всех уровнях которой был реализован механизм разноуровневой интеграции. Посредством внедрения в процесс литературоведческой подготовки студентов-филологов операционального механизма разноуровневой интеграции нам удалось интенсифицировать мотивационно-потребностные перспективы обучения, оптимизировать содержание образования путем укрупнения дидактических единиц в рамках учебных мультимодулей; разнообразить формы трансляции интегрированного учебного материала и способы мониторинга сформированности историко-функциональных компетенций; включить студентов в процесс творческой коммуникации.

Таким образом, нам удалось интенсифицировать формирование историко-функциональных компетенций и образовательный процесс в целом, обеспечить соблюдение единства трех составляющих «компетентностные требования – компетентностно ориентированное содержание образования – социально-профессиональная компетентность специалиста».

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Научно-методические инновации в высшей школе : [сб. ст.] / Респ. ин-т высш. шк. ; под общ. ред. А. В. Макарова. – Минск : РИВШ, 2008. – 186 с.
2. Хведченя, Л. В. Проектирование учебной программы по иностранным языкам на основе компетентностного подхода / Л. В. Хведченя // Научно-методические инновации в высшей школе : [сб. ст.] / Респ. ин-т высш. шк. ; под общ. ред. А. В. Макарова. – Минск, 2008. – С. 172–185.
3. Высшее образование. Первая ступень. Цикл социально-гуманитарных дисциплин = Вышэйшая адукацыя. Першая ступень. Цыкл сацыяльна-гуманітарных дысцыплін : РД РБ 02100.5.2272006 : [утв. постановлением М-ва образования Респ. Беларусь от 01.09.2006 г., № 89]. – Введ. 01.09.2006 – (Образовательный стандарт) // Республиканский институт высшей школы [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: nihe.niks.by. – Дата доступа: 27.08.2021.
4. Жук, О. Л. Качество педагогической подготовки в классическом университете в контексте современного менеджмента качества образования / О. Л. Жук // Управление качеством образования: теория и практика : [сб. ст.] ; под ред.: А. И. Жука, Н. Н. Кошель. – 2-е изд. – Минск, 2009. – С. 446–467.
5. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированной парадигмы образования / А. В. Хуторской // Нар. образование. – 2003. – № 2. – С. 58–64.
6. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высш. образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34–39.
7. Кадилина, О. А. Национально-культурная специфика англоговорящей сильной языковой личности / О. А. Кадилина, Е. Н. Рядчикова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2011. – № 2. – С. 93–96.
8. Анисимов, В. И. Интегративные основы моделирования содержания литературного образования в педагогическом вузе / В. И. Анисимов. – Минск : Нац. ин-т образования, 1999. – 240 с.
9. Мирецкая, Н. В. Сопряжение: комплексная работа по эстетическому воспитанию в школе : кн. для учителя: из опыта работы / Н. В. Мирецкая. – М. : Просвещение, 1989. – 206 с.
10. Чечко, Т. Н. Формирование историко-функциональных компетенций студентов-филологов средствами литературоведческих дисциплин / Т. Н. Чечко, Е. Н. Ворфоломеева // Міжнародныя Шамякінскія чытанні “Пісьменнік – Асоба – Час” : матэрыялы VI Міжнар. навук.-практ. канф., Мазыр, 27 верас. 2019 г. / УА МДПУ імя І. П. Шамякіна ; рэдкал.: А. У. Сузько (адк. рэд.) [і інш.]. – Мазыр, 2019. – С. 157–159.
11. Воровщиков, С. Г. Школа должна учить мыслить, проектировать, исследовать: управленческий аспект / С. Г. Воровщиков, М. М. Новожилова. – 3-е изд. – М. : Высш. шк., 2007. – 352 с.

12. Маслова, Н. В. Ноосферное образование: Научные основы. Концепция. Методология, технология / Н. В. Маслова ; Рос. акад. естеств. наук. – М. : Ин-т холодинамики, 2002. – 339 с.

13. Лихачев, Д. С. Историческая поэтика русской литературы: смех как мировоззрение и другие работы / Д. С. Лихачев. – СПб. : Алетейя, 2001. – 566 с.

Поступила в редакцию 10.03.2022

E-mail: tatyana.chechko@yandex.by

T. N. Chechko

HISTORICAL AND FUNCTIONAL COMPETENCES OF PHILOLOGY STUDENTS: ESSENCE AND MECHANISM OF THEIR FORMATION

The article presents the characteristics of the historical and functional competencies of Philology students and the algorithm of their formation by means of literary disciplines. It is established that, taking into account the main provisions of the competence-based and integrative-modular approaches in the aspect of competence formation, the mechanism of multi-level integration has a special educational potential, on the basis of which the components of the integral-modular methodology for the gradual formation of historical and functional competencies are developed. When developing the integral-modular methodology, the methods of modeling professional situations, enlarging didactic units, and the dramogermeneutic method of mastering literary works were used, which made it possible to optimize the content of education, intensify the formation of historical and functional competencies and the educational process as a whole.

Keywords: key competencies, student of philology, literary disciplines, historical and functional competencies, the operational mechanism of multilevel integration.

УДК 378.018

С. Н. Щур

Кандидат педагогических наук, доцент, проректор по воспитательной работе,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

СООТНОШЕНИЕ ЗАВИСИМОСТИ И СВОБОДЫ КАК ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ РАССМОТРЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

В статье раскрыта социально-этическая, психологическая и педагогическая сущность дисциплины в условиях демократизации и гуманизации общественной жизни, сделан акцент на соотношении зависимости и свободы между субъектами педагогического процесса как философском основании проблемы обеспечения дисциплины в образовательной среде.

Ключевые слова: процесс воспитания, правила поведения, дисциплинированность, активная дисциплина, самодисциплина.

Введение

Структурные и качественные изменения в социально-экономической и социокультурной сферах, процессы глобализации в информационном, коммуникационном и образовательном пространстве оказывают непосредственное влияние на изменения в профессиональном педагогическом образовании, определяя основные направления подготовки педагогических кадров с учётом сопровождения процессов стандартизации, преемственности содержания общего среднего и высшего образования, сохранения национальных традиций и особенностей функционирования национальных образовательных систем.

К числу наметившихся тенденций в совершенствовании педагогического образования и педагогической деятельности, а также в процессе профессиональной подготовки к педагогической деятельности в университетах следует отнести, на наш взгляд:

- увеличение удельного веса психолого-педагогической и социальной составляющей в структуре педагогического образования;
- актуализацию педагогического образования с учётом инновационных подходов к построению и реализации педагогических образовательных технологий, его гуманизацию;
- повышение общего уровня образования и дисциплинированности педагогов;
- свобода выбора студентами перечня учебных дисциплин в рамках вузовского компонента.

Как мы понимаем, эти направления могут способствовать эффективной реализации образовательных задач и инкультурации будущего педагога, приданию важного значения воспитательной составляющей образовательных программ, позволяющей успешно формировать духовные и нравственные качества личности будущего педагога, его мировоззрение, культуру педагогического и психологического мышления, с учётом уважительного отношения к истории, национальной культуре и традициям учебных заведений.

В конечном итоге необходимо сформировать мотивационно-ценностное отношение обучающихся к предстоящей педагогической деятельности, их моральные убеждения и дисциплинарные принципы этой деятельности, основы самодисциплины при реализации программы обучения и практической подготовки, исходя из взаимообусловленности категорий свободы и ограничений (зависимости), возникающих в образовательной среде.

Методы и методология исследования

В исследовании применялись следующие методы: анализ психолого-педагогической и философской литературы; изучение и обобщение опыта работы действующих работников учебных заведений различных типов; моделирование ситуаций образовательного процесса в педагогическом университете.

Методологическую основу нашего исследования составляют философские основания о диалектике свободы, исходящие из психологической теории личности как субъекта деятельности,

теории формирования личности учителя в образовательной среде, теории морали в гармонизации общества, основанные на необходимости взаимообусловленности индивидуального (личностного) и общего; деятельностной активности личности обучающегося и её социальной детерминации становления в обществе (педагогической среде).

Результаты исследования и их обсуждение

Обращение к осмыслению феномена дисциплины как способности личности к самоорганизации собственной деятельности и достижения намеченных целей, разработка психолого-педагогических подходов к пониманию сущности данного понятия, определение путей обеспечения дисциплины в учреждениях высшего образования являются важными элементами развития современной национальной системы образования под влиянием разнообразных социально-культурных факторов глобализирующегося мира.

Таким образом, в образовательной среде возникает вопрос о взаимообусловленности дисциплины и свободы обучающихся, зависимости и свободы между субъектами педагогического процесса и условиях их взаимодействия.

Иммануил Кант (XVIII в.), родоначальник немецкой классической философии в трактате «О педагогике» отмечал, что «одна из труднейших проблем воспитания заключается в том, как соединить подчинение законному принуждению со способностью пользоваться своей свободой. Принуждение есть необходимость! Как взращу я чувство свободы рядом с принуждением? Я должен приучить своего питомца переносить ограничение его свободы и вместе с тем я должен наставлять его в том, чтобы он умел ею пользоваться. Без этого – всё пустой механизм, и освободившийся от воспитания не сумеет воспользоваться своей свободой. Он должен с ранних лет чувствовать неизбежное противодействие со стороны общества, чтобы освоиться с трудной задачей оберегать себя, уметь терпеть лишения и зарабатывать, чтобы быть независимым... Дисциплина не есть что-либо рабское, ребёнок должен всегда чувствовать свою свободу, но только так, чтобы не мешать свободе других; поэтому он должен встречать противодействие» [1, с. 484].

Немецкий философ, психолог, педагог Иоганн Фридрих Гербарт (XIX в.), один из основателей научной педагогики, по вопросу взаимоотношений зависимости и свободы считал, что добиться добровольного послушания можно не путём «ограничительных мероприятий» или «воинской дисциплины», а только связав его с собственной волей ребёнка. Он указывал, что нравственная культура, строгость, выработанная дисциплина действуют гораздо сильнее, когда являются в виде образца энергии, поддерживающей порядок, чем когда выражаются в непосредственной задержке отдельных шалостей, обычно называемой исправлением недостатков [2, с. 155].

В своём исследовании по вопросу феномена «дисциплины» Корнетов Г. Б. подчёркивал, что именно И. Кант и И. Гербарт предложили обоснованную точку зрения, что важнейшей педагогической задачей является дисциплинирование ребёнка. Ведь от рождения ребёнок неволен владеть волей и разумом, позволяющими ему определять своё поведение в социально приемлемые рамки. Однако по мере взросления, накопления жизненного опыта, овладения социально и личностно значимыми навыками поведения, развитием воли и разума молодой человек всё более и более самостоятельно начинает регулировать своё поведение, освобождаясь от опеки наставника. При этом они считали, что важно не превратить растущего человека в безропотного исполнителя чужой воли, то есть при дисциплинировании обучаемого недопустимо подавление его личности, а необходимо обеспечить развитие его собственной разумной воли, формирование у субъекта воспитания осознанных принципов нравственного поведения, которыми он должен впоследствии добровольно и самостоятельно руководствоваться в жизни [3, с. 50].

Американский философ и педагог, представитель философского направления прагматизм Джон Дьюи (XX в.), определяя свою позицию по вопросам организации дисциплины и соотношения её со свободой человека, отвергал трактовку термина «дисциплина» как насилия, навязывающего человеку внешние способы деятельности.

Для Д. Дьюи дисциплина определяет свободу, необходимое условие успешности действий человека, продуктивности его общения в обществе. Такая дисциплина для него представляется положительной и конструктивной категорией. «Дисциплина, – подчёркивал Д. Дьюи, – означает власть над своими возможностями, управление имеющимися ресурсами для осуществления предпринятой деятельности. Понять, что надо делать, а затем приняться за это, не откладывая дела в долгий ящик, используя необходимые средства, – вот что значит быть дисциплинированным, хоть служба в армии, хоть занимаясь наукой. Дисциплина созидательна» [4, с. 124].

Своё видение по вопросу соотношения дисциплины и свободы изложила итальянский врач и педагог Мария Монтессори (XX в.) в собственной уникальной педагогической системе, основанной на принципе «дисциплина в свободе». Её педагогическая система, основанная на идее свободного воспитания, до настоящего времени используется во многих государственных и частных школах по всему миру. Она отмечала: «Дисциплина в свободе – вот великий принцип, который нелегко понять стороннику школьных методов. Как добиться дисциплины в классе свободных детей? Разумеется, в нашей системе понятие дисциплины весьма отличается от ходячего понятия её. Раз дисциплина основана на свободе, то и сама дисциплина обязательно должна быть деятельной, активной. Обычно мы считаем индивида дисциплинированным только с той поры, как он станет молчаливым, как немой, и неподвижным, как паралитик. Но это – личность уничтоженная, а не дисциплинированная. Мы называем человека дисциплинированным, когда он владеет собой и умеет соотносить своё поведение с необходимостью следовать тому или иному житейскому правилу. Это понятие активной дисциплины нелегко понять и усвоить, но оно заключает в себе великий воспитательный принцип, весьма отличный от безусловного и не терпящего возражений требования неподвижности» [5, с. 108].

М. Монтессори обосновала и подтвердила необходимость важнейшего условия формирования дисциплины – это следовать строго определённым педагогическим методам. И такая активная дисциплина, по её мнению, открывает перед личностью безграничную возможность роста.

Российский и советский педагог и психолог Пётр Фёдорович Каптерев, являясь основоположником отечественной педагогической психологии, в вопросе соотношения дисциплины и свободы отстаивал идеал сознательной дисциплины. Он подчёркивал: «Идеал педагогической дисциплины не расслабленный, покорённый под иго и забитый человек, а сильный, мужественный и свободный, но при этом вполне отдающий себе отчёт в своих действиях и несущий за них ответственность» [6, с. 615].

Делая акцент на формировании и поддержании школьной дисциплины, П. Ф. Каптерев считал, что дисциплинарные правила вырабатываются всем школьным обществом, а не предписываются извне, при этом необходимо привлекать учащихся к выработке дисциплинарных правил и их поддержанию. Он отмечал: «В основу школьной педагогической дисциплины нужно положить убеждение учителя и учащихся, что дисциплина необходима всем и каждому, что, подчиняясь дисциплине, мы обнаруживаем разум и волю, а не бессилие и глупость, что в дисциплине мы подчиняемся сами себе, потому что дисциплина есть излияние воли и разума каждого его отдельного члена. Нарушение дисциплины есть состояние внутреннего противоречия» [6, с. 612].

Приверженцы педагогического течения, придерживающиеся позиции так называемого свободного воспитания, отвечая на вопросы, что такое школьная дисциплина и какая степень свободы необходима в учебных заведениях, полагают, что дисциплина есть только часть общего процесса воспитания обучаемых. По их мнению, воспитание вовсе не самоцель, а является лишь средством образования обучаемых, их гармоничного развития и самосовершенствования.

При устранении основных причин нарушения образовательного процесса школьного общества, считает русский педагог, богослов, литературовед, идеолог свободного воспитания С. Н. Дурылин, устраняются и нарушения дисциплины. Применять дополнительные внешние дисциплинарные меры в школе не придётся, только обычные воспитательные.

В своём исследовании С. Н. Дурылин отмечает: «Истинное воспитание уничтожает саму необходимость существования дисциплины, как начала, независимого собственно от воспитания. Воспитание включает всё, что есть истинного в понятии “дисциплина”, т. е. необходимость соблюдения таких условий воспитательной и образовательной работы в школе, при которых эта работа идёт мерно, правильно, продуктивно и исключает из себя всё, что есть ложного в этом понятии применительно к школе: стремление внешними воздействиями влиять на внутреннюю жизнь учащихся» [7, с. 101–102]. Таким видится процесс свободного воспитания и его влияния на сущность и задачи школьной дисциплины данным педагогическим течением.

Новая концепция школьной дисциплины начала складываться в советской педагогике в 20–30-х годах XX века, согласно которой непременным условием организации сознательной дисциплины в учебных заведениях стало требование изучения потребностей и интересов ребёнка и их учёта в воспитательной работе. Именно такая концепция дисциплины, сформированная А. С. Макаренко в эти годы, стала классическим примером советской педагогики. Дисциплина, по Макаренко, – это интегрированное воспитательное воздействие, включающее и образовательный процесс, и процесс взаимоотношений, и разрешение конфликтов в коллективе, и дружбу, и учёт индивидуальных возрастных особенностей физического, духовного, нравственного развития личности.

Свободу человека А. С. Макаренко видел в возможности выбрать поведение, которое было бы наиболее полезным для общества и отвечало целям коммунистического воспитания. Формами требований для воспитания дисциплины, по мнению А. С. Макаренко, могли являться и понуждение, и угроза; не исключал он и применение наказаний, главное – чтобы они не наносили физического или морального страдания и при этом как можно больше выказывать уважения к воспитуемому.

Вопрос о соотношении дисциплины и свободы в образовательной среде актуален для исследований по проблеме дисциплины, принципов её формирования и в настоящее время.

Так, во второй половине 80-х годов XX века в педагогике наметилась тенденция гуманистически переосмыслить традиционное понимание дисциплины, характерное для советского периода. Свои педагогические идеи гуманистического переосмысления школьной дисциплины предложил К. Роджерс. Он исходил из позиции, что суть дисциплины в человекоцентрированных классах – это самодисциплина... Самодисциплина, по его мнению, складывается из множества «штрихов», таких как осуществление выбора, организация времени, постановка целей и установление приоритетов, помощь и забота, слушание, социальная организация, доверие и взаимодействие [8, с. 314, 325].

К. Роджерс считал, что при движении от внешней дисциплины, в условиях открытой и свободной учебной среды, к самодисциплине свобода необходима в этом процессе, чтобы питать самодисциплину, как новый опыт и для учителей, и для учащихся... Свобода, в его понимании, имеет порядок, но этот порядок таков, что он развивается как исходящий от группы, а не навязываемый ей извне [8, с. 326, 339].

Своё понимание значения дисциплины в развитии человека, взаимообусловленности категорий дисциплины и свободы высказал учёный, педагог, общественный деятель-реформатор О. С. Газман. Олег Семенович в своих исследованиях о человеке как об индивидуальности выдвинул ряд идей и концепций в области образования: педагогику свободы, педагогику поддержки, культуру жизненного самоопределения, индивидуализацию процесса воспитания и др.

Соотнося категории дисциплины и свободы в развитии человека, он отмечал: «Гуманистический идеал – всестороннее развитие личности – осуществим лишь в условиях свободы. Понимание дисциплины как несвободы, как принудительной, ограничительной силы, мера и разумность которой определяются только внешними по отношению к личности средствами, приводит к тому, что члены общества отчуждаются от целей их развития, лишаются творческой инициативы, становятся «винтиками» социальной или производственной системы. Интересы людей отодвигаются на задний план. Дисциплина становится самоцелью, а значит – преградой для саморазвития человека... В то же время дисциплина неотожждествима полностью со свободой... Дисциплина – не есть вся свобода. Она лишь та её часть, которая обеспечивает условия и возможность каждому быть самостоятельной, самодеятельной, творческой личностью, не умаляя при этом интересы других, интересы свободного развития всех» [9, с. 274–275].

По мнению О. С. Газмана, если рассматривать дисциплину только как подчинение человека какому-то установленному общественному правилу, то такой подход к дисциплине ставит личность по отношению к обществу во вторичное положение. Однако и становление самой личности, и формирование её сознания происходят непосредственно в обществе при взаимодействии с другими людьми, при этом появляется возможность для этой личности обособления себя, своего «я» из окружающего нас общества.

Если человек сам становится субъектом устранения противоречия между общественными и индивидуальными интересами, при этом устанавливая гармонию отношений с окружающими людьми, и в целом с обществом, то можно фиксировать факт формирования осознанной самодисциплины свободного в этом обществе гражданина.

Современное видение сущности дисциплины в формировании развивающейся личности, выявление взаимообусловленности и зависимости категорий дисциплины и свободы нашли отражение и в отечественной педагогике.

Так, В. П. Старжинский видит смысл дисциплины при организации собственной деятельности человека в обществе в неуклонном следовании заранее намеченному плану, который регламентирует последовательность содержания действий для достижения поставленной цели. Он отмечает: «Дисциплина основывается на некотором принуждении, которое неизбежно, ибо играет роль упорядочивающего фактора с целью повышения степени организации общества» [10, с. 317].

В качестве ограничивающих свободу личности норм и правил В. П. Старжинский выделяет нравственные нормы, рамки приличия, ответственность за свои поступки, различные трудовые и

социальные регламенты и, наконец, дисциплину и порядок. Он подчёркивает, что дисциплина не противоречит свободе, если она основывается на самодисциплине; что внутренняя дисциплина предполагает усвоение членами общества норм, регламентирующих поведение людей в различных ситуациях. Таким образом, самодисциплина, по его мнению, поддерживается без внешних санкций и принудительных мер: «Дисциплинированный человек испытывает внутреннюю потребность следовать принятым нормам поведения и в случае их несоблюдения испытывает муки совести и чувство вины» [10, с. 317].

Недисциплинированность, напротив, ограничивает свободу человека, становясь деструктивным социальным явлением, так как если дисциплинированность не сформирована с ранних лет, то этот фактор становится для молодого человека главной проблемой при организации учебного процесса в учебных заведениях и самообразования впоследствии. Требования школы, учреждения высшего образования со своими формами организации учебного процесса кажутся недисциплинированному (а следовательно, неорганизованному) человеку несправедливыми, ограничивающими его свободу наказанием. А само подчинение взрослым (окружающим) с определённой извне дисциплиной вызывает «внутренний» протест и мешает ему нормально социализироваться в образовательной среде, в целом, в жизни и в обществе. В итоге у молодого человека может появиться система ценностей, которая включает отрицательное отношение к обязанностям, к распорядку дня в учебном заведении, к дисциплине в образовательной среде (в обществе), которые он ассоциирует с несвободой, принуждением. Несформированные навыки поведения, послушания и дисциплины, как правило, превращаются в аномалию социального поведения в обществе и личного несчастья.

Дисциплинированный человек, напротив, направляет свои основные нравственные и волевые усилия на достижение успехов в учёбе, развитие способностей и задатков, личностный рост, которые без сознательной дисциплины, а впоследствии и самодисциплины попросту невозможны.

Заключение

Таким образом, рассматривая соотношение зависимости и свободы как философское основание проблемы обеспечения дисциплины в образовательной среде, можно сделать следующие выводы:

- соблюдение дисциплинарных требований в образовательной среде является необходимым условием социализации подрастающего поколения и построения им последующей самостоятельной взрослой жизни;

- важное значение при определении сущности дисциплины в образовательной среде имеет выявление соотношения категорий дисциплины и свободы в процессе формирования личности обучающегося;

- разностороннее развитие личности обучаемого в образовательной среде осуществимо в условиях, в которых дисциплина является той частью свободы, которая обеспечивает возможность каждому быть самостоятельной, творческой личностью, при этом не ущемляя интересы свободного развития других обучающихся;

- дисциплина личности, рассматриваясь в контексте ее свободного развития, понимается и как самоограничение, осуществляемое на основе собственного осознанного выбора, то есть как самодисциплина – субъективная способность личности к самоорганизации для достижения поставленных целей исторически выработанными культурными способами.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кант, И. О педагогике / И. Кант // Трактаты и письма / И. Кант. – М. : Наука, 1980. – С. 445–504.

2. Герbart, И. Ф. Общая педагогика, выведенная из цели воспитания / И. Ф. Герbart // Избр. пед. соч. : в 2 т. / И. Ф. Герbart. – М. : Учпедгиз, 1940. – Т. 1. – С. 148–280.

3. Корнетов, Г. Б. Дисциплина в истории и теории педагогики / Г. Б. Корнетов // Школьные технологии. – 2006. – № 5. – С. 45–50.

4. Дьюи, Д. Демократия и образование : сб. : пер. с англ. / Д. Дьюи. – М. : Педагогика-пресс, 2000. – 383 с. – (Педагогика: классические труды).

5. Монтессори : сб. тр. : пер. с итал. / сост. и авт. предисл. М. В. Богуславский, Г. Б. Корнетов. – М. : Изд. дом Ш. Амонашвили : МГПУ, 1999. – 219 с. – (Антропология гуманной педагогики).

6. Каптерев, П. Ф. Дидактические очерки. Теория образования / П. Ф. Каптерев // Избр. пед. соч. / П. Ф. Каптерев ; под ред. А. М. Арсеньева. – М. : Педагогика, 1982. – С. 270–652.
7. Дурьлин / сост. и авт. предисл. Г. Б. Корнетов. – М. : Изд. Дом Ш. Амонашвили : МГПУ, 2007. – 224 с. – (Антропология гуманной педагогики).
8. Роджерс, К. Свобода учиться / К. Роджерс, Д. Фрейберг ; пер. с англ. А. Б. Орлова, С. С. Степанова, Е. Ю. Патяевой ; под ред. А. Б. Орлова. – 2-е изд. – М. : Смысл, 2019. – 528 с.
9. Газман, О. С. Дисциплина / О. С. Газман // Рос. пед. энцикл. : в 2 т. / редкол.: В. В. Давыдов (гл. ред.) [и др.]. – М. : Большая рос. энцикл., 1993. – Т. 1 : А–М.
10. Старжинский, В. П. Дисциплина / В. П. Старжинский // Белорус. пед. энцикл. : в 2 т. / редкол.: Н. П. Баранова [и др.] ; науч. ред. С. П. Самуэль, З. И. Малейко, А. П. Чернякова. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2015. – Т. 1 : А–М. – С. 377–378.

Поступила в редакцию 06.12.2021

E-mail: shur-sergey-nikolaevich@mail.ru

CORRELATION BETWEEN DEPENDENCE AND FREEDOM
AS A PHILOSOPHICAL FOUNDATION FOR ENFORCEMENT
OF THE DISCIPLINE IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Social-ethical, psychological and pedagogical essence of the discipline in the context of democratization and humanization of the social life has been investigated in this article. The correlation between the dependance and the freedom established between the subjects of the pedagogical process as a philosophical foundation of the problem of provision the discipline in the educational process has been singled out.

Keywords: process of education, the rules of conduct, disciplinary record, active discipline, self-discipline.

МГПУ ИМ. И. П. ШАМЯКІНА

УДК 82-95:82-2(=821.111)

Ahmed Madlool Challab Al-Bdairi

Graduate student of the Department of Russian Philology of the third year of full-time education
of the Yanka Kupala State University of Grodno

Scientific Adviser: Ioskevich Olga Alexandrovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

**DYNAMISM OF THE DEVELOPMENT OF FATHER / MOTHER CHARACTER
IN THE PLAYS BY W. SHAKESPEARE «MACBETH» AND «HAMLET»**

The article examines the specifics of the development of the images of father / mother in the plays by W. Shakespeare «Macbeth» and «Hamlet», traces the dynamism of the formation and disclosure of dramatic characters, analyzes the peculiarities of Shakespeare's interpretation of the categories of fatherhood / motherhood in cultural, historical and psychological contexts. W. Shakespeare reflects in his plays many different characters of father and mother as in «Macbeth» and «Hamlet», but no one of them is the ideal of a good father / mother. This reflects the tragedy of the discord of the human personality with itself and with the world.

Keywords: dynamism, character, father, mother, Macbeth, Lady Macbeth, Polonius, Gertrude, W. Shakespeare.

Introduction

Dynamism of character is the term that explains the development of the character within the course of the action. Sure, drama is the famous genre that is based on the artistic effects of the employment of character's dynamism. So, this study aims at presenting an evaluation to the images of father and mother in two dynamic texts of William Shakespeare, «Hamlet» (1603) and «Macbeth» (1606), by using different manners of literary criticism including modern approaches in psychiatry and psychoanalysis. **The purpose of the article** is to reveal the peculiarities of the dynamism of the development of the images of father / mother in the plays «Hamlet» and «Macbeth» by W. Shakespeare.

The novelty of the research is determined by a new approach to the study of the images of the father / mother in these plays by William Shakespeare, which is based on a systematic, comprehensive study of literary images in cultural, historical and psychological contexts.

The choice of research material is not random. Both plays mark a violent transition in the aspect of dynamism. There is a controversy about identifying the exact dynamic status of Macbeth and Polonius who try to cover their wickedness with appearance of goodness and behave as clever manipulators.

The perverse image of father in these plays is contrasted with the image of mother, which is represented by a woman who is driven by longing. Both mothers, Lady Macbeth and Gertrude, reflect shallow and negative images as far as the context of motherhood. But according to the aspect of characterization, each of them is basically a truthful character who has no hidden meaning in her action. In brief, the father who is transmitted from the official context to the domestic one and vice versa, shows his character to be the antithesis of the image of mother in their dramatic worlds.

Shakespeare's plays «Hamlet» and «Macbeth» are intensively studied in foreign literary criticism. The attention of modern researchers is attracted by the problems of gender and ethics in Shakespeare's plays (for example, the work of M. Tassi [1]), the specifics of the interpretation of the images of Macbeth and Hamlet in the aspect of psychoanalysis (studies by H. Bloom [2] and A.C. Bradley [3]), the study of the development of mechanisms of characterization in Shakespeare's works (for example, the monograph by P. Sadovsky [4]).

The relevance of our article is determined by a number of factors: first, the importance of father / mother images in W. Shakespeare's plays and the lack of special comprehensive research on this problem; secondly, the intensification of interdisciplinary research in modern Shakespearean studies, both foreign and domestic. The study of the specifics of the development of the images under consideration

allows not only to clarify the Shakespeare's artistic skill, but also to reveal the peculiarities of his own worldview in the field of family, moral and ethical relations of the Renaissance.

Research methodology

During the research, the following methods were used: comparative-historical, cultural-historical with elements of analysis in the aspect of psychopoetics.

Research results and their discussion

«Macbeth»

Macbeth: Father

Macbeth is a brave soldier in King Duncan's army, «What bloody man is that?» (I, ii, 1). The king rewarded him with the title «The thane of Cawdor» (I, iii, 124) due to his great victory. Such a reward proves the prediction of three witches that met him in the way.

Macbeth stands on the stage as an honorable hero whose manly courage that is mixed with a realistic tendency and military rhetoric enables him to prove his being as a «worthy gentleman». Macbeth is a progressive character that marks a transition in his dynamism.

Macbeth himself views his character as an endostatic as he defines his role as a traitor, «I am Thane of Cawdor» (I, iii, 133) or when he hides his dark ambitious thoughts, «Glamis, and Thane of Cawdor: «The greatest is behind» (I, iii, 115–116). He lives with a guilty conscience because of his brutal act. Such insistence on the tragic events is intended by Shakespeare to achieve much theatrical excitement, even if it causes a wide gap between the character's action and the true sense of credibility. Moreover, sometimes Shakespeare intentionally ignores the adequate and plausible motives for Macbeth's evil action, just to present him both as a hero Macbeth and a criminal one. More has been said by Kenneth Muir, concerning this point: «In his characterization of Macbeth Shakespeare, it has been argued, made the bold experiment of mixing mutually exclusive qualities: a brave warrior who is a moral coward and a brutal murderer who is racked by feeling of guilt» [2, p. 153].

As a matter of fact, there is a great controversy over the definition of the exact dynamic status of Macbeth's character, since he passes through a transitional state between two different dynamic stages: statism and endodynamism. He starts his dramatic development as a static character who is highly attached to aspects of honor and loyalty, but later he follows an endodynamic tendency of accumulation power under the impact of his wife, Lady Macbeth, who evaluates and assesses his manhood in relation to the quest of power. So, Macbeth suffers from «characterological inconsistency» which is defined by A.C. Bradley as «the classic endostatic dilemma of a man whose conscious or reflective mind moves chiefly among considerations of outward success and failure, while his inner being is convulsed by conscience» [3, p. 11].

The first step in his characterological dilemma is formulated under the impact of his wife (the fourth witch).

Whose horrid image doth unfix my hair
And make my seated heart knock at my ribs
Against the use of nature? Present fears
Are less than horrible imaginings.
My thought, whose murder yet is but fantastical,
Shakes so my single state of man
That function is smothered in surmise,
And nothing is but what is not (I, iii, 148–155).

The gradual transformation in Macbeth's character starts from his submission to his ambitious partner whose actions prove her being as an endodynamic and masculinized woman. Here-upon, Macbeth commits «the horrid deed» (I, vii, 2) and turns «the dagger of the mind» (II, i, 38) into a real one in his hand as soon as passing the transformational period of dynamism, which reflects the death of his earlier moral existential being.

Had I but died an hour before this chance,
I had lived a blessed time; for from this instant
There's nothing serious in mortality.
All is but toys. Renown and grace is dead.
The wine of life is drawn, and the mere lees
Is left this vault to brag of? (II, iii, 89–94).

Later, Macbeth enters the phase of extreme endodynamism, when he alienates himself from all humanity, and becomes a tyrant hero whose major language is violence and bloodshed.

I am in blood
Stepped in so far that, should I wade no more,
Returning were as tedious as go o'er.
Strange things I have in head that will to hand,
Which must be acted ere they may be scanned (III, iv, 135–139).

Then the audience has been shocked by Macbeth's ambition of achieving «quasi-divine immortality» which can be described as an *endodynamic dream*. Macbeth thinks nobody can equate his dynamism and puts an end to his quest of power in this life, as it is predicted by the witch. But his disappointment is incomparable when he discovers the birth-story of Macduff, his principle's personal foe, who «was from his mother's womb / untimely ripped» (V, viii, 15–16). So, the extreme endodynamism leads to the ultimate loss.

Lady Macbeth: Mother

Lady Macbeth is one of the most powerful female characters in Shakespeare's drama; she is a highly dynamic character who believes that her husband psychologically depends on her power. She is his mother-like figure. «[She] has to guide, protect and mother her husband whose voice sounds pitifully human and almost child-like» [5, p. 117]. She never appreciates her husband gender as manly endostatic one, in the opposite she assures that herself has all the traits of endodynamic masculinity. From the early beginning of the play, the audience can notice her powerful nature through her happiness as she echoes the witches' prophesy concerning Macbeth's fortune:

Glamis thou art, and Cawdor, and shalt be
What thou art promised. Yet do I fear thy nature;
It is too full o' th' milk of human kindness (I, v, 15–17).

Lady Macbeth is a self-assured woman who takes the decisions firmly. She criticizes Macbeth for his being mild, meek and hesitant to seize the power from Duncan. She accuses him of being timid with no masculine power. In other words, she tries to distance his hesitance by making him feel as unworthy man. There is a kind of «gender reversion» and an exchange of characteristics that make the audience expect the opposite development in both characters. Gradually, Lady Macbeth takes the role of commander and forces Macbeth to bow to her desires exactly like a submissive woman. And then she sucks his «unconscious manliness» to appear as an endodynamic masculine figure who has no sense of femininity. She becomes a cruel manipulator and Macbeth is a puppet.

Dramatically speaking, «cross-gender imagery» is highly developed in this play. Lady Macbeth tries to escape from all weakness of femininity and motherhood:

Come, you spirit
That tends on mortal thoughts, unsex me here,
And fill me from the crown to the toe topfull
Of direst cruelty! (I, v, 38–41).

She is ready to sacrifice everything even her dynamic sexual power and transform into «a masculinized creature of direst cruelty» [4, p. 285].

Now she is quite sure that the character of her husband Macbeth is inferior to her in maturity and dynamism. He appears as «too full o' th' milk of human kindness» (I, v, 16–17). By these words, Lady Macbeth shows a kind of deliberate exaggeration in Macbeth's weakness, just to motivate his inner violent nature to commit the action of killing Duncan, since such description cannot be related to a great military leader who achieves a series of victories.

Lady Macbeth finds her husband is less mature than her in the serious realization and fulfillment of prophecy of witches. She tries to eliminate his static and passive personality:

And yet wouldst wrongly win. Thou 'dst have, great
Glamis,
That which cries «Thus thou must do», if thou have it,
And that which rather thou dost fear to do,
Than wishest should be undone (I, v, 18–23).

Actually, Macbeth is aware of the psychological deficiency within his inner world and the inability to make independent decisions or commit violent acts, although Lady Macbeth stimulates him greatly, «that I may pour my spirits in thine ear» (I, v, 26). Lady Macbeth is a very cunning and ambitious woman who is able to play the role of an excellent hostess that tempts her victim in her castle. Their

guest, Duncan will not see tomorrow sun, «O' I never / shall sun that morrow see!» (I, v, 60–61). As an endodynamic figure who fully realizes the static nature of her husband, particularly in a critical situation, she directs him with attractive Machiavellian instructions.

To beguile the time,
Look like the time. Bear welcome in your eye,
Your hand, your tongue. Look like th' innocent flower,
But be the serpent under't (I, v, 63–66).

She is a female villain who turns her husband into an executor. She is a ruthless manipulator who has a remarkable strength of will. She is more manly character than a woman. She recurrently tries to remind him of his scale in the positions of honor, reputation and ambition:

... beast was 't, then,
That made you break this enterprise to me?
When you durst do it, then you were a man;
And to be more than what you were, you would
Be so much more the man (I, vii, 46–51).

By these lines, Lady Macbeth embarrasses Macbeth's masculinity. As a fact, it is she who always tries to deprive him of his manhood, as in her request to the witches to «unsex her». She is a cruel and guilty mother who kills her own future infant and injured her husband's manhood. She highly affects her husband, and she is able to affect all other figures, as in the announcement of Duncan's murder, she pretends fainting to confirm her pure and weak nature in front of the surrounding men who believes in the surprise of the «fiendlike queen» [5, p. 118].

As far as the dynamism of Lady Macbeth, she passes the same transitional stage as she starts in an endodynamic form and ends as static. She is reversing that of her husband, Macbeth. By the third act, Macbeth psychologically frees himself from the control of Lady Macbeth. He does no longer depend on his wife power and decision, rather proves his new dynamic character. Independently, Macbeth takes the murderous conclusion. «To be thus [i. e., the king] is nothing, but to be safely thus» (III, i, 47). Power is nothing and empty when it does not give security, this is what Lady Macbeth and her husband realize.

Naught's had, all's spent,
Where our desire is got without content
'Tis safer to be that which we destroy
Than by destruction dwell in doubtful joy (III, ii, 4–7).

Lady Macbeth is psychologically destructed as it is reflected in sleep walking scene, but she still has the possession of evil passion. In the final scene that enacts her past crime, she appears as helpless, isolated and with no self-control. She loses her presence of mind and becomes «an anxious, nervous childlike wreck» [3, p. 324], but her death motivates no remorse or grief for her husband Macbeth. She is no longer his «dearest love», nor his «dearest partner of greatness», but a guilty lady whose lack of humanity causes her tragic end.

«Hamlet»

Polonius: Father

In Shakespeare's play «Hamlet», the first appearance of Polonius is in the official context of the court scene as the councilor of state and he is looking for the permission for his son's request to return to his study in France:

He hath, my lord, wrung from me my slow leave
By laboursome petition, and at last
Upon his will I seal'd my hard consent:
I do beseech you, give him leave to go (I, ii, 58–62).

He appears as a man of principle who shows his own dutiful and formed responsibility towards the monarch. Really, he starts as an endostatic character that effortlessly suits for such political position he occupies. But in the next private scene that is characterized by its familial context, Polonius appears as a talkative man who embarks on a long conversation with his son Laertes. He gives his son several instructions. He advises him to be in the safe, «beware of entrance to a quarrel» (I, iii, 169), and give little speech, «give everyman they ear, but few they voice» (I, iii, 72), stay out of troubles, «neither a borrower nor a lender be» (I, iii, 80) and above all he has to be true to himself and be a man of self-respect, «this above all to thine own self be true» (I, iii, 108).

The role of advisor continues even during his meeting with his daughter Ophelia who exchanges a long speech with him about her love for Prince Hamlet. But Polonius's style of advice has been changed

here, since he views Ophelia as «a green girl unsifted in such perilous circumstance» (I, iii, 113). As a father, he forces his daughter to break off relation with Hamlet who is a source of danger for her and no more:

Believe so much in him that he is young,
And with a longer tether my he talks
Than may be given you (I, iii, 142).

Ophelia responds so politely («I shall obey, my lord» (I, iii, 145)) to her father whose speech takes the notion of an «authoritarian» and not of a mere advisor.

The dynamic advisor Polonius succeeded in his lecturing such static listeners, Laertes and Ophelia. Polonius plays the role of an endostatic character, which is consistently reflected in the play. Suddenly, the dominant, protective, and fatherly attitudes have been changed into unsentimental businesslike approach of a manipulator.

According to his endostatic character, his curious desire to discover and know everything, inability to comprehend the subtleties of human emotions, and exploiting his past experience as a player, «was accounted a good actor» (III, ii, 95) turns to be a «stage manager» in the nunnery scene [6, p. 164]. In this scene, Polonius willingly «loosing» Ophelia to Hamlet, since he is completely convinced that Hamlet is really in love with Ophelia, and this love may lead to a noble marriage.

Polonius becomes so active and reflects his dynamic character when he takes the role of «a director» as he hands his daughter, Ophelia a divine book of prayer to perform the act of piety and purity in order to «catch Hamlet as a devil» [6, p. 147].

Your loneliness. – We are oft to blame in this
Tis too much proved- that with devotion's visage
And pious action we do sugar o'er
The devil himself (III, i, 108).

Polonius tries to cover up evil with the appearance of goodness. In this act, Polonius descends to unpleasant actions, while earlier he warned Ophelia against it. Apparently, he behaves like a clever manipulator, but as soon as Hamlet takes on the role of a theatre director Polonius's foolishness is proven, and it is his vital trait and the main reason for his fatal end in the closet scene, «thou wreched, rash, intruding fool, farewell!» (III, iv, 33). As an endostatic character, Polonius goes through various developmental roles from his first appearance to the moment of death in order to prove his parental role as a protector and a mediator.

Gertrude: Mother

Gertrude is the mother of Prince Hamlet. She is basically a truthful character who has no hidden subtext in her actions. But dynamically, she is a static character who leaves decision-making to her surrounded dynamic characters such as Claudius and Polonius.

The play begins after the death of King Hamlet and her new wedding with his brother, King Claudius. In short, she is Hamlet's mother/aunt and the wife/former sister-in-law of King Claudius. She is a very interesting dramatic character whose personality has been subjected to many interpretations, although she is obviously not as attractive and colorful as the other central dynamic characters of the play.

In the opening court scene, Gertrude appears as a caring mother who begs her son Hamlet, who is thinking about going back to Wittenberg, to stay with her in Denmark, «Let not thy mother lose her prayers, Hamlet / I pray thee stay with us; go not to Wittenberg» (I, ii, 18–19). Gertrude loves Hamlet and Claudius, and she tries to win over the both who really don't like each other. She accepts the position of Claudius, which expresses death as the natural end of life, and asks Hamlet to accept the inevitable law of nature.

GERTRUDE:
Do not for ever with thy vailed lids
Seek for thy noble father in the dust:
Thou know'st 'tis common; all that lives must die,
Passing through nature to eternity (I, ii, 70–73).

It is true that death is a common law of nature, and it is inevitable, but Gertrude is unable to appreciate the peculiarities of Hamlet's emotional connection with his dead father. Gertrude is a shallow woman who is driven by her passionate desire. Like a child, she is busy with material pleasures and finds her highest charm in gifts. She ignores her son's need and suffering and yields only to Claudius and her own desires. From the very beginning of the play, Gertrude proves that her character is the complete opposite of her son Hamlet, who is a very intelligent scholar. She behaves like a stupid or ignorant

woman. Her ignorance is the main cause of her son's suffering, and it is the main reason that leads to her death. She ignores the great days spent with King Hamlet and ignores the feelings of her young son, but never ignores the sensual voice of her femininity. A few days after her husband's death, she becomes a wife again. «She married; O most wicked speed to post» (I, ii, 156).

Gertrude's preoccupation with only her own pleasure causes many problems and leads to her being described as a frivolous character, a sexually active woman. She is a guilty woman due to her lustful relationship with Claudius before her husband's death. Such information, which is part of the play's backstory, is revealed by the Ghost:

With witchcraft of his wit, with traitorous gifts, –
O wicked wit and gifts, that have the power
So, to seduce! – won to his shameful lust
The will of my most seeming-virtuous queen... (I, v, 43–46).

Shakespeare insists on presenting Gertrude as a shamelessly sensual woman with a superficial character, as he reinforces the idea of her remarrying for sexual needs with the words of her son Hamlet:

O shame! where is thy blush? Rebellious hell,
If thou canst mutine in a matron's bones,
To flaming youth let virtue be as wax (III, iv, 82–84).

Such sexual and shameless traits confirm her passive and static character that is easily seduced by the surrounding dynamic characters, like Claudius. That's why the Ghost forbids Hamlet to punish his mother, «contrive/ Against thy mother aught» (I, v, 85–86). The Ghost excuses her bad action and ill-thought by her ignorance and passivity and tries to defend her from her son's wrath. Because she is guarded by the Ghost, she also shields Hamlet and takes the role of a protector as it is documented by Claudius when he explains to Laertes the reason for his idle view of the crime of killing Polonius:

The queen his mother
Lives almost by his looks; and for myself –
My virtue or my plague, be it either which –
She's so conjunctive to my life and soul (IV, vii, 11–14).

Gertrude remains sincere in her feeling for Hamlet. She keeps her promise not to reveal the exact details of the accidental murder of Polonius in the closet scene and assures Hamlet's madness, «mad as the sea and wind when both contend» (IV, i, 7).

In this scene, Gertrude becomes more private and more emotional in her frank conversation with her son. She discovers the depth of her «sick soul» [4, p. 146], that's why she asks Hamlet:

O Hamlet, speak no more;
Thou turn'st mine eyes into my very soul;
And there I see such black and grained spots
As will not leave their tinct (III, iv, 89–92).

And again, the protector and the shelter Gertrude saves Hamlet from the cunning of Claudius when she drinks Hamlet's poisoned goblet in the fencing scene.

... the drink, the drink, – O my dear Hamlet,
– The drink, the drink! I am poisoned. [Dies] (V, ii, 396–397).

With this final cry of truth, Gertrude breaks the limits of her «stereotypical dumb» character and steps as a very strong one. It is a too late transformation of the flat line of her characterization in this final scene; it destroys the image of the narcissist who cannot see the world outside herself. By her final action, as it is stated by the scholar Marguerite Tassi: «Fulfilling her tragic role, the end crowns all; in the final moments of her life, she performs an extraordinary act that gives Hamlet motive and cue for killing the king» [1, p. 195].

Really, Shakespeare achieves a turning point in the dynamism of Gertrude's character at the end of the play where she mostly appears as a static and effectual female character.

Conclusion

W. Shakespeare reflects the diversity of images of father and mother characters in his plays with different lines of dynamism, as in «Macbeth» and «Hamlet», mature tragedies, demonstrating the progressive dynamism of a dramatic character.

Shakespeare achieves a remarkable turning point in the dynamism of the mother character, Lady Macbeth and Gertrude, at the end of the play when they finally realize their weakness and limitation of

their stereotypical negative image of mother whose final cry of truth does not save her from the fatal tragic end.

As he mirrors the weakness of motherhood, Shakespeare intends to evaluate the sense of fatherhood and assess their true human nature through the characterization of Macbeth and Polonius. Each one of them appears as an ambitious man who is driven by uncomfortable thoughts that put him on unstable spot that is twisted between the outward success and the inward failure.

Macbeth, Polonius, Lady Macbeth and Gertrude represent the dilemma of a person whose inner consciousness is gradually weakened by the death of her/his former moral existential being.

LIST OF MAIN SOURCES

1. Tassi, M. A. Women and Revenge in Shakespeare: Gender, Genre, and Ethics / M. A. Tassi. – Selinsgrove PA : Susquehanna University Press, 2011. – 344 p.
2. William Shakespeare's Macbeth: New Edition. Bloom's Modern Critical Interpretation / Ed. : H. Bloom. – New York : InfoBase Publishing, 2010. – 187 p.
3. Bradley, A. C. Shakespearean Tragedy: Lectures on «Hamlet», «Othello», «King Lear», «Macbeth» / A. C. Bradley. – Reprint. – London : Penguin Books, 1991. – 500 p.
4. Sadowski, P. Dynamism of Character in Shakespeare's Mature Tragedies / P. Sadowski. – London : Rosemont Publishing & Printing Corp, 2003. – 327 p.
5. Honigmann, E. A. J. Shakespeare, Seven Tragedies: The Dramatist's Manipulation of Response / E. A. J. Honigmann. – L. ; N. Y. : The Macmillan Press, Harper and Row, 1976. – 202 p.
6. Hamlet. The New Arden Shakespeare / Ed. : H. Jenkins. – London : Methuen, 1982. – 574 p.

THE SOURCE OF EXAMPLES

1. Shakespeare, W. The Complete Works of William Shakespeare / W. Shakespeare. – Oxford : Wordsworth Editions, 1996. – 1245 p.

Поступила в редакцию 17.01.2022

E-mail: ahmedmadlooll@gmail.com

Ахмед Мадлул Чаллаб Аль-Бдайри

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОБРАЗА ОТЦА / МАТЕРИ В ПЬЕСАХ У ШЕКСПИРА «МАКБЕТ» И «ГАМЛЕТ»

В статье исследуются особенности развития образов отца / матери в пьесах Уильяма Шекспира «Макбет» и «Гамлет», прослеживается динамика становления и раскрытия драматических персонажей, анализируются особенности шекспировской трактовки категорий отцовства / материнства в культурно-историческом и психологическом контекстах. У. Шекспир изображает в своих пьесах множество разных образов отца и матери, как в «Макбете» и «Гамлете», но ни один из них не является образцом хорошего отца / матери. В этом отражена трагедия разлада человеческой личности с собой и с миром.

Ключевые слова: динамика, характер, отец, мать, Макбет, Леди Макбет, Полоний, Гертруда, У. Шекспир.

УДК 811.161

Ю. В. Бартош

Кандидат филологических наук, доцент кафедры мировых языков, УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

COVID-19 В МАЛЫХ СЕТЕВЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ЖАНРАХ

В статье рассматриваются различные малые сетевые жанровые формы, посвященные теме COVID-19. Материалом для исследования послужили более 100 текстов, опубликованных в тематических пабликах «ВКонтакте». Пассивная агрессия, недовольство ограничениями, самоирония, внешний вид вируса и даже религия – вот основные мотивы таких поэтических текстов. Авторы активно используют интертекстуальные вкрапления, языковую игру, среди которой отдают предпочтение трансформациям фразеологизмов, а также неологизмы, связанные с COVID-19.

Ключевые слова: сетевая поэзия, сетевые жанры, языковая игра, интертекстуальность.

Введение

Размещаемые в социальных сетях поэтические тексты на протяжении многих лет популярны среди интернет-пользователей. Жанры микропоэзии, как их называют сами авторы, включают в себя *пирожки*, *порошки*, *экспромты*, *две девятки*, *артишоки*, *депрессяшки* и др. Все они имеют небольшой размер, регламентированный ритмический рисунок и указание автора в последней строке через символ ©. Такие сетевые тексты, созданные при помощи аллюзий и юмора, рассчитаны на массового читателя, пишутся «на злобу дня» и характеризуются отсутствием знаков препинания, дефисов, прописных букв и цифр. Размещаются они в пабликах и тематических группах социальных сетей («ВКонтакте», «Facebook» и др.), однако именно «ВКонтакте» лидирует по количеству таких групп и их подписчиков и по числу публикующихся авторов, в то время как в сети «Одноклассники», например, представлены лишь группы-«зеркала» с копиями понравившихся стихотворений, что обусловлено возрастной группой (и предпочтениями) пользователей: «жанровое наполнение является важным элементом структурной составляющей интернет-дискурса, чья особенность... проявляется в существовании коммуникативно значимых для пользователей жанров интернет-дискурса, являющихся частотными в обращении к ним и предоставляющих возможность активной письменной коммуникации» [1, с. 8]. Жанры микропоэзии, начавшие свою историю в 2003 году, популярны и сейчас. Несмотря на сходство, такие интернет-стихотворения все же имеют различные жанрообразующие признаки. *Пирожки* – нерифмованные катрены с абсурдным, нелогичным концом, написанные четырехстопным ямбом по схеме слогов 9-8-9-8. Они с юмором преподносят ситуацию таким образом, чтобы у читателя возникла картинка, «которая шире, чем написано» [2]. *Порошки* также представляют собой ямбические четверостишия (9-8-9-2), однако вторая и «усеченная» четвертая строки рифмуются. Это саркастический набросок истории без предисловия и логического завершения. *Депрессяшки* пишутся трехстопным хореем (6-5-6-5) и пронизаны черным юмором, смехом над собой и иронией над окружающим миром. В стихотворениях этого жанра рифмуются вторая и четвертая строки. *Две девятки* – ямбическое двустипие (9-9) «с рифмой и сильным уклоном в чёрный юмор, пикантность и абсурд» [3]. *Артишоки* пишутся амфибрахием, скомбинированным с хореем (11-9-11-2), со строгим соблюдением рифмы во второй и четвертой строках и предпочтительным – в первой и третьей строках, зарисовка затрагивает серьезную тему через повествование о рядовом событии.

Методы и методология исследования

В работе были использованы статистический, сравнительный, сопоставительный и интерпретационный методы, а также метод сплошной выборки.

Результаты исследования и их обсуждение

На фоне пандемии наблюдается всплеск текстов, публикуемых в сети: привыкшие к реальному общению, люди ищут заменитель в виртуальном пространстве в социальных сетях, мессенджерах, блогах, «Твиттере» и т. д., попутно обсуждая COVID-19 и его влияние на общество. «Современные мультимедийные форматы представляют собой не столько динамичные аспекты

презентационных возможностей информационного суперхайвэя, которые легко погружают в потоки образов и управляющих действий, сколько открытое пространство кодирования изменений в сфере мышления, ощущений и эмоциональных сдвигов» [4, с. 64]. Изменения, вызванные коронавирусом, ощущаются и в интернет-поэзии: авторы малых жанровых поэтических форм также не обошли стороной эту тему. Несомненно, COVID-19 изменил реальность, что не могли не отметить сетевые авторы. Так как написание данных поэтических текстов зачастую приурочено к событиям современности, новый вирус сразу же стал одной из популярных тем. Например, автор с ником © besporyadkov в шуточной манере утверждает, что события, связанные с COVID-19, вызвали чуть ли не начало целой эпохи и, в какой-то степени, стали рубежом для системы летоисчисления:

*дело это внучек
было **do covid**
я влюблен и весел
молод непривит¹ [5].*

В силу специфики жанра малые сетевые поэтические формы, незамедлительно отображающие происходящее в мире, подобно лакмусовой бумажке, являются индикатором отношения русскоговорящего пользователя к событиям, связанным с COVID-19. В течение нескольких лет затрагивается тема этой разновидности коронавируса, что не удивительно: малым сетевым формам присуща злободневность вкупе с черным юмором, (само)иронией и сарказмом. В таком контексте малые сетевые формы воспринимаются как «любительская» сатира, отображающая влияние COVID-19 на социальное поведение в условиях непривычного – пусть вынужденного и обусловленного неоспоримыми фактами – ограничения свободы человека. Иллюстрацией «злободневности» может послужить следующий порошок:

*за рубежом ковид локдаун
всем экономикам конец
и в навигации там полный
суэц
© *bespamiatnyh* [2].*

Написанный 08.04.2021, он затрагивает ситуацию с Суэцким каналом, когда неполадки с танкером «EverGiven» вызвали недельную пробку и перекрыли движение. Согласно правилам, мат в пирожках и порошках допускается лишь в случаях, когда его использование оправдано «с точки зрения смысла и художественной выразительности» [6], в остальных случаях предпочтительно его избегать. В приведенном выше порошке автор решил использовать эвфемизм-неологизм «суэц», созвучный с ненормативным словом, емко описав ситуацию с пробкой на Суэцком канале.

В большинстве таких стихотворений смешаны элементы традиционного медиа- и культурного контента (слоганы, поговорки, фразы из песен, кино, законов, книг, новостные события различных сфер – от спорта до политики) и знания/пережитый опыт автора. Причем коммуникативное намерение угадывается, а критическая оценка лишь подразумевается законами малых сетевых жанров: мы вам даем картинку из жизни, а мораль подумайте сами.

Зачастую юмористический и/или сатирический эффект является следствием несоответствия понятия и реального объекта, при этом образ усложняется третьим и даже четвертым элементом:

*с коронавирусом китайским
сражались лучшие умы
ли руки и произносили
псалмы
© *NataliE* [2].*

Здесь автор данного стихотворения «столкнул» несколько образов и создал «бусы» из ассоциаций. Первые две строки создают впечатление, что все силы брошены на поиск лекарства от вируса, т. к. с ним «сражаются лучшие умы», однако следующая строка разворачивает смысл: лучшие, будучи неспособными или хитрыми (это уж читателю решать), «умыли руки» (прекращать участие в чём-либо, снимать с себя ответственность за что-либо), однако и на это значение наслаивается новое: мыть руки – профилактика COVID-19, то есть лучшее лекарство. Четвертая строка, состоящая, по правилам жанра порошка, из двух слогов, снова меняет смысл вышесказанного, добавляет оттенок изначального библейского устойчивого сочетания: имеется в виду

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация авторов сохранены.

молитва на *у/омовение рук* как ритуал при некоторых обрядах. Таким образом, автор с сарказмом утверждает, что в сложившейся ситуации в борьбе с вирусом поможет только вера, провидение либо Бог, поскольку такое «лекарство» одинаково эффективно с мытьем рук и бездействием.

Библейский сюжет может быть наложен на ситуацию с COVID-19, как, например, происходит в следующем пирожке:

*иосиф в марлевой повязке
волхвам с порога заявил
кто без ковид сертификата
того не пустят к малышу
© нуля [7].*

Использованное прецедентное имя подсказывает, что перед нами – вариация на тему поклонения волхвов: Иосиф Обручник не пускает к «малышу», то есть к Иисусу, волхвов без «*ковид сертификатов*». Присутствие современных атрибутов (маска на Иосифе («*в марлевой повязке*»), COVID-сертификат) в библейском сюжете, с одной стороны, создает комический эффект и с другой стороны, помогает передать мысль о том, что в восприятии современного человека COVID-19 существует вне времени, будто бы был всегда в нашей жизни – так прочно он в нее вошел.

Следует отметить, что религиозные мотивы в таких поэтических текстах используются редко, но если присутствуют, то они всегда на грани дозволенного: автор балансирует, иногда срываясь по ту сторону «допустимого», и тотчас же возвращается назад:

*пришли свидетели ковида
и говорят спасутся те
кто до пришествия второго
не снимут масок с лиц своих
© Анастасия Парамзина [7].*

«Свидетели ковида» в сочетании со «*вторым пришествием*» дают аллюзию на свидетелей Иеговы, с одной стороны, и на «вторую волну коронавируса», с другой, при этом нивелируя ассоциации ношения масок (в прямом и переносном смысле) с «добродетелью» и праведной жизнью.

Тем не менее, большая часть парарелигиозных мотивов в пирожках носит «черноморную» функцию, не требующую такого детального погружения в тему. Например, у © Софьи Бреннер «небесная канцелярия» сравнивается с типичным офисом:

*на небесах отдел ковида
бьет все рекорды сделав план
отдел чумы расформирован
другим поставлено на вид.
© Софья Бреннер [2].*

Написанные с конца 2019 г. по нынешний день, сетевые стихотворения о COVID-19 связаны с новостями о штаммах, с принятыми мерами и законопроектами, обнаружением новых симптомов и т. д. Всплеск написания таких сетевых поэтических текстов пришелся на 2020 г., когда тема была наиболее злободневно-шокирующей и имела эффект новизны. Тем не менее, до сих пор появляются *пирожки, порошки, депрессяшки, артишоки и две девятки*, связанные с названной темой, однако характер их изменился: повествование либо более агрессивно, нежели в 2019–2020 гг., либо наблюдается типизация образа коронавируса и связанных с ним ощущений.

Через форму малых сетевых жанров авторы чаще всего выражают недовольство ограничениями в разных сферах жизни в связи с появлением COVID-19, неготовностью системы здравоохранения, вынужденной изоляцией, политическими реакциями или законопроектами (что носит характер пассивной агрессии):

<i>травка зеленеет</i>	<i>ласточка с весною</i>	<i>главрач озвучивает цифры</i>
<i>солнышко блестит</i>	<i>в сени к нам летит</i>	<i>в стационаре по смертям</i>
<i>морда сильно преет</i>	<i>а у нас закрыто</i>	<i>у двадцати коронавируса</i>
<i>в маске от ковид</i>	<i>карантин ковид</i>	<i>пятнадцать были без бахил</i>
© Поэт Незнайка [5]	© слава [5]	© лисец [7]

В соответствии с правилами написания часто используются интертекстуальные вкрапления, вуалирующие недовольство и придающие юморной оттенок, однако посыл все же агрессивен: не нравится пустота на улице и отсутствие общения/свиданий/интереса к жизни и искусству в привычном понимании; злят закрытые на карантин заведения; надоел испытываемый дискомфорт при обязательном ношении маски и т. д. Растет недовольство коллапсом системы здравоохранения,

раздражают нюансы с (не)соблюдением самоизоляции, а также бесит склонность окружающих во всем винить коронавирус – вот основной посыл малых сетевых жанровых форм «коронавирусной тематики»:

*народ ковида испугался
исчезла с площади толпа
печален саша зарастает
тропа*

© Янатт [7]

Отсылка к пушкинскому «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» достаточно интересна: дважды используемая, она оба раза противоречит первоисточнику. Так, в строке «исчезла с площади толпа» есть очень ненавязчивая ассоциация с памятниками, которые, так уж исторически сложилось, во многих городах стоят на площадях, и несоответствие «памятников» в исходном стихотворении и сетевом поэтическом тексте вписывается в канон жанра, требующего подать известную ситуацию в неожиданном ракурсе с «расширением до глобального контекста». Ассоциативный ряд укрепляется фразой с прецедентным именем («печален саша»), далее же наблюдается очередное «переименование» первоисточника: «зарастает тропа», причиной чему послужил коронавирус.

Повествование от первого либо второго лица привносит ощущение сопричастности, включенности читателя в описываемые события:

*зачем ведёшь ты мама в садик
тоски и ковида рассадник*

© D [8]

*идем не подавая вида
что мы разносчики ковида*

© джон72 [8]

Встречается и открытая агрессия, сопровождаемая нецензурной либо стилистически окрашенной разговорной лексикой, арго:

*ласточка с весною
ты вали в китай
со своим ковидом
нахрен улетай*

© hopperdozator [5].

«Ласточка» А. Плещеева, в данном случае являющаяся аллюзией к летучей мыши, не радуется, что прилетела «в сени к нам», ее отправляют в грубой форме туда, где предположительно все началось: «вали в Китай» – «вернись на родину вируса и заведи его туда с собой навсегда».

Следующая по популярности тема, связанная с COVID-19, – это обыгрывание симптомов болезни (отсутствие обоняния и вкуса, усталость, рассеянность, депрессия и др.):

*что дело пахнет керосином
ты при ковиде не поймёшь*

© Погоня [2].

Известная фраза, появившаяся в обиходе благодаря советскому журналисту М. Кольцову и используемая в ситуациях, когда мы говорим о приближении чего-либо опасного, неприятного, угрожающего, в двух дефисах, помимо этого значения, приобретает и прямое, вытекающее из лексического значения слов: запах керосина из-за COVID-19 не ощущается. Наслоившиеся друг на друга значения рожают третье: появившийся в мире коронавирус представляет собой опасность, но эта опасность не ощущается.

Тема опасности и подсознательного страха достаточно часто поднимается в сетевых поэтических текстах:

*я в ковид не верил
до тех пор пока
как-то не унюхал
своего носка*

© БхгвАнгу [5]

*я чихнул полпраза
мысль теперь свербит
может бессимптомный
у меня ковид*

© Михаил Гаевский [5]

Однако с течением времени начинает преобладать мысль, что все неудачи списывают на COVID-19 даже там, где это не соответствует действительности:

*аркадий прыгнул с парашютом
а там ни купола ни строп
и от ковида в синем небе
усоп*

© bespamiatnyh [2].

Разница между такими причинами, как «погиб из-за нераскрывшегося парашюта» и «усоп от ковида», огромна, и усиливается она благодаря нелогичному, с оттенком черного юмора

сочетанию устаревшего церковного слова *успение* в его разговорной форме («усопнуть») в сочетании с очень уж современным «ковид».

Интересен и прием наделения объектов характеристиками, присущими COVID-19, поскольку главным объектом повествования является другой предмет либо человек, а сравнивается он (в ниже приведенном случае, *теща*) уже с ощущениями, вызываемыми коронавирусом. Ср., например, в следующей депрессяшке:

*в микроскоп геннадий
рассмотрел ковид
в бигудях у тещи
точь такой же вид
© Поэт Незнайка [5].*

Пользователь с ником *Поэт Незнайка* обнаруживает сходство шиповидных отростков, заметных под микроскопом на круглой оболочке вируса, с накрученными на бигуды прядями, аналогично равномерно выступающими на круглой голове тещи. Негативная характеристика (теща тоже вызывает головную боль, слабость и плохое настроение, как и коронавирус) ослабляется юмористическим эффектом, вызываемым благодаря использованию разговорных отступлений от нормы (форма «бигудях» у несклоняемого существительного *бигуди*, «точь» вместо «точно»). Таким образом, вирус становится не объектом внимания, а средством иллюстрации другого образа, то есть наблюдается типизация COVID-19, принятие его как части обычной жизни, а само слово «COVID» даже может превратиться в «контекстуальное» имя нарицательное: *«кому мозги уже привили / тому ковиды нипочем / © ay_heddern» [2].*

Языковая игра, будучи одной из черт русскоязычной интернет-поэзии, присутствует в сетевых малых жанровых формах, и стихотворения «коронавирусной тематики» не исключение. Понимая под языковой игрой осознанные модификации норм и манипулирование языковыми знаками, мы считаем, что конструкции с языковой игрой присутствуют на всех уровнях языка – от передачи фонетических особенностей речи до интертекстуальных отсылок. Наиболее часто сетевые авторы трансформируют устойчивые сочетания: *не все из карантина выжили / лишь те кто в двери смог пройти / © bespatiatnyh [2]; олег привитый от ковида / сидит в обменнике валют / и за него двух непривитых / дают / © NataliE [7]; во времена когда царила / с коронавирусом борьба / нас разбросала по диванам / судьба / © bespatiatnyh [2]; вы не такой как все валера / у всех ковид у вас холера / © TA [8]; выбирай товарищ свой / предмет любви эпивак корону или спутник ви / © bespatiatnyh [5]; я человек лишённый вкуса / ковид проклятый удружил / ношу сандали с носками / люблю донцову и шансон / © i-mel [9]; коронавирусы не могут / жить без питательной среды / поэтому питаться в среду нам запрещает президент / © bespatiatny [2]; ты мало ешь и молчалива / довольно часто моешь пол / я б в карантин с тобою зина / пошёл / © hoHa [7]; карантин маслом / я жена и кот / угадай кто пашет лижет пиво пьёт / © Поэт Незнайка [5]; сектант свидетель карантин / © kiridon [8].*

Также в сетевых поэтических текстах «ковидной тематики» обыгрываются омонимичные и многозначные слова (*примерив вируса корону / быть королевной не хочу / © agara; касперский лечит причипая / короновирус из китая / © Андрей Иванов [8]; кругом царит короновирус / во всех аптеках пустота / и я шагаю за лекарством / в ликёроводочный отдел / © bespatiatnyh [2]; ковид пошла волна вторая / перестают вонять носки / © agara [2]), используют прецедентные имена собственные (*любовь та что воспел овидий / не знала масок при ковиде / © Погоня [8]; в психиатрической больнице / остался только дон кихот / а остальные койки примут / короновирусных больных / © bespatiatnyh [7]), делают интертекстуальные вставки (*о сколько нам открытий чудных / короновирус принесёт / © agara [2]; прости меня короновирус / за то что болен не тобой / © Л. М. [2]*) и т. д. Примечательно, что в стихотворениях COVID-тематики случаи языковой игры зачастую наблюдаются в совокупности со словом «ковид» либо производным от него:**

*петро забегает в вагоны метро
то ловит вайфай то не ловит
но чувствую скоро поймают петро
covid
© Вороныч [10].*

В сетевых стихотворениях встречаются и «неологизмы-производные» от «COVID-19» и «карантин»: ковидный (неправильный, ущербный: *олег в деревне парень видный / а не какойнибудь ковидный / © bespatiatnyh*), заковидить (заболеть ковидом, захандрить: *«объём работы я увидел / и как-то сразу заковидил / © luka*»), ковидло (что-то переносящее на себе вирус, ср. «съел пирог

с *ковидлом*»), доктор айковид («ты не огорчайся / если не привит / всем поможет добрый / **доктор айковид** / © Миша Латин»), карантинности: «вкусшаю **карантинности**», самокарантин: «олег на **самокарантине** / учебник дочки полистал / и где то в старой сельской школе / заморочила доска / © Погоня» [7], карантиновать: «высунуть в окошко / крикну вашу мать / и обратно всунуть / **карантиновать** / © Поэт Незнайка+ tuz» [5], ковидки: «масочки **ковидки** / туфли лодочки / хороши весной пешеходочки / © Андрей Хвальский» [5], «на территории олега / введён олегом карантин / он сам себе тут **карантино квинтин** / © Михаил Гаевский» [2], ковидиотизм (идиотское положение, вызванное ковидом: «саморазвитием заняться / хотел аркадий но лежит / придавлен сверху одеялом / какой то **ковидиотизм** / © ZanoZa»).

Заклученне

COVID-19 стал частью нашей повседневной реальности, что нашло отражение в сетевой поэзии. Малые жанровые формы, такие как артишоки, две девятки, пирожки, порошки и депрессяшки, с «ковидной» тематикой популярны среди интернет-пользователей. Авторы таких поэтических текстов используют языковую игру, интертекстуальные вкрапления, трансформируют фразеологизмы, а также придумывают новые слова, связанные с COVID-19.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белова, К. А. Структурные и функциональные особенности интернет-дискурса Беларуси / К. А. Белова // Компьютерно-опосредованная коммуникация и дискурс – 2014 : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т, филол. фак. ; редкол.: А. А. Баркович (отв. ред.), В. И. Куликович. – Минск, 2015. – С. 7–11.
2. Пирожки+ [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/perawki>. – Дата доступа: 11.01.2022.
3. Девятошная [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/club128358902>. – Дата доступа: 11.01.2022.
4. Нургалева, Л. В. Эволюция мультимедийного дискурса с позиции интерсенсорного моделинга коммуникации / Л. В. Нургалева // Компьютерно-опосредованная коммуникация и дискурс – 2014 : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т, филол. фак. ; редкол.: А. А. Баркович (отв. ред.), В. И. Куликович. – Минск, 2015. – С. 63–70.
5. Депрессяшки [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/depressyashki>. – Дата доступа: 11.01.2022.
6. Стишки Пирожки [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/perazhki>. – Дата доступа: 11.01.2022.
7. ПироШОК [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/piroshoker>. – Дата доступа: 11.01.2022.
8. Две девятки [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/dvedevyafki>. – Дата доступа: 11.01.2022.
9. Пирожковая [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/perashkivu>. – Дата доступа: 11.01.2022.
10. Одиннадцать девять одиннадцать два. Артишоки [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/arteeshok>. – Дата доступа: 11.01.2022.

Поступила в редакцию: 31.01.2022

E-mail: lulka8bar86@mail.ru

Yulia V. Bartosh

COVID-19 IN SHORT INTERNET POETRY GENRES

The article deals with various short Internet poetry genres dedicated to COVID-19. More than 100 texts from thematic publics "VKontakte" served as the material for the research. Passive aggression, dissatisfaction with requirements, self-irony, the appearance of the virus and even religion are the main motives of such poetic texts. The authors actively use intertextual inclusions, the language game (especially the transformation of phraseological units), as well as neologisms associated with COVID-19.

Keywords: the Internet poetry, the Internet genres, language game, intertextuality.

УДК 373.5.016:811.112.2

Ж. В. Гриб¹, Л. В. Семейко²¹Преподаватель кафедры иностранных языков и МПИЯ, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь²Студентка филологического факультета, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь**ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В НОМИНАТИВНЫХ СИСТЕМАХ
РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье рассматриваются в лингводидактическом аспекте сходства и различия в номинативных системах русского и немецкого языков. Предпринимается попытка классификации номинативных групп на основе фонетических, семантических и словообразовательных признаков. Поскольку русский и немецкий языки являются индоевропейскими, между ними имеются определенные сходства на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. Это существенно облегчает процесс обучения иностранному языку и повышает его эффективность. Некоторые слова могут отличаться по какому-то одному или нескольким признакам друг от друга, могут совпадать в разной степени в значениях, внешней форме. Детальное изучение таких межъязыковых соответствий поможет избежать многих лексических и фонетических ошибок.

Ключевые слова: общее, специфическое, номинативная система, лингводидактика, лексический признак, фонетический признак, межъязыковые соответствия, омоним.

Введение

Различного рода изменения в языковом составе русского и немецкого языков происходят на протяжении длительного времени, но, несмотря на множество отечественных и зарубежных работ по данной теме, эти изменения до сих пор не исследованы в достаточной мере, поэтому наша работа направлена на более тщательное изучение употребления иноязычной лексики на примере сравнения русского и немецкого языков по алгоритму «сходство – различие».

Немецкий и русский языки относятся к индоевропейской языковой семье и наделены общими чертами в своем строении, а именно – в словарном составе, грамматике, фонетике, схожи по словообразованию и пр., поэтому при разработке нашей классификации мы опирались на фонетический, семантический и словообразовательный признаки.

Вопрос об общем и специфическом в лексике индоевропейских языков пока еще недостаточно изучен, но попытки раскрыть эту тему предпринимались еще в начале XX века в работах Э. Сепира, Б. Уорфа и Л. Вайсгербера. Они полагали, что существует коренное расхождение между языками, которое касается принципов номинации в каждом из индоевропейских языков, лингвострановедческого компонента слов и фразеологизмов [1]–[3].

В процессе исследования вопроса о родстве языков мы придерживаемся суждения известного лингвиста Н. М. Шанского, который считал, что сходство и различие в номинативных системах проявляются в любых языках, независимо от того, какими бы близкими или далекими по своим генетическим связям и типологии они ни были [4, с. 72].

Учитывая тот факт, что русский и немецкий языки входят в семью индоевропейских языков, то есть являются отдаленно родственными друг другу, «общего» в обоих языках будет значительно больше, чем в сравнении с языками, например, с афразийской или японской языковой семьи.

Общее и специфическое в языках невозможно выявить без сравнительно-сопоставительного изучения межъязыковых соответствий. И. А. Стернин дает такое определение лексико-семантическим межъязыковым соответствиям: «...это единицы разных языков, имеющие сходство в семном составе; это сходные по семантике единицы двух языков, которые могут быть поставлены друг другу в соответствие независимо от того, часто ли они используются для взаимного перевода или могут быть использованы для перевода лишь теоретически, в некоторых специальных контекстах» [5, с. 34].

С развитием современного общества, в процессе глобализации появляются новые понятия, явления и возникает необходимость в их более подробном изучении и «внедрении» в общее

употребление, то есть появляется необходимость в их номинации и наделении семантикой в разных языках. В результате длительного исторического взаимодействия языков, их смешения заимствованные слова занимают значительное место в лексике многих языков, что приводит к образованию большого фонда интернациональных слов, имеющих как в родственных, так и в неродственных языках.

Различия номинативных систем изучаемых языков обуславливаются разностью их структуры и степени родственности, различием аффиксов, отличием в специфике использования тех или иных внутриязыковых ресурсов в процессе деривации лексики, в разных, не тождественных способах номинации.

При детальном анализе сходств и различий в номинативных системах русского и немецкого языков мы сможем установить степень их родственности, а также предотвратить негативное влияние одного языка на другой при переводе (процесс интерференции). В этом и заключается *актуальность* исследуемой нами проблемы.

Цель данной работы состоит в выявлении тех сходств и различий номинативных систем немецкого и русского языков, обращение к которым в учебном процессе будет способствовать эффективной организации обучения немецкому языку.

Методы и методология исследования

Для данного исследования нами были проанализированы 142 единицы спортивной лексики, которая изучается в 7 классе учреждений общего среднего образования с русским языком обучения в рамках темы «Sport macht gesund» (авторы учебника А. Ф. Будько, И. Ю. Урбанович) [6, с. 114–163]. Исследование осуществлялось при помощи следующих *методов*: аналитического, метода сравнительного анализа, индуктивного метода и метода классификации. Исследование проведено на уровне межъязыковых лексических соответствий типа слово-слово. Работа направлена на изучение «начал» языка, сферы применения иноязычной лексики на примере сравнения этих языков по алгоритму «сходство – различие» и на изучение определенных групп слов, претерпевающих изменения в фонетическом и графическом плане.

Результаты исследования и их обсуждение

Номинативные единицы русского и немецкого языков являются функциональными единицами этих систем, их строительным материалом. Этот материал, в свою очередь, является отражением постоянно претерпевающего изменения окружающего мира и развития общества. В зависимости от способа номинации фактов объективной действительности «языковая картина» мира отражается по-разному в системах языков.

Для выявления сходств и различий нами были рассмотрены номинативные единицы русского и немецкого языков на основе трех важнейших признаков: фонетического, семантического, словообразовательного.

1. Группа фонетически схожих слов, в которую входят слова, отличающиеся друг от друга в основном только графикой (при полном «буквофонемном» совпадении), не учитывая особенности в произношении, характерные для конкретного языка: *der Golf* – гольф, *das Tennis* – теннис, *das Boxen* – бокс, *das Finale* – финал, *der Rekord* – рекорд, *das Turnier* – турнир, *die Olympiade* – олимпиада, *aktiv* – активный и др.

Окончания, а также род лексем этой группы межъязыковых соответствий в русском и немецком языках могут отличаться. При изучении данной лексики нужно обращать внимание учащихся на эти особенности: *Vergleicht das Geschlecht der Substantive (Deutsch/Russisch)*: *das Tennis* (средний род) – теннис (мужской род).

2. Слова, внешний образ которых полностью не похож друг на друга, их объединяет только семантическая синонимичность (в основном в прямом, номинативном значении): *das Schwimmen* – плавание, *der Lauf* – бег, *das Tor* – ворота, *das Reck* – турник, *die Meisterschaft* – чемпионат и др. При усвоении данной группы слов большое значение имеет механическое запоминание, то есть без осознания логической связи между словами из разных языков.

3. Группа родственных слов, которые имеют разное звучание, но обладают одним и тем же корнем либо аффиксом: *der Fußballspieler* – футболист, *der Tennisspieler* – теннисист, *die Tennismannschaft* – теннисная команда, *die Fußballmannschaft* – футбольная команда и другие. По звучанию слова этой группы могут сильно различаться либо несущественно. Степень узнаваемости носителем языка их лексического значения зависит, по большей части, от языкового

чутья говорящего, а также от уровня владения языком. При работе с этой группой слов хорошо помогают упражнения на словообразование. Можно предложить образовать сложные слова или разложить сложное слово на части:

Bildet und übersetzt die Substantive.

Fußball-	
Volleyball-	
Handball-	-spieler
Basketball-	-mannschaft
Hockey-	
Tennis-	

Verteilt die Sportarten (der Sommersport, der Ballsport (Kugelsport), der Radsport, der Hallensport, der Mannschaftssport, der Individualsport, der Wassersport, der Motorsport, der Skisport, der Bergsport, der Wintersport) in vier Kategorien.

- nach Jahreszeiten:
- nach den Teilnehmern:
- nach dem Austragungsort:
- nach den Hilfsmitteln:

4. Слова, имеющие графические и фонетические различия: das Training ['tʁæ:nɪŋ] – тренинг, der Hockey ['høke] – хоккей, das Rugby ['rʊkbi] – регби, das Skateboard [s'kat,bø:d] – скейтборд, das Biathlon ['bi:atlɔn] – биатлон, das Snowboard ['snəʊbɔ:d] – сноуборд и др. Такие слова сохраняют в немецком языке графику и правила чтения английского языка. Буквосочетания th, ph – это графические показатели заимствований из греческого языка: die Athletik [at'le:tik] – атлетика, der Marathon ['ma:vato:n] – марафон и др.

Иностранное слово, появляясь в русском языке из других языков, использующих латиницу, приспосабливается к кириллице и передается при помощи транскрипции, что ведет к сохранению фонетического образа слова. В немецком языке заимствованное слово сохраняет тот же графический образ, что и в языке-носителе, так как оба языка используют латиницу.

На такие слова нужно обращать особое внимание, так как их произношение не регулируется правилами чтения немецкого языка. В этом случае уместны следующие упражнения:

Hört zu und spricht nach: das Surfing, das Snowboard, der Parcours, das Squash, das Sumo, das Cricket, das Bowling, das Hockey, das Biathlon, das Judo.

Fügt die fehlenden Buchstaben in die Wörter ein.

das Tr_ining, das Sk_etebo_rd, das S_rfing, der Volle_ball, die Olympi_de, das Biat_lon, das Sno_board, die Leichtat_letik, der Marat_on.

5. Слова, отличающиеся ударением: der Fußball ['fu:s,ba:l] – футбол, das Biathlon ['bi:atlɔn] – биатлон, der Handball ['hantba:l] – гандбол, das Domino ['do:mino] – домино и другие. Из-за внешнего сходства такие слова очень часто становятся поводом для фонетической ошибки. Произношение таких слов нужно тренировать.

6. Слова, имеющие небольшие фонетические отличия из-за приспособления к правилам чтения, существующим в немецком языке: spielen ['ʃpi:lən], der Sprung [ʃrʊŋ], die Staffel ['ʃtaf], das Stadion ['ʃtadɪɔn] и др. У учащихся могут возникнуть сложности из-за того, что они будут произносить немецкий вариант с учетом фонетического образа русского коррелята, а это является ошибкой. Произнесение буквосочетаний [st] и [sp] в начале значимой морфемы в немецком языке читается как [ʃp], [ʃt].

7. Слова, прямое и переносное значения которых совпадают

Так, немецкое слово *das Pferd* является многозначным, как и его русский эквивалент – конь. Оба слова обладают следующими значениями: 1. Животное. 2. Конь (в гимнастике). 3. Конь (в шахматах). Исходя из того, что эти слова в обоих языках имеют полное совпадение значений, они являются семантически эквивалентными между собой.

Слова *der Ring* и *кольцо* имеют также полное совпадение значений: 1. Кольцо, перстень. 2. Круг. 3. Гимнастическое кольцо. 4. Огражденная канатами площадка, место для боев.

Главная проблема этой группы слов – выбор соответствующего значения из множества других. Помощником учащихся при переводе является двуязычный словарь. Но правильный выбор значения зависит также от смысла и стилистической окраски оригинала. Переводимое слово должно соответствовать контексту. При этой работе важен уровень языкового чутья учащегося.

8. «Ложные друзья переводчика» – слова-корреляты из разных языков, которые при внешнем сходстве в современных языках имеют различное значение, хотя зачастую и обладают общим происхождением. Такие слова еще называют межъязыковыми омонимами. М. Кесслер и Ж. Дерконьи выделяли две группы «ложных друзей переводчика»: 1) полностью ложные – слова, которые графически подобны, но расходятся семантически, и 2) частично ложные – слова, которые обладают подобной орфографией и схожей (хотя бы частично) семантикой [7]. Очень часто такие слова имеют общее происхождение, но могут быть и результатом случайного совпадения. Данные межъязыковые соответствия могут привести к коммуникативной ошибке.

К **полностью «ложным друзьям»** относятся слова, которые совпадают в графическом и в фонетическом планах, но различаются семантически. Одним из примеров этой группы слов являются *балл* – *der Ball*. Для русского *балл* правильными будут переводы *der Punkt* (очко, балл) и *die Note* (оценка, балл); немецкое *der Ball* переводится как *мяч*; *бал*. С такими словами рекомендуется образовывать предложения и переводить на другой язык, подбирая правильный эквивалент перевода.

Частично «ложные друзья» возникают вследствие внутриязыковой омонимии либо переноса значения слова. В этой группе один или несколько омонимов или значений слова имеют схожие по звучанию эквиваленты при переводе, а остальные будут переводиться лексическими единицами, отличающимися произношением и написанием.

Например, немецкое слово *der Trainer* можно перевести на русский язык как *тренер* и *тренажер*. В последнем случае русское *тренер* не будет эквивалентом немецкому *der Trainer*.

Русское слово *мат* имеет 4 внутриязыковых омонима со значениями: 1. Спортивное снаряжение. 2. Действие в шахматной игре, которое перекрывает все последующие ходы. 3. Ругательное слово. 4. Шероховатость гладкой поверхности, лишаящая её блеска [8]. Немецкое слово *die Matte*, схожее фонетически с русским *мат*, имеет один эквивалент для перевода – 'спортивное снаряжение'. Действие в шахматной игре официально обозначается в немецком словом *das Schachmatt*, но допустим разговорный вариант *das Matt*. Лексема является однозначной в немецком языке. Ругательное же слово и брань в немецком передаются через *das Schimpfwort* или *das Fluchen*, что не имеет графического и фонетического сходства с русским языком. Четвертый русский омоним со значением 'шероховатая поверхность' может переводиться в составе словосочетаний при помощи прилагательного *matt* либо как первый компонент сложных существительных *das Mattglas*, *die Mattscheibe* – *матовое* стекло [9].

Спортивные термины, имеющие в своем составе слово *-ball*, обозначают в немецком языке как командные виды спорта, так и специальный для данной игры мяч. В первом своем значении они сходятся с русским словом-коррелятом; во втором – нет: *der Fußball*, *der Volleyball*, *der Handball*, *der Basketball* и др. Такие слова во втором своем значении могут привести к лексической ошибке: *Darf ich deinen Fußball nehmen?* – Могу я взять твой футбольный мяч? (не футбол!)

На данную группу слов нужно обязательно обращать внимание учащихся. Совпадение при переводе в одном значении может привести к ошибке при переводе другого внутриязыкового омонима. Чтобы хорошо запомнить разницу, можно предложить ученикам составить словосочетания или предложения, где были бы отражены эти особенности: *den Gegner auf die Matte werfen* – бросить противника на *мат*; *Das Schachmatt ist das Ende einer Schachpartie* – *Matt* – это конец шахматной игры.

Заключение

«Демонстрирование» лексики с помощью схемы «сходство – различие» благоприятствует лучшему её усвоению; помогает сформировать у учащихся лингвистическую компетенцию; способствует воспитанию уважения к другим народам, а также осознанию принадлежности изучаемых языков к мировой общности; дает возможность осуществлять «эффективное обучение», направленное на формирование творческой и интеллектуальной личности.

Детальное изучение межъязыковых соответствий поможет избежать многих лексических и фонетических ошибок. Данные нашего исследования могут использоваться в качестве иллюстративного материала на уроках как немецкого, так и русского языков. Это позволит понять специфику изучаемых языков, покажет разнообразие способов словообразования и особенности внутренней формы слова.

Знание фактов языка в сравнении имеет образовательное, развивающее и воспитательное значение, расширяет лингвистический и культурологический кругозор учащихся, способствует формированию языковой догадки. Привлечение фактов межъязыковых соответствий делает процесс обучения более интересным, что дает стимул учащимся изучать языки.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Новое в лингвистике / Б. Уорф ; под ред. В. А. Звегинцева. – М. : Изд-во иностранной лит., 1960. – Вып. 1. – С. 157–201.
2. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер ; пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
3. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир ; пер. с англ., под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. – М. : Прогресс : Изд. группа «Универс», 1993. – 654 с.
4. Шанский, Н. М. Сходство и различие в номинативных системах языков / Н. М. Шанский // Русский язык в школе. – 1991. – № 2. – С. 72–74.
5. Стернин, И. А. Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 288 с.
6. Будько, А. Ф. Немецкий язык : учеб. для 7 кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения (с электронным прил.) / А. Ф. Будько, И. Ю. Урбанович. – Минск : Выш. шк., 2021. – 272 с.
7. Koessler, M. Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais (Conseil aux traducteurs) / M. Koessler, J. Derocquigny. – Paris : Vuibert, 1928. – 387 p.
8. Толковые онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory>. – Дата доступа: 14.02.2022.
9. Duden [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.duden.de/bedeutungen>. – Дата доступа: 14.02.2022.

Поступила в редакцию: 31.01.2022

E-mail: jeannag@list.ru; llwss-llwss@mail.ru

Z. V. Hryb, L. V. Siameika

COMMON AND SPECIFIC IN THE NOMINATIVE SYSTEMS OF THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES: ASPECT OF LINGUODIDACTICS

The article considers the linguodidactic aspect of similarities and differences in the nominative systems of the Russian and German languages. An attempt is made to classify nominative groups based on phonetic, semantic and word-formation features. Since Russian and German are Indo-European languages, there are certain similarities between them at the phonetic, lexical and grammatical level. This greatly facilitates the process of learning a foreign language and increases its effectiveness. Some words may differ in one or several features from each other, may coincide to varying degrees in meanings, external form. A detailed study of such interlanguage correspondences will help to avoid many lexical and phonetic errors.

Keywords: general, specific, nominative system, linguodidactics, lexical feature, phonetic feature, interlanguage correspondences, homonym.

УДК 81'373

Р. А. Кампаделли

Аспирант кафедры русской филологии, УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы», г. Гродно, Республика Беларусь

Научный руководитель: Сидорович Зоя Зигмундовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы

Научный руководитель: Маркезини Ирина, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русского языка Болонского Университета Альма Матер Студиорум

СЛОВАРНО-ДЕФИНИЦИОННОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА ИТАЛИЯ

Статья посвящена изучению концепта ИТАЛИЯ и способам его репрезентации в русском языке на основе анализа экстралингвистической информации, представленной в русскоязычных словарях (описание толкований из словарных статей) и энциклопедиях (изучение статей-обзоров, статей-справок). Проанализированная справочная информация представляет лингвокультурный концепт ИТАЛИЯ, обладающий определенной семантической структурой (территория, страна, государство, республика).

Ключевые слова: концепт, Италия, словарно-дефиниционное поле, концептуализация, категоризация.

Введение

Концептуализация является познавательным процессом, происходящим в психике человека и отвечающим за получение им информации и знаний об окружающей среде, а также за их хранение в человеческом сознании. Знания человека о мире упорядочиваются в виде концептов, которые являются основой языковой картины мира и результатом процесса концептуализации мира. В современном языкознании основными подходами к исследованию концепта являются следующие: психолингвистический (Р. М. Фрумкина), лингвистический (А. Вежбицкая, М. В. Пименова), логико-философский (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв), лингвокультурологический (Е. Н. Верещагин, С. Г. Воркачев, Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин) и когнитивный (Н. Ф. Алефиренко, А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.).

Актуальность настоящего исследования определяется общей направленностью современной научной парадигмы, всевозрастающим интересом к концептуализации мира и важной ролью лингвокогнитивного анализа в языкознании. Современным и востребованным является рассмотрение языковых единиц как информационных структур, реализующих ментальную репрезентацию действительности. Исследование концепта ИТАЛИЯ расширяет список проанализированных национально-географических концептов в русской языковой картине мира (например, концепт КИТАЙ [1], АМЕРИКА [2] и др.) и раскрывает картину мира Италии, представленную в русских словарях и энциклопедиях. Изучение концептов позволяет глубже проникнуть в суть ментальных изменений, которые происходят в современном обществе.

В данной статье анализируются толкования лексемы *Италия* в словарях и энциклопедиях с целью выявить на основе анализа экстралингвистической информации семантические компоненты данного концепта, интерпретировать их, определить основные понятия, употребляемые в проанализированных толкованиях, и осмыслить представление о стране в русскоязычном культурном обществе. Выбор объекта обусловлен популярностью концептуальных исследований и отсутствием изучения данного концепта. Анализ словарных статей позволяет определить и концепт ИТАЛИЯ, и границы концептуального поля, и способ интерпретации мира, отраженный в языке и характерный для русского сознания.

Методы и методология исследования

Анализ концепта ИТАЛИЯ основывается на рассмотрении семантического значения лексемы «Италия», представленного в словарных и энциклопедических толкованиях, и на его интерпретации. Материалом исследования послужили 6 словарей и 6 энциклопедий: этимологические, топонимические, исторические, географические словари, энциклопедии преимущественно географического описания.

При изучении содержания данного концепта и его вербальной репрезентации применялся комплекс методов, включающих концептуальный, лингвокультурологический, компонентный и интерпретационный.

Результаты исследования и их обсуждение

В энциклопедии «Кругосвет» (далее Э. К.) дана информация о том, что лексема *Италия* была впервые использована древними греками. Под «Италией» они подразумевали территорию, которая была меньше нынешней и соответствовала южной части Италии, кончику «сапога». Именно здесь древние греки заселились в VIII–VII вв. до н. э. [3].

В «Этимологическом онлайн-словаре русского языка» Макса Фасмера (далее Э. С. Р. Я. Ф.) и в топонимическом словаре «Географические названия мира» (далее Т. С. Г. Н. М.) *Италия* описывается как слово, происходящее от латинского *Italia* [4], [5].

Анализ толкования лексемы *Италия* позволяет утверждать, что *Италия* трактуется как республика, государство, территория, страна.

В Т. С. Г. Н. М. и «Историческом словаре» (далее И. С.) в значении слова *Италия* указывается, во-первых, государственная форма правления (республика), характеризующая территориальную организацию итальянского государства; во-вторых – политическая форма организации общества (государство) [5], [6]. Термин *республика* происходит от латинского *respublica*: *res* – ‘дело’, *publicus* – ‘общественный, всенародный’ [7].

В «Словаре современных географических названий» (далее С. С. Г. Н.) Италия представлена, прежде всего, как государство, расположенное на юге Европы в центральной части Средиземноморья [8].

Оба понятия «республика» и «государство» тесно связаны с политическим строем страны. Однако слово *государство* даёт более широкое представление об Италии как о «сообществе», группе людей, подчиняющихся определённому своду законов и правил, а также проживающих на одной территории, находящейся на юге Европы, имеющей чётко очерченные границы.

Третье понятие, употребляемое в толковании *Италии* в Т. С. Г. Н. М. и С. С. Г. Н., – ‘территория’. Италия – это географическое пространство с определёнными границами. В отличие от понятий «республика» и «государство», лексема *территория* несёт в себе, в первую очередь, не политическую, а географическую семантику. В Т. С. Г. Н. М. уточняется, что в Древнем Риме под «Италией» подразумевалась территория, на которой жили италы [5]. Данная информация связана с вышеупомянутыми мифами и легендами и является важной для раскрытия происхождения итальянской территории.

В энциклопедическом словаре «Древний мир» (далее Э. С. Д. М.) ‘территория’ является вторым значением (первое значение лексемы *Италия* – ‘название южной части Италии’) [9]. В словаре-справочнике «Античный мир» (далее С. С. А. М.) представлено только одно значение для *Италии* – территория от лат. *vitula* – ‘теленка’ [10]. В данном источнике делается акцент именно на географической семантике лексемы *Италия*, не даны значения Италии как государства и республики. В Э. С. Д. М. и в С. С. А. М. упоминаются и другие топонимы, которые в древности указывали на итальянскую территорию (Гесперия, Авзония, Энотрия), названия племен, которые её населяли (этруски, умбры, лигуры и т. д.) [9], [10].

Четвёртое понятие, представленное в толковании *Италии* в С. С. Г. Н., в Э. С. Д. М., в Д. Э. С., – ‘страна’. Лексема *страна* включает в себя понятия «территория» и «государство», поскольку указывает на территорию, занимающую определённое географическое положение на карте мира и имеющую зафиксированные законодательные нормы. «Понятие “страна” – культурное, а “государство” – политико-правовое» [11]. В Т. С. Г. Н. М., в И. С. и в С. С. А. М. не дается полная картина описания страны.

Анализ толкований лексемы *Италия* в шести словарях позволил выявить информацию о следующих аспектах страны: её архитектуре, географии, истории, литературе, населении, политике, религии, экономике.

В С. С. Г. Н., в Э. С. Д. М. и в И. С. подчёркивается долгая история страны, её становление и развитие. В толковании лексемы *Италия* указывается центральная роль этой страны в истории и культуре всей Европы. Действительно, Древняя Римская империя, которая существовала на данной территории с VIII в. до н. э. до V в. н. э., описывается как «колыбель европейской истории и культуры» [8]. В Э. С. Д. М. большая часть информации касается политического строя Италии и изменений, которым он подвергался до рождения Итальянской Республики в 1946 г., а также преобладает информация об истории итальянской территории и её географии [9].

Италия представлена и как территория, на которой проживали разные племена и цивилизации, оставившие свой след в истории страны. В Т. С. Г. Н. М. этноним *Италия* указывает на жителей итальянской территории во времена античности – все племена, покоренные Римом в V–III вв. до н. э. [5]. Также в И. С. даётся краткая информация о населении и о количестве жителей, проживающих на итальянской территории. В «Демографическом энциклопедическом словаре» (далее Д. Э. С.) преобладает информация об итальянском народе, начиная с древних времен, когда итальянскую территорию населяли различные племена. Итальянцы составляют 97,9 % населения, но на этой территории проживают также представители других национальностей, в том числе австрийцы, словенцы, албанцы, греки, французы [12].

Информация о географии Италии присутствует во всех словарях, где, прежде всего, уточняется, что Италия расположена на юге Европы. В С. С. Г. Н. Италия описывается как территория преимущественно горная и холмистая с субтропическим средиземноморским климатом [8].

В И. С. и в Э. С. Д. М. отсутствует информация об экономике, литературе, архитектуре, религии. Данные сведения даются в С. С. Г. Н. Центральная роль Италии подчеркивается и в производственном секторе, в особенности в индустрии моды, в разработке, производстве и продаже предметов одежды, аксессуаров, обуви [8].

Не менее важным является литературное и архитектурное наследие – гордость Италии. В С. С. Г. Н. упоминаются выдающиеся архитекторы, композиторы, певцы, литераторы, «титаны» эпохи Возрождения, которых Италия «дала всему миру» [8]. Эпоха Возрождения – историко-культурный период, который в Италии начался примерно в середине XIV в. и потом распространился на всю Центрально-Западную Европу, – сыграла важную роль в истории страны.

Особого внимания требует и религиозный аспект жизни итальянцев. Католицизм считается «господствующей» религией. Действительно, в итальянской Конституции нет упоминания о «государственной» религии. На итальянской территории проживают люди разных конфессий, что является доказательством свободы религии и вероисповедания. В Д. Э. С. присутствует информация о религии и её важной роли в жизни итальянцев. Католицизм представлен как преобладающее вероисповедание, но не единственное [12].

В отличие от словарных, энциклопедические толкования *Италии* являются более широкими, т. к. в них представлены многие аспекты жизни страны и её народа.

Анализ толкования лексемы *Италия* в шести энциклопедиях подтверждает описание Италии как республики, государства, территории и страны. В проанализированных источниках даются сведения о гастрономии, географии, истории, музыке, населении, политике, религии, туризме, ценностях, языках и диалектах.

В Э. К., «Энциклопедии туризма Кирилла и Мефодия» (далее Э. Т. К. М.) и Энциклопедии Кольера (далее Э. Ко.) Италия показана, прежде всего, как государственная форма организации власти и общества: географические сведения о положении Италии на карте мира даются после информации политического характера. В энциклопедии «Города и страны» (далее Э. Г. С.) Италия представлена, в первую очередь, как государство [13]. В данном источнике до определения Италии как «государства» не упоминается государственное устройство страны (республика). Сразу описываются основные территориальные черты Италии. Можно утверждать, что, несмотря на использование термина *государство*, Италия описана, прежде всего, как «территория».

Как в Э. Г. С., так и в Э. Т. К. М. первым детально описанным аспектом является территориальное расположение Италии.

В Э. К. и Э. Т. К. М. подчеркивается, что главным компонентом итальянской территории является море: омывая большую часть итальянской территории, оно влияет на климат, производство, питание и образ жизни итальянцев. В Э. К. отмечается, что море тесно связано со сферой туризма, а именно с пляжным отдыхом, хотя в данном источнике летний и зимний туризм упоминаются только при описании альпийских долин [3].

Что касается туризма, в Э. Т. К. М. присутствует информация о Флоренции и Риме, которые входят в список самых посещаемых итальянцами и иностранцами городов. Каждый год огромное количество туристов посещает Италию [14]. Интересен тот факт, что согласно информации, представленной в Э. Т. К. М., Италия занимает одно из первых мест в Европе по количеству мест в гостиницах на человека [14].

Кроме того, в Э. К. климат и территориальное положение упоминаются как главные факторы, определяющие разрыв между северной и южной Италией. Это разделение носит не только территориальный и климатический характер, но и экономический, культурный. В Э. К. Север

описывается как «зажиточная промышленная» территория, а Юг – как «бедная сельскохозяйственная» [3]. Север представлен как часть страны ближе к Центральной Европе с точки зрения климата, естественных ресурсов и структуры хозяйства. Юг, наоборот, считается более схожим со средиземноморским регионом [3]. Под «средиземноморским» подразумевается территория, которая не только омывается одноименным морем, но и характеризуется типичными средиземноморскими климатическими условиями: мягким климатом (сухое лето и мягкая зима с частыми дождями). Действительно, бытует мнение, что южная Италия считается частью территории менее экономически развитой и, следовательно, предоставляющей меньше возможностей по сравнению с северной частью Италии. Однако в Э. К. подчеркивается, что юг Апеннинского полуострова исторически стал являться частью итальянской территории раньше Севера нынешней Италии. Следовательно, южную Италию можно охарактеризовать как «отправную точку» территориального развития Италии. Сведения о разрыве между Севером и Югом присутствуют также в Э. Ко., где отмечается, что он являлся главной причиной миграции людей с Юга на Север на протяжении веков. Однако со временем ситуация изменилась, и Юг стал развиваться во многих сферах.

Что касается демографической ситуации в Италии, в Э. К. отмечается, что в стране происходит естественный процесс старения населения, и это свидетельствует об улучшении качества жизни и о последовательном увеличении среднего возраста итальянцев [3]. В Э. Г. С. присутствует информация о населении Италии, согласно которой оно состоит по большей части (98 %) из итальянцев, но на ее территории также проживают люди других национальностей [13].

Одним из важных культурных аспектов, описанных в Э. К., является трепетное отношение итальянцев к своей родине, истории, традициям: «У итальянцев есть сильно выраженное чувство приверженности к своему району с его народными костюмами, культурными особенностями и кулинарными предпочтениями» [3]. Таким образом, итальянцы показаны как народ, тесно связанный со своими «корнями». Итальянцы придают особую ценность семье и уделяют особое внимание спорту и организации свободного времени. Они внимательно относятся к своему здоровью и физической форме.

В Э. Т. К. М. итальянцы описаны как общительные люди, открытые к диалогу. Эта черта, которая не представлена в ранее проанализированных источниках, известна во всем мире. Главными компонентами манеры общения итальянцев являются жесты, мимика, интонация [14].

В Э. Т. К. М. впервые упоминаются музыкальные склонности итальянцев. Известные итальянские музыканты, композиторы оставили свой след в истории музыки не только Италии, но и всего мира [14]. В предыдущих источниках важная роль, которую играла Италия в развитии мировой культуры, связана с итальянской архитектурой, литературой, искусством, а в Э. Т. К. М. – еще и с итальянской музыкой.

В Э. К., Э. Г. С. и Э. Т. К. М. представлена также религиозная сфера жизни итальянцев. С одной стороны, поясняется распространенность католицизма на большей части страны, с другой – свобода выражать свои религиозные взгляды, защищенная Конституцией 1948 г. [3]. В Италии кроме католиков существует большое количество протестантов. В Э. Т. К. М. религия определена как «особенность» Италии. Католицизм определяется не просто как главенствующая религия, но и как незыблемая. Италия показана как страна, которая является очень стабильной с религиозной точки зрения, т. к. католическая церковь играет важную роль в жизни итальянцев с давних времен и по сей день. Согласно данным, представленным в Э. Т. К. М., большинство жителей Италии регулярно посещает церковь, итальянцы описаны как верующие, практикующие католики. Сильная религиозная вера считается основной причиной значимости института семьи в итальянском обществе [14].

В «Полной популярной библейской энциклопедии» (далее П. П. Б. Э.) через призму религии подчеркивается многовековая история страны. В П. П. Б. Э. о долгой истории страны говорится применительно к древности религиозных текстов. Италия – одна из первых европейских стран, которая способствовала распространению Евангелия [15]. Это объясняется существованием католической церкви уже с античных времён. В Э. Т. К. М. упоминается форма Италии, напоминающая «сапог» и являющаяся отличительной чертой страны, по которой Италия известна далеко за её пределами. В Э. Г. С. отсутствует исторический экскурс основных этапов становления нынешней Италии, однако дана информация о её самых известных и древних достопримечательностях.

В Э. К. и Э. Г. С. отмечается, что итальянский является главенствующим языком в стране, однако есть итальянские территории, где, например, говорят на французском (Валле-д'Аоста),

немецком (Трентино – Альто-Адидже) [3], [13]. Италия описывается как европейская страна с самым высоким количеством локальных диалектов [3]. Это является важным культурным аспектом страны, т. к. каждый диалект отображает культурную уникальность каждого региона. Происхождение итальянского языка восходит к определённому диалекту – флорентийскому [3]. Однако стоит уточнить, что под «флорентийским диалектом» подразумевается не диалект в его нынешнем представлении, а «литературный язык» Италии. Диалект как «язык», относящийся к определённому региону, противопоставляется официальному или национальному языку страны [16].

Гастрономия является одной из главных причин, почему Италия известна во всём мире. В Э. Т. К. М. итальянская кухня представлена как разнообразная и упоминается, в первую очередь, в связи с итальянским вином: «Италия – винодельческая страна» [14]. Каждый итальянский регион в зависимости от его территориальных и климатических черт, производственных ресурсов имеет свои традиционные блюда и напитки. Интересен тот факт, что согласно информации, представленной в данной энциклопедии, итальянцы любят не только вино, но и капучино, описываемый как напиток, который они пьют в любой момент дня, даже после ужина. Однако данная информация является некорректной, т. к. большинство итальянцев пьёт капучино только утром, то есть на завтрак. Как известно, эспрессо, наоборот, – напиток, подходящий к любому времени дня.

Все вышеупомянутые компоненты итальянской культуры являются показателями признания Италии на международной арене. Эпоха Возрождения описана как важный этап в развитии итальянской культуры. Данная информация присутствует в большинстве ранее проанализированных источников. Издавна Флоренция считается символом прогресса, в первую очередь культурного, который охарактеризовал данный период. Это объясняется тем, что Флоренция – родной город известных писателей, поэтов, мыслителей, таких как Данте Алигьери, Н. Макиавелли, Л. де Медичи и многих других. С одной стороны, Флоренция представлена как культурный центр Италии, с другой стороны, Рим – как символ многовековой истории страны.

В П. П. Б. Э. делается акцент на известности Италии в Европе и за её пределами. Данная общеизвестность объясняется, в первую очередь, древними цивилизациями, которые населяли итальянскую территорию, одной из которых была этруская [15]. Этруски – племена, которые выделялись своей собственной культурой, искусством.

На основе информации об Италии, которая дана в проанализированных источниках, можно вывести следующую словарную статью лексемы *Италия*.

Италия (от лат. *Italia*) – территория, расположенная на юге Европы и имеющая форму, напоминающую сапог. Она омывается морями (Тирренское, Адриатическое и др.) и характеризуется средиземноморским климатом, варьирующимся от региона к региону. Большая часть территории Италии является горной и холмистой, а также характеризуется большим количеством озёр и рек. Альпы – одна из самых высоких и протяженных горных систем в Европе.

В Древнем Риме под «Италией» подразумевалась территория, на которой жили италы. На итальянской территории проживали разные племена и цивилизации, в том числе этруски – племена, которые выделялись своей собственной культурой, искусством. Главными историческими событиями, этапами исторического развития Италии являются Древняя Римская империя, Итальянское королевство, Священная Римская империя, мировые войны, нынешняя Итальянская Республика. Древняя Римская империя, которая существовала на данной территории с VIII в. до н. э. до V в. н. э., считается «колыбелью европейской истории и культуры». Крайне важной в истории страны являлась также эпоха Возрождения – историко-культурный период, который в Италии начался примерно в середине XIV в. и потом распространился на всю Центрально-Западную Европу.

Политическая форма организации общества – государство. Государственное устройство страны – республика (от лат. *res publica*: *res* – 'дело', *publicus* – 'общественный, всенародный').

На сегодняшний день в этой стране живут не только итальянцы, которые составляют около 98% населения, но и представители других национальностей (австрийцы, словенцы, албанцы, греки, французы и др.), говорящие на разных языках и относящиеся к разным конфессиям. Наряду с литературным итальянским языком в Италии существуют также его диалекты. Италия определена как европейская страна с самым высоким количеством локальных диалектов. Поскольку диалекты Италии являются разными в каждом регионе, в них проявляются культурные особенности территорий, к которым они принадлежат. Происхождение итальянского языка восходит к флорентийскому диалекту, который не соответствует современному диалекту в его нынешнем представлении, а является литературным языком Италии. Последствием близости Италии к Франции, Швейцарии и Австрии является присутствие на некоторых итальянских территориях других языков, таких как французский (Валле-д'Аоста), немецкий (Трентино – Альто-Адидже).

Господствующая религия – католицизм. Италия – одна из первых европейских стран, благодаря которой распространялось Евангелие. В Италии отмечается свобода религии и вероисповедания, существование большого количества протестантов, проживающих особенно в регионе Пьемонте. Итальянцы являются верующими и практикующими католиками; народом, тесно связанным со своими «корнями», где особую ценность имеет культ семьи.

Итальянцы во время беседы активно используют жесты, они известны своей общительностью, музыкальными склонностями. Особое внимание они уделяют физическому здоровью, спорту и свободному времяпрепровождению.

Италия знаменита во всем мире своей гастрономией. Каждый итальянский регион в зависимости от ресурсов территории имеет свои традиционные блюда и напитки.

Море и альпийские долины позволяют развиваться и летнему, и зимнему туризму. Флоренция и Рим входят в список самых посещаемых итальянцами и иностранцами городов и привлекают людей со всего мира своей историей и архитектурой. Флоренция известна как культурный центр в связи с прогрессом, который был характерен для эпохи Возрождения. Флоренция – родной город известных писателей, поэтов, мыслителей, таких как Данте Алигьери, Н. Макиавелли, Л. де Медичи и многих других. Рим является символом многовековой истории страны. Литературное и архитектурное наследие, итальянские музыканты, композиторы – гордость Италии.

В Италии сильно развит производственный сектор, в особенности в индустрии моды, в разработке, производстве и продаже предметов одежды, аксессуаров, обуви. Как известно, Милан считается «столицей моды» во всём мире.

Италия играла центральную роль в истории и культуре всей Европы благодаря своей многовековой истории, музыке и искусству, архитектурному и культурному наследию.

Так описана Италия, «хранящаяся» в русских словарях и энциклопедиях, а именно зафиксированные в русском языке знания и представления об Италии, формирующиеся в сознании русскоговорящего человека в результате процесса концептуализации и категоризации понятия.

Заключение

В результате проведенного исследования были выявлены словарные и энциклопедические источники, в которых Италия описана более подробно. Можно утверждать, что концепт ИТАЛИЯ в большинстве проанализированных источников представлен как республика, государство в Южной Европе. В С. С. Г. Н., Э. Г. С. и Э. К. даётся полная картина Италии как государства, республики, территории и страны. Обнаруживается присутствие информации преимущественно политического, географического, исторического, религиозного, языкового, культурного характера соответственно. Словарь, в котором представлено наибольшее число характеристик Италии, – С. С. Г. Н, далее Д. Э. С., И. С. и Э. С. Д. М. Подробное описание Италии, её основных черт, характеризующих жизнь страны и её жителей, представлено в Э. К. и Э. Т. К. М.

Извлеченная из шести словарей и шести энциклопедий информация об Италии позволила очертить границы концептуального поля и выявить четыре понятия, употребляемых в толковании *Италии* (республика, государство, территория, страна), а также определить основные аспекты осмысления жизни в стране, представления о её жителях.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ши, С. Концепт КИТАЙ в русском обыденном языковом сознании : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. Ши. – М., 2008. – 209 с.
2. Гришина, О. А. Актуализация концепта ИТАЛИЯ в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. А. Гришина. – Архангельск, 2004. – 177 с.
3. Италия // Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <https://rus-geo-enc.slovaronline.com/3522-%D0%98%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%8F> – Дата доступа: 09.12.2020.
4. Италия // Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%B8/%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%8F>. – Дата доступа: 09.12.2020.
5. Италия // Географические названия мира: Топонимический словарь [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: <https://rus-geo-enc.slovaronline.com/3522-%D0%98%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%8F> – Дата доступа: 09.12.2020.

6. Италия // Исторический словарь [Электронный ресурс]. – 2010–2021. – Режим доступа: <https://rus-hist-dict.slovaronline.com/608-%D0%98%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%8F>. – Дата доступа: 05.01.2021.
7. Республика // Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2010–2021. – Режим доступа: <https://slovar.cc/enc/bse/2036141.html>. – Дата доступа: 06.01.2021.
8. Италия // Словарь современных географических названий [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <https://rus-geo-enc.slovaronline.com/3522-%D0%98%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%8F>. – Дата доступа: 09.12.2020.
9. Италия // Древний мир. Энциклопедический словарь в 2-х томах [Электронный ресурс]. – 2010–2021. – Режим доступа: <https://1404.slovaronline.com/1960-%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%8F>. – Дата доступа: 05.01.2021.
10. Италия // Античный мир. Словарь-справочник [Электронный ресурс]. – 2010–2021. – Режим доступа: <https://rus-antiquities-dict.slovaronline.com/893-%D0%98%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%8F>. – Дата доступа: 05.01.2021.
11. Страна // Географическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geo/7187. – Дата доступа: 09.12.2020.
12. Италия // Демографический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – 2010–2021. – Режим доступа: <https://rus-demography-dict.slovaronline.com/477-%D0%98%D0%A2%D0%90%D0%9B%D0%98%D0%AF>. – Дата доступа: 06.01.2021.
13. Италия // Энциклопедия «Города и страны» [Электронный ресурс]. – 2010–2021. – Режим доступа: <https://1623.slovaronline.com/538-%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%8F>. – Дата доступа: 05.01.2021.
14. Италия // Энциклопедия туризма Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <https://rus-geo-enc.slovaronline.com/3522-%D0%98%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%8F>. – Дата доступа: 05.01.2021.
15. Италия // Полная популярная библейская энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2010–2021. – Режим доступа: <https://130.slovaronline.com/2200-%D0%98%D0%A2%D0%90%D0%9B%D0%98%D0%AF>. – Дата доступа: 05.01.2021.
16. Dialetto // Dizionario Garzanti Linguistica [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.garzantilinguistica.it/ricerca/?q=dialetto>. – Дата доступа: 08.12.2020.

Перечень сокращений

- Д. Э. С. – Демографический энциклопедический словарь
 И. С. – Исторический словарь
 П. П. Б. Э. – Полная популярная библейская энциклопедия
 С. С. А. М. – Античный мир. Словарь-справочник энциклопедия
 С. С. Г. Н. – Словарь современных географических названий
 Т. С. Г. Н. М. – Географические названия мира: Топонимический словарь
 Э. Г. С. – Энциклопедия «Города и страны»
 Э. К. – Энциклопедия «Кругосвет»
 Э. Ко. – Энциклопедия Кольера
 Э. С. Д. М. – «Древний мир. Энциклопедический словарь» в 2-х томах
 Э. С. Р. Я. Ф. – «Этимологический онлайн-словарь русского языка» Макса Фасмера
 Э. Т. К. М. – Энциклопедия туризма Кирилла и Мефодия

Поступила в редакцию 26.04.2021

E-mail: campadellirosalia@gmail.com

ROSALIA ANNARITA CAMPADELLI

DEFINITIONAL FIELD OF THE CONCEPT “ITALY”

The article is devoted to the study of the concept of ITALY and to the ways of its representation in the Russian language based on the analysis of Russian language dictionaries (description of the definitions given in dictionaries) and encyclopaedias (study of articles-reviews, articles-references). The analysed background information represents the linguo-cultural concept of ITALY, which is characterised by a specific semantic structure (territory, country, state, republic).

Keywords: concept, Italy, definitional field, conceptualisation, categorisation.

УДК 81.373.211.5

Т. А. Кахно

Аспірант кафедры беларускай і рускай філалогіі, УА «Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна», г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
Навуковы кіраўнік: Солахаў Аляксей Васільевіч, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

ФАРМІРАВАННЕ ГАДАНІМІ ГОРАДА МАЗЫРА

У артыкуле разглядаецца працэс фарміравання гадонімаў г. Мазыра, іх тыпы і віды. Як паказвае аналіз, развіццё гаданіміі адбывалася нераўнамерна ў сувязі з рознымі гістарычнымі падзеямі, будаўніцтвам прадпрыемстваў і жылых дамоў, уключэннем ў межы горада вёсак. Асноўнай прычынай паширэння горада і з'яўлення новых лінейных аб'ектаў з'явілася будаўніцтва буйных прадпрыемстваў, для якіх патрэбна было сабраць кваліфікаваных рабочых і забяспечыць іх жыллом. Сучасная сістэма гаданіміі г. Мазыра налічвае 198 адзінак. Назвы вуліц дакастрычніцкага часу (да 1917 г.) былі заменены новымі, за выключэннем адной – Нагорнай. У савецкі час назвы вуліц даваліся пераважна ў гонар вядомых военачальнікаў, герояў грамадзянскай і Вялікай Айчыннай вайнаў, палітычных дзеячаў, пісьменнікаў і г. д.

Ключавыя словы: вуліца, гаданімія, завулак, лінейны аб'ект, перайменаванне.

Уводзіны

З 90-х гадоў XX ст. пачалося актыўнае вывучэнне ўрбананіміі, у тым ліку гаданіміі – раздзела ўрбананіміі, які займаецца вывучэннем назваў вуліц, у навуковых цэнтрах Мінска, Гомеля, Віцебска, Мазыра. З'явіліся першыя ў Беларусі манаграфічныя навуковыя даследаванні і навукова-папулярныя выданні віцебскай школы анамністаў пад кіраўніцтвам Г. М. Мезенкі [1]–[4]. Даследаванне ўрбананіміаў, у тым ліку і гадонімаў, не толькі ўяўляе сабой культуралагічную цікавасць, але і раскрывае ўзаемадзеянне мовы і культуры.

Даследчыкі і краязнаўцы А. Бобр [5], П. Шпілеўскі [6], А. Крукоўскі [7], А. Рогалеў [8], В. Герасімаў [9], Г. Іванова [10], М. Капач [11] і інш. сабралі асобныя звесткі пра Мазыр і Мазыршчыну. Аднак спецыяльнага даследавання гадонімаў Мазыра даследчыкамі не праводзілася.

Мэта даследавання – апісаць працэс фарміравання гаданіміі горада Мазыра, тыпы і віды гадонімаў.

Метады і метадалогія даследавання

Метадалагічнай асновай вызначэння і апісання этапаў фарміравання гаданіміі Мазыра, класіфікацыі прааналізаваных аб'ектаў з'яўляецца гістарычны падыход, у межах якога выкарыстоўваецца метады даследавання архіўных дакументаў; лексіка-семантычны, які ўжываецца пры апісанні тэматычных груп гадонімаў. Супастаўляльны метады выкарыстоўваецца пры выяўленні структурнай агульнасці гадонімаў. Супастаўляльна-гістарычны метады ўключае прыёмы храналагізацыі, выяўлення гісторыі ўтварэння асобных найменняў.

Фактычны матэрыял даследавання складаюць гадонімы г. Мазыра, атрыманыя з архіўных матэрыялаў, прац краязнаўцаў, занальнага дзяржаўнага архіва г. Мазыра.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Мазыр узнік на беразе буйной воднай магістралі – Прыпяці, і на скрыжаванні сухапутных шляхоў з Бабруйска на Жытомір, з Рагачова і Рэчыцы на Пінск. У канцы XIII ст. цэнтрам горада была плошча, ад якой радыяльна разыходзіліся вуліцы *Свідоўка*, *Замкавая*, *Кіеўская* і *Слуцкая*. Ад царквы ўверх на гару ішла вуліца *Нагорная*, якая захавала сваю назву да нашых дзён. Ад вуліцы *Слуцкай* да *Яснай Гары* цягнуўся *Рамашоў роў* (сучасная вуліца *Саэта*). Ад берага ракі да паварота на *Міхайлаву гару* (раён плошчы *Максіма Горкага* і вуліцы *Інтэрнацыянальнай*) пралягала вуліца *Жытомірская*. Завулак *М. Калініна* ў той час называўся *Калінік* [12, с. 16–18]. У інвентары 1724 г. адзначаюцца вуліцы *Гончая*, *Жытомірская*, *Замкавая*, *Калінік*, *Кіеўская*, *Нагорная*, *Оўруцкая*, *Папоўшчына*, *Пятніцкая*, *Рамашоў Роў*, *Свідоўская*, *Слуцкая* [13, с. 41].

Большасць назваў вуліц Мазыра раней выконвала неабходную адрасную функцыю. Так, *вул. Слуцкая* ішла ў напрамку Слуцка, *вул. Замкавая* знаходзілася каля Замкавай гары, *вул. Кіеўская* ішла ў напрамку Кіева, *вул. Жытомірская* ўказвала напрамак на Жытомір, *вул. Папоўшчына* была названа так таму, што тут жылі царкоўныя служкі, на *вул. Пятніцкай* знаходзіўся жаночы манастыр Параскевы Пятніцы, *вул. Нагорная* падымалася на гару.

На пачатку 1924 г. у горадзе было зафіксавана 22 вуліцы: *Слуцкая, Слуцкая Набярэжная, Мікалаеўская, Рымашоў Роў (Рымашоў у дакуменце падаецца праз ы), Малы Рымашоў Роў, Мала Мікалаеўская, Леніна, Аляксандраўская, Замкавая, Спаска-Замкавая, Кіеўская, Міхайлаўская, Жытомірская, Калінік, Кіеўская Набярэжная, Кімбараўка, Папоўшчына, Пятніцкая, Нагорная, Новае Страенне, Свідоўка*; 4 завулки: *Праразны, Гімназічны, Мікалаеўскі, Пятніцкі*; і адна плошча – *Свабоды* [14].

У 1939 г. з’явілася 10 новых вуліц: *Піянерская, Рабочая, Перишамайская, Калхозная, Інтэрнацыянальная, М. Астроўскага, Камуністычная, Кастрычніцкая, С. Леванеўскага, В. Чапаева* [15]. Гэта пашырэнне тэрыторыі горада адбылося ў сувязі з будаўніцтвам Мазырскага ўмацаванага раёна паводле праекта “Лінія Сталіна”. Новыя назвы адпавядалі ідэалогіі, якую праводзілі Савецкі ўрад і Камуністычная партыя.

У 1945 г. *вул. Свідоўка* была перайменавана ў *вул. 17 верасня* ў гонар уз’яднання заходніх і ўсходніх беларускіх земляў [16].

Пастановай ЦК КПСС і СМ СССР № 1871 ад 4 лістапада 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» была завершана эпоха савецкага манументальнага класіцызму (“сталінскага ампіру”), што паскорыла тэмпы праектавання і будаўніцтва жылля для працоўных і іх сем’яў, так званых “хрушчовак”. У 1956–1960 гг. Мазыр павялічыўся на 21 лінейны аб’ект. У 1957 г. былі ўтвораны 3 завулки: *Фабрычны, Маставы, Палявы* (вылучыліся з *вул. М. Гогаля*) [17]. У 1958 г. з’явіліся *вуліцы Лясная і Янкі Купалы*; атрымалі іншую назву 2 аб’екты: *1-ы пасёлак “Чырвоны Кастрычнік”* змяніўся на *вул. Ф. Языковіча, вул. Нова-Пралетарская* змянілася на *вул. І. Апанскага*. Пастановай Савета Міністраў БССР № 764 1950 г. быў створаны “Мазырскі завод меліярацыйных машын”. З’яўленне на тэрыторыі Мазыра завода абумовіла актуальнасць стварэння *вул. Лясной* – жыллой забудовы працягласцю каля 400 метраў у сучасным мікрараёне Зарэчны (разм. Пхоў) [18], [19].

Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь ад 15 мая 1959 г. у гарадскія межы горада Мазыра ўключана вёска Целепуны Мазырскага раёна. У яе межах утвораны 3 вуліцы: *К. Заслонова, М. Гастэлы, А. Матросова*, і 4 завулки: *Азёрны, Прыпяцкі, Калектыўны, Палескі* [20]. У тым жа 1959 г. арганізавана прадпрыемства “Мазыркабель” (сучасны “Беларускабель”), што абумовіла прырост насельніцтва горада і з’яўленне вуліц *Якуба Коласа, Працоўнай* і завулка *Ліцейнага* [21]. *Вуліца Нова-Пушкіна* у гэтым годзе перайменавана ў *вул. Будаўнікоў* [22].

У 1960 г. пачалося будаўніцтва нафтаправода “Дружба”, які пралёг недалёка ад горада. Такі грандыёзны праект патрабаваў вялікай колькасці рабочых і спецыялістаў, што абумовіла з’яўленне ў Мазыры 4 новых вуліц: *А. Кашавага, Н. Крупскай, М. Някрасава, У. Маякоўскага*. У гэтым жа годзе былі перайменаваны 6 лінейных аб’ектаў: *завул. Палескі → вул. Палеская, вул. Нова-Фрунзэ → вул. Л. Даватара, вул. Нова-Сацыялістычная → вул. 8 Сакавіка, вул. Мала-Пушкіна → вул. С. Кірава, вул. А. Пушкіна → вул. Маставая, вул. Жытомірская → плошча М. Горкага*; аб’яднаны ў адну з наступным ідэалагічным перайменаваннем 2 вуліцы: *вул. Розы Люксембург і вул. Карла Лібкнехта → вул. Савецкая* [23], [24].

Перайменаванне *вул. Набярэжна-Пралетарскай* у *вул. Ю. Гагарына* адбылося 12 красавіка 1961 г. рашэннем № 137 Мазырскага Савета ў сувязі з першым палётам чалавека ў космас. У гэтым жа годзе былі ўтвораны 3 вуліцы: *Шасэйная, А. Чэхава, Меліярацыйная* [25], [26].

У 1962 г. былі пабудаваны 3 вуліцы – *Л. Талстога, Ц. Бумажкова, Лугавая* – і 1 завулак: *К. Заслонова* [27]. У 1963 г. з’явілася яшчэ адна вуліца – *Мірная* [28]. За перыяд 1964–1965 гг. было перайменавана 5 вуліц: *1-я Эскаватарная* стала *Ф. Нялідава, 2-ая Эскаватарная → М. Катаева, Маставая → А. Рыжкова, Калхозная → В. Няжнова, Высокая і 2-ая Высокая → Юннатаў*; з’явіліся 3 новыя вуліцы: *В. Харужай, Пасялковая, Маладзёжная* [29]–[32]. З’яўленню новых вуліц спрыяла будаўніцтва Мазырскай ЦЭЦ.

У 1967 г. была ўтворана *вул. Геалагаў*. У гэты час праводзіліся пошукі нафты і прыроднага газу на тэрыторыі Гомельшчыны.

У 1969 г. адбылося перайменаванне *вул. Пасякловай* у *вул. Р. Ціханова* [33], [34], у 1971 – *вул. Пясчанай* у *вул. А. Іваненкі*.

У 1971–1975 гг. на тэрыторыі Мазырскага раёна вялося будаўніцтва нафтапераапрацоўчага завода (НПЗ). За гэты перыяд значна пашырылася тэрыторыя горада Мазыра, з’явіўся жылы мікрараён НПЗ. У гэты час былі пабудаваны вуліцы *М. Катлаўца*, *Нафтабудаўнікоў*, *С. Прытыцкага*, *бульвар Юнацтва*, а таксама вуліцы *У. Камарова*, *І. Трусевіча*, *Сасновая*, *завул. Зялёны* [35]. Вуліца *Лясная* была перайменавана ў *вул. Зенітчыкаў* [36].

У 1985 годзе спіс вуліц горада папоўніўся адразу на 5 адзінак: *Міра*, *Лельчыцкая Шапа*, *М. Малініна*, *бульвар Дружбы*, *бульвар Страканіцкі* [37].

У 1987 г. была пабудавана *вул. Ульянаўская* [38].

Да 1988 г. горад Мазыр будаваўся вакол вёскі Бабры. Па сутнасці, географічная цэнтральная частка горада не існавала, горад уяўляў сабой кола вакол вёскі. І толькі ў 1988 г. вёска Бабры і вёска Майская Козенскага сельсавета Мазырскага раёна былі ўключаны ў межы г. Мазыра з наступнымі вуліцамі: *К. Варашылава*, *Ю. Гагарына*, *Ленінская*, *Светлая*, *В. Чкалава*, *8 Сакавіка*, *М. Марціновіча*, *А. Царэнкі*; завулкамі: *Канцавы*, *1-ы Калхозны*, *2-і Калхозны*, *Магістральны*, *Партызанскі*, *Лясны*, *Сельскі*, *Станцыйны*, *Чырвонаармейскі* [39].

У 1989 г. з часткі *вул. М. Гогаля* вылучыўся *завул. Рачны* [40].

З 1990 г. па 2011 г. у горадзе з’явілася яшчэ 48 вуліц і завулкаў: *І. Ветрава*, *К. Вікенцьева*, *Гара Камунараў*, *Заводская*, *Зарэчная*, *Кірылы Тураўскага*, *Камунальная*, *С. Каўпака*, *М. Барысава*, *М. Данілеўскага*, *Р. Катоўскага*, *С. Лазо*, *Мемарыяльная*, *М. Мураўёва*, *Набярэжняя*, *М. Шчорса*, *Прамысловая*, *Спартыўная*, *Фестывальная*, *Чыгуначная*, *Юбілейная*, *Вятровая*, *Садовая*, *М. Пушкарка*, *Партовая*, *Азёрная*, *І. Мележа*, *І. Тургенева*; завулкі: *1-ы Бярозавы*, *2-і Бярозавы*, *3-і Бярозавы*, *1-ы Заводскі*, *2-і Заводскі*, *Зялёны*, *Майскі*, *Маладзёжны*, *Набярэжны*, *1-ы Партовы*, *2-і Партовы*, *3-і Партовы*, *4-ы Партовы*, *Прывакзальны*, *Спартыўны*, *Транспартны*, *Швейны*, *Школьны*, *М. Шчорса*.

Рашэннем Мазырскага раённага савета дэпутатаў у 2011 г. быў зацверджаны квартал індывідуальнай забудовы «*Паўднёвы*», у склад якога ўваходзіла 10 лінейных аб’ектаў: *Р. Каблова*, *К. Захарава*, *Славянская*, *Кляновая*, *Кіеўская*, *14 студзеня*, *Вызваліцеляў*, *Новая*, *Крынічная*, *Вясёлкавая* [41].

За перыяд 2014–2018 гг. на тэрыторыі вёскі Нараўшчызны і яе ваколліц былі спраектаваны 17 новых вуліц: *Цімафяя Абрамава*, *П. Раціцкага*, *М. Сузько*, *Сонечная*, *Цянiстая*, *Кветкавая*, *Пінская*, *Карасценьская*, *Александрыйская*, *Мазырская*, *Паўднёвая*, *Энергетыкаў*, *Нафтаразведчыкаў*, *Герояў Падоля*, *Мазырскіх Дывізіі*, *Афіцэрскага*, *Партызанскага* [42].

Паводле адносін гадонімаў да тых або іншых прадметаў рэчаіснасці і асоб, сярод іх вылучаюцца наступныя групы:

– гадонімы, утвораныя ад іменаў вядомых военачальнікаў, герояў грамадзянскай і Вялікай Айчыннай войнаў – *А. Кашавага*, *А. Матросова*, *М. Барысава*, *Ц. Бумажкова*, *В. Харужай*, *К. Вікенцьева*, *М. Гастэлы*, *Л. Даватара*, *М. Данілеўскага*, *К. Заслонава*, *А. Іваненкі*, *К. Захарава*, *Р. Катаева*, *М. Катлаўца*, *Р. Катоўскага*, *С. Каўпака*, *С. Лазо*, *М. Малініна*, *М. Мураўёва*, *В. Няжнова*, *Ф. Нялідова*, *Р. Коблава*, *А. Рыжкова*, *І. Трусевіча*, *У. Камарова*, *Цімафяя Абрамава*, *Р. Ціханова*, *В. Чапаева*, *В. Чкалава*, *М. Шчорса*, *Ф. Языковіча*, *бульвар М. Малініна*; завулкі: *К. Заслонава*, *1-ы Заслонава*, *2-і Заслонава*, *3-і Заслонава*, *4-ы Заслонава*, *5-ы Заслонава*, *1-ы Катаева*, *2-і Катаева*, *3-і Катаева*, *4-ы Катаева*, *5-ы Катаева*, *6-ы Катаева*, *1-ы Малініна*, *2-і Малініна*, *В. Чапаева*, *В. Чкалава*, *М. Шчорса*: усяго 49 назваў;

– гадонімы, якія ўказваюць на прыкметныя аб’екты, род дзейнасці людзей – *Заводская*, *Камунальная*, *Меліярацыйная*, *Новая*, *Партовая*, *Прамысловая*, *Працоўная*, *Рабочая*, *Спартыўная*, *Студэнцкая*, *Фестывальная*, *Чыгуначная*, *Шасэйная*, *Юбілейная*; завулкі: *1-ы Заводскі*, *2-і Заводскі*, *1-ы Партовы*, *2-і Партовы*, *3-і Партовы*, *4-ы Партовы*, *Канцавы*, *Ліцейны*, *Магістральны*, *Маставы*, *Прывакзальны*, *Сельскі*, *Спартыўны*, *Станцыйны*, *Транспартны*, *Фабрычны*, *Швейны*, *Школьны*: усяго 32 назвы;

– гадонімы, якія падкрэсліваюць асаблівасці мясцовага ландшафту, іншыя прыродныя адметнасці – *Азёрная*, *Вясёлкавая*, *Вятровая*, *Зарэчная*, *Зялёная*, *Кляновая*, *Крынічная*, *Луговая*, *Набярэжняя*, *Нагорная*, *Палеская*, *Садовая*, *Сасновая*, *Светлая*, *Сонечная*, *Цянiстая*; завулкі: *1-ы Бярозавы*, *2-і Бярозавы*, *3-і Бярозавы*, *Азёрны*, *Лясны*, *Майскі*, *Набярэжны*, *Палявы*, *Прыпяцкі*, *Рачны*, *Сасновы*: усяго 27 назваў;

– гадонімы, якія рэпрэзентуюць сімвалы савецкай эпохі – *Гара Камунараў*, *Інтэрнацыянальная*, *Калгасная*, *Камсамольская*, *Камуністычная*, *Мірная*, *Міру*, *Першамайская*, *Піянерская*, *Пралетарская*, *Савецкая*, *Сацыялістычная*; завулкі: *Калектыўны*, *1-ы Пралетарскі*, *2-і Пралетарскі*, *Інтэрнацыянальны*, *Мірны*, *Першамайскі*: усяго 18 назваў;

– гадонімы, утвораныя ад імёнаў пісьменнікаў, дзеячаў навукі і культуры – *А. Пушкіна, А. Чэхава, І. Мележа, І. Тургенева, Кірылы Тураўскага, Л. Талстога, М. Астроўскага, М. Гоголя, М. Някрасава, М. Пушкіра, Н. Крупскай, П. Раціцкага, У. Маякоўскага, Якуба Коласа, Янкі Купалы, завулак Н. Крупскай*: усяго 16 назваў;

– гадонімы, утвораныя ад імёнаў палітычных дзеячаў, кіраўнікоў Камуністычнай партыі і Савецкага ўрада – *В. Куйбышава, І. Ветрава, І. Апанскага, К. Варашылава, Ленінская, М. Калініна, М. Фрунзэ, С. Кірава, С. Прытыцкага, Ульянаўская, Ф. Дзяржынскага*; завулкі: *М. Калініна, М. Фрунзэ*: усяго 14 назваў;

– гадонімы, звязаныя з найменнямі людзей па прафесіі, родзе заняткаў, нацыянальнасці – бульвары *Дружбы і Юнацтва*; вуліцы: *Афіцэрская, Геологаў, Маладзёжская, Нафтабудаўнікоў, Нафтаразведчыкаў, Славянская, Энергетыкаў, Юннатаў*; завулкі: *Маладзёжны, Юннатаў*: усяго 12 назваў;

– гадонімы, утвораныя ад назваў айканімічных адзінак – *Александрыйская, Карасіцкая, Кіеўская, шаша Лельчыцкая, Мазырская, Нежынская, Пінская, Слуцкая, бульвар Страканіцкі*: усяго 9 назваў;

– гадонімы, утвораныя ад назваў ваенных супольнасцей – *33-й ракетнай дывізіі, Вызваленцаў, Герояў падполля, Зенітчыкаў, Мазырскіх дывізіі, Мемарыяльная, Партызанская*; завулкі: *Партызанскі, Чырвонаармейскі*: усяго 9 назваў;

– гадонімы, утвораныя ад імёнаў вядомых людзей, герояў мірнага часу – *А. Царэнкі, Г. Саэта, Івана Кеніка, І. Смольяра, М. Марціновіча, М. Сузько, Ю. Гагарына*; завулак *А. Царэнкі*: усяго 8 назваў;

– гадонімы, утвораныя ў гонар гістарычных падзей – вуліцы: *8 Сакавіка, 14 Студзеня, 17 Верасня*; завулак *17 Верасня*: усяго 4 назвы.

Заклучэнне

Аналіз сістэмы гаданімічнай лексікі г. Мазыра паказвае, што яна фарміравалася на працягу многіх стагоддзяў. На яе развіццё ўплывалі розныя гістарычныя падзеі, а таксама будаўніцтва ў горадзе і паблізу яго буйных прамысловых прадпрыемстваў. Аднак сучасны яе стан сфарміраваўся пад уплывам падзей, што адбываліся ў савецкі час і ў перыяд самастойнага развіцця Рэспублікі Беларусь. Многія старыя назвы вуліц былі заменены новымі. З назваў дакастрычніцкага часу (да 1917 г.) засталася толькі адна – *Нагорная*. У савецкі час назвы вуліцам даваліся пераважна ў гонар вядомых военачальнікаў, герояў грамадзянскай і Вялікай Айчыннай войнаў, палітычных дзеячаў, пісьменнікаў, герояў мірнага часу, некаторыя гадонімы рэпрэзэнтуюць сімвалы савецкай эпохі, указваюць на прыкметныя аб'екты, род дзейнасці людзей; асаблівасці мясцовага ландшафту і прыродных з'яў; звязаны з найменнямі людзей па прафесіі, роду заняткаў або утвораны ад назваў айканімічных адзінак, ваенных супольнасцей. Асобныя з гадонімаў сведчаць аб значных гістарычных падзеях, якія адбыліся ў краіне і ў горадзе.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Мезенка, Г. М. Асновы семантычнай класіфікацыі урбанонімаў / Г. М. Мезенка // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. – 1990. – № 3. – С. 109–115.
2. Мезенка, Г. М. Гісторыя фарміравання структурна-граматычных тыпаў урбанонімаў Беларусі / Г. М. Мезенка // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 1990. – № 1. – С. 29–33.
3. Мезенка, Г. М. Статус урбаноніма ў тапаніміі і анамастыцы / Г. М. Мезенка // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. – 1991. – № 2. – С. 119–123.
4. Мезенко, А. Состояние и перспективы развития ономастики Беларуси = State and Prospects of the Byelorussian Onomastics / Анна Мезенко // Acta onomastica. 1998: rocnik XXXIX. – Praha, 1999 – S. 27–46.
5. Бобр, А. Г. Мой Мозырь : ист. очерк / А. Г. Бобр. – Минск : ФОРТ, 1996. – 162 с.
6. Шпилевский, П. Путешествие по Полесью и белорусскому краю / П. Шпилевский. – Минск : Беларусь, 2004. – 250 с.
7. Крукоўскі, А. Горад Мазырь і яго наваколле / А. Крукоўскі // Наш край. – 1927. – № 3. – С. 17–26.
8. Рогалеў, А. Ф. Ля вытокаў назвы Мазырь / А. Ф. Рогалеў // Сцежкі ў даўніну: Геаграфічныя назвы Беларускага Палесся / А. Ф. Рогалеў. – Мінск : Польша, 1992. – С. 32–36.
9. Герасімаў, В. М. Мазырь – цэнтр Палесся / В. М. Герасімаў // Польша. – 2005. – № 9. – С. 149–163.

10. Иванова, А. А. Микротопонимия Мозырского Полесья / А. А. Иванова ; М-во образования Респ. Беларусь, Учреждение образования «Мозыр. гос. пед. ун-т». – Мозырь, 2003. – 219 с.

11. Копач, М. А. Деревни и люди Мозырщины: Историко-документальная хроника Мозырского района, всех сельских советов и населённых пунктов региона (деревень, посёлков и хуторов) / М. А. Копач. – Мозырь, 2001. – 152 с.

12. Лякин, В. Мозырь в 1812 году: историческая хроника / В. Лякин. – Минск, 2005. – 210 с.

13. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Мазыра і Мазырскага раёна / М. А. Капач, В. Р. Феранц. – Мінск : Маст. літ., 1997. – 574 с.

14. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 338. Оп. 1. Д. 1. Л. 67.

15. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 463. Оп. 3. Д. 9. Л. 99.

16. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 2. Д. 9. Л. 40.

17. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 4. Д. 27. Л. 352.

18. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 4. Д. 36. Л. 426.

19. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 4. Д. 37. Л. 32, 436.

20. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 4. Д. 47. Л. 350.

21. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 4. Д. 46. Л. 90, 444.

22. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 4. Д. 46. Л. 207.

23. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 4. Д. 56. Л. 206.

24. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 4. Д. 57. Л. 319.

25. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 6. Д. 5. Л. 317.

26. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 6. Д. 6. Л. 65, 308, 425.

27. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 6. Д. 21, 22. Л. 26, 216, 320, 521.

28. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 6. Д. 34. Л. 284.

29. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 7. Д. 8. Л. 11.

30. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 7. Д. 9. Л. 739.

31. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 7. Д. 20. Л. 528, 743.

32. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 7. Д. 21. Л. 649.

33. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 7. Д. 46. Л. 493.

34. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 7. Д. 75. Л. 177.

35. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 7. Д. 209. Л. 50.

36. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 7. Д. 258. Л. 20.

37. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 7. Д. 612. Л. 115, 116.

38. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 7. Д. 668. Л. 197.

39. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 7. Д. 685. Л. 194, 195.

40. Зональный государственный архив г. Мозыря. – Ф. 172. Оп. 7. Д. 641. Л. 132.

41. О наименовании улиц города Мозыря [Электронный ресурс] : решение Мозыр. районного Совета депутатов, 7 сент. 2011 г., № 91 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2011. – 9/43982.

42. Кулик, Д. Новые улицы на карте Мозыря / Д. Кулик // Жыццё Палесся. – 2014. – 16 авг. – С. 6.

Пастуніў у рэдакцыю 29.10.2021

E-mail: tane4ka_1996@bk.ru

T. A. Kakhno

FORMATION OF MOZYR GADONYMY

The article discusses the formation of the letnyms of Mozyr. As the analysis shows, the development of gadonymy occurred unevenly due to various historical events, construction projects, the construction of enterprises, the inclusion of villages in the infrastructure of the city. The main reason for the expansion of the city and the appearance of new linear facilities was the construction of large enterprises where it was necessary to hire qualified workers and provide them with housing. The modern system of gadonymy of the city of Mozyr includes 198 units. The streets which were named after the events of the Great October Revolution of 1917 were replaced with the new ones, with the exception of Nagornaya Street. In Soviet times, street names were given mainly in honor of famous military leaders, heroes of the Civil and Great Patriotic Wars, politicians, writers, etc.

Keywords: street, gadonymy, lane, linear object, renaming.

УДК 811.161.1'373.612.2

Т. П. Лихач

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и МПИЯ,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА УНЫНИЯ В РЕЛИГИОЗНОМ СОЗНАНИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В СИТУАЦИИ ДИГЛОССИИ

В статье моделируется идейно-образная структура лингвокультуры «уныние» как компонента философско-религиозной картины мира православного экзегета посредством установления и анализа переводческих соответствий «περιεργίας» / «оуныніе» / «уныние», включая их образно-символические наименования; раскрываются ядерные и периферийные признаки слова-понятия «уныние» на основе анализа его дефиниций и ассоциатов, а также дискурс-анализа «богодуховенных» текстов, в частности, редакций великопостной молитвы Ефрема Сирина на старославянском, русском, белорусском и украинском языках.

Ключевые слова: лингвокультура, концептуальная лексика, религиозный дискурс, византийское православие, экзегетика, патристика, диглоссия.

Введение

Мультилингвизм и интертекстуальность современного пространства коммуникации, а также всевозрастающий интерес в разных культурах к духовному росту личности и самосозиданию открывают возможности ознакомления с текстами религиозного содержания, обусловленными как национальными архетипами, так и «духом» религии. При экстенсивном прочтении таких текстов на исходном и/или переводном языках в поле зрения попадает меж- и внутрикультурный диалог смыслов, перегласовка культурных сем. Их интерпретация в процессе чтения становится способом освоения концептуальной лексики «на злобу» эпохи.

Одним из ярчайших примеров концептуальной лексики является лингвокультура *оуныніе* / *уныние*, проецируемая на все сферы жизнедеятельности индивида и общества, но отличающаяся особенной мозаичностью смыслов (логосов) в различных коммуникативных системах, что может приводить к подмене понятий. Наиболее рельефно это проявляется в ситуации диглоссии, когда в языковом пространстве личности активно используются два языка, ориентированные на разные контексты, дискурсы и функционально дополняющие друг друга.

В настоящее время в силу активного включения духовенства Русской Православной Церкви в диалог с мирянами старославянский язык расширяет сферы своего употребления, приводя зачастую к смешению межязыковых омонимов носителями русского языка и, как следствие, искаженному восприятию текста. Однако при параллельном чтении разноязычных религиозных текстов закладываются духовные основы соизучения языков и культур, формируются культура интерпретаторской деятельности и языковая готовность к осмысленной молитве.

Настоящая статья продиктована необходимостью сопоставления фрагментов языковых картин мира, представленных в сознании носителей некоторых славянских языков, с целью прояснить семантику межязыковых омонимов и скрытые в них концептуальные смыслы: ст.-слав. *оуныніе* и русск. *уныние*, включая их переводческие соответствия (аналоги). Данная цель конкретизируется в следующих задачах:

1) определить семантические компоненты лингвокультуры *оуныніе* / *уныние*, являющиеся, с одной стороны, частью индивидуально-авторской религиозно-философской терминосистемы «Святых Отцов», а с другой – частью русской религиозной картины мира православного христианина, посредством референции обозначающих ее единиц к тексту;

2) выявить семы, необходимые для моделирования в сознании представителя восточнославянской языковой культуры ментального и чувственного образов уныния (как идеологемы и аксиологемы) в соответствии с тремя ипостасями человека: дух – душа – плоть.

Методы и методология исследования

Поставленные задачи решаются нами в русле междисциплинарных исследований в рамках «лингвистика – культурология – патристика – герменевтика». Материалом исследования послужили

тексты, относительно которых считается, что они составлены благодаря особому вмешательству свыше – посредством Божественной благодати Святого Духа, так называемые «богодуховенные» тексты, на церковнославянском, восточнославянских и греческом языках. В качестве основных методов исследования использованы структурно-семантический и этимологический анализ концептуальной лексики, дискурсивный анализ для сопоставления лингвистической и экстралингвистической сторон межъязыковой омонимии, сравнительно-сопоставительный анализ-интерпретация переводческих соответствий. Анализ лингвокультурного концепта «уныние» выполнен в идейно-образном ключе, что обеспечивает его более глубокое понимание носителем русского языка и функциональным пользователем старославянского (церковнославянского) языка в контексте «молитвенного делания».

Результаты исследования и их обсуждение

Уныние относится к семи (к восьми, если его противопоставлять печали) смертным грехам, «плодами» которых являются крушение духа, угасание и погибель души. Это порок как отдельного человека, так и всей культуры, приводящий к деструктивизации нравственных ориентаций.

Уныние в толковании «Святых Отцов» и клириков, осуществляющих катехизаторскую деятельность, – это и проблема духа, и душевная болезнь (упадок духа, рассеивание ума, разорение и охлаждение души), которой человек подвергает себя, попав в неприятную ситуацию. Для современного человека уныние тесно связано с разочарованием в тварном мире, желанием выхода из его реальности, не способной удовлетворить личные притязания, и происходит оно из самомнения и завышенных требований к себе, избытка времени и информации. Для атеиста унылое состояние нерационально, ибо парализует волю и разум в решении житейских проблем, для верующего – губительно «для живота вечного», для инока – «всепоражающая смерть» [1].

В культурном пространстве современного носителя русского языка *уныние* отождествляется с мрачным состоянием, безнадежной тоской, гнетущей скукой. Когнитивная память слова *уныние* проступает как в его ассоциатах: *нытье, разочарование, плач, дух, боль, упадок, одиночество, хандра, депрессия* и др., так и в тропеичных сочетаниях: *печать уныния, в пучину / бездну уныния; глубокое, полное, большое, беспросветное; повергнуть в уныние, наводить уныние, вгонять в уныние, погрузиться в уныние, пребывать в унынии*, указывающих на протяженность и тупиковость крайней степени тоски / печали. Святитель Иоанн Златоуст описывает уныние метафорически: как *сор / ночь / болото уныния, облако скорби, густое и мрачное облако / свирепеющее море уныния, тяжкое мучение души* [2]. Уныние, возникающее в том числе и от требования к себе «чрезмерных и тяжелых удовлетворений», он противопоставляет «чистому и постоянному покою», «полной / большой и постоянной радости», источник которой – в разуме: «кто не поступает несправедливо с собой, тому не в силах будет повредить никто другой» [2].

Православный христианин отождествляет *уныние* со «скверной духа», «души немощию» [3, с. 49], коим есть питающий источник (*дух уныния, бес уныния, страсть уныния*), затуманивающий «очеса мысленные». «Святые Отцы» объясняют состояние уныния более расширенно и глобально, с учетом пережитого ими православно-аскетического опыта, называют первопричины данного состояния и сопутствующие ему страсти.

Так, в дневниках «Козни врагов наших сокруши...» Никона Рождественского, «Лествице» Иоанна Лествичника раскрываются второслойные признаки понятийного элемента слова *уныние*: «дремота, омертвление души, нечувственность сердца, как бы духовный паралич», «апатия духа», разленивание / расслабление, рассеянность / изнеможение ума («в безвременных зеваниях похищает стихи из уст»), вялость («отягощает тело», «погружает в сон»), безразличие, небрежение, малодушие («будучи само малодушно, внушает утешать малодушных») [1], отчаяние в деле спасения из-за маловерия [4]. В толковании Иоанна Лествичника *уныние* антропоморфно: Оно раскидывает сети для лукавого уловления человецев, заставляя их действовать с позиции конформизма: «ублажатель мирских, оболгатель Бога, будто Он немилосерд и нечеловеколюбив; в псалмопении оно слабо, в молитве немощно, в телесном же служении крепко как железо, в рукоделии безленостно, в послушании лицемерно» [1]. Иоанн Златоуст уподобляет уныние «смертносному червю, касающемуся плоти и души; моли, поедающей кости и разум; палачу, разрушающему силу души; беспросветному мраку, урагану, тайному жару, сжигающему сильнее всякого пламени, войне без перемирия, болезни, затемняющей многое из воспринимаемого зрением» [2].

Таким образом, семантический объем лингвокультуремы *оуныніе / уныние* в философско-религиозной картине мира православного экзегета существенно расширяется: к значению

«подавленность, тоска», зафиксированному «Старославянским словарем (по рукописям X–XI вв.)» [5, с. 741], приращиваются смыслы, которые определяют духовное бытие: «разленение», «умопомрачение» / «мрак», «рассеяние», «небрежение», «безразличие», «маловерие», «малодушие», «нерадение», «бессилие», «болезнь» / «иго», «индолентность», «омертвление», «смерть». Частично эти семантические компоненты переданы прил. *оуныль*: «малодушный; слабовольный, вялый, равнодушный» [5, с. 741]. Высказывается также предположение, что праславянский корень *nyti* соотносится с корнем *navь*, а «др.-русск. и ст.-слав. *navь* имеют значение «мертвый».

В обыденной же языковой картине мира русской языковой личности понятия *уныние* и *смерть* вряд ли тесно сопряжены. Иначе говоря, признак «смерть» не является здесь актуальным: если человек печалится (ср. с *печется*: от праслав. *pekti (se) в значении «заботиться», «беспокоиться»), скорбит, унывает, душа его не мертва, к тому же скорби, по словам Симеона Псково-Печерского, есть «удел спасающихся последнего времени» [6]. В восточнославянских языках актуальными смыслами понятия «уныние» являются «печаль», «тоска», «хандра». Сравним с бел. «маркота», «смутак», «засмучэнне», «самота», «сум», «журба», «нуда», «нудота», «туга»; с укр. «смуток», «туга», «журба», «жура», «нудьга», «нудь». Языковое сознание восточнославянских народов, тем не менее, предполагает временный характер такого вида отягчения души (ср. с др.-русск. *ныти* → *уныти* → *уныние*): в уныние можно *впасть*, но можно его и *развезти*, *преодолеть*.

С. Колибаба, принимая во внимание, что слова *ныть*, *унывать*, *уныние* «сформировались в России примерно в XII–XIV вв. в результате осмысления и перевода библейских тестов», предлагает искать библейский образ слова-понятия *уныние* [7]. В корне *-ны-* он видит перегласовку с корнем иврита (*анан*, *ана*), означающим «сетовать», «жаловаться», «плакать». Объединяющим началом, заложенным в общеслав. корне *-ны-*, являются значения «издавать надоедливые протяжные звуки», «томиться». Если русский глагол *ныть*, как белорусский *ныць* и украинский *нити*, уже по семантическому объему (= перен. «надоеливо жаловаться на что-либо; плакаться» в русском языке, «надакучлива скардізціца на што-н.» в белорусском языке, «набридливо скаржитись на кого-, що-небудь» в украинском языке), то семантика ст.-слав. *оуныти* гораздо шире и, более того, связана с семантикой смерти.

Памятники письменности X–XI вв. фиксируют следующее значение анализируемого слова – «пасть духом, впасть в уныние» [5, с. 741]; поздние рукописи включают такие значения, как «приуныть, стихнуть, смолкнуть»; «поблекнуть, завянуть, поникнуть». В Псалтири слово *оуныние* / *уныние* актуализирует смыслы, которые можно толковать в контексте угасания, затухания, упадка: «*И уны во мне дух мой, во мне смятѣся сердце мое*» (Псалом 142). Даже ст.-слав. *оунываю* выражает значение «ослабеваю, дремлю, нахожусь в пагубном состоянии». Что это, если не предвестники умирания? Уныние – не скука (прп. Серафим Саровский) и не смерть; оно тягостнее смерти. В то же время памятование о смерти есть бич уныния, а терпение сей скорби подвижником – «высшая степень добродетели», «тщательнейшее напряжение мудрости» [2].

Причинами уныния как смерти души являются биполярные состояния, которые приводят к угнетению и умерщвлению духа: праздность и безмолвие, с одной стороны, а с другой – многопечение. Иоанн Лествичник среди причин уныния называет «бесчувствие души», «забвение небесных благ» (иногда), «чрезмерность трудов» (иногда) [1], Симеон Новый Богослов – гневные помыслы, не нашедшие отмщения. Но главная причина уныния в православно-аскетическом понимании сводится к неверию (или недостаточной вере) и душевной слабости [8].

Грех уныния особо тяжкий, поэтому неудивительно, что «покаянные» страницы великопостных богослужений в византийской традиции открывает молитва прп. Ефрема Сирина (IV в.), где представлено следующее прошение: «*духъ праздности, оуныніа, любоначаліа и празднословіа не даждь ми*». Заметим, что исторически оформились два варианта молитвы – греческий и славянский; известны разные ее редакции на старославянском и других языках. Но всеми ли молящимися этой молитвой (ее никоновской версией 1656 г.) актуализируется то прошение, которое закодировано в ней изначально?

Словесное наполнение и, следовательно, коммуникативное назначение данного фрагмента молитвы варьировалось в разные исторические периоды в зависимости от предпочтений и статуса просящего. Изменялись состав, обозначение и порядок следования ключевых страстей, в том числе и страсти уныния. Так, в более ранних версиях молитвы дониконовской эпохи (до церковного раскола на Руси в сер. XVII в.) представлен следующий ряд прошений: «*духъ оуныніа, небреженіа, сребролюбіа и празднословіа ѿжени ѿ мене*». Данной версии придерживались старообрядцы: будучи хозяйственниками и меценатами, дух сребролюбия и небрежения считали уловляющим. В Киевской

версии (1639 г.) *сребролюбїа* заменяется на *любоначалїа*: «духъ *оунынїа*, небреженїа, любоначалїа и празднословїа ѿжени ѿ мене», но открывает ряд прошений «духъ оунынїа».

Архимандрит Ефрем (Лэш) в старославянском (духъ) *оунынїа* видит соответствие греческому *ἀκηδία*, что означает «беззаботность, беспечность, пренебрежение к себе», архимандрит Савва Мажуко, наш современник, – развитую и запущенную лень, при этом он четко разводит понятия *оунынїе* и *уныние*: «В славянском “унынии” акцент делается на бездельи и беспорядке в жизни», а в русском – «на том, что является скорее следствием “жизни не по порядку”» [9, с. 235, 236].

С 1656 года на божественной литургии используется никоновская версия молитвы Ефрема Сирина, в целом соответствующая греческому оригиналу «*πνεῦμα ἀργίας, περιεργίας, φιλαρχίας και ἀργολογίας μὴ μοι δῶς*», где *αργία* означает «бездействие, бездеятельность»; «безделье, праздность», *φιλαρχία* – «властолюбие», *ἀργολογία* – «праздный разговор», «пустословие», а *περιεργία* – «многоделание», «многозадачность», «любопытство / вмешательство». Сравним однокоренные с *περιεργία* слова: *περιεργάζομαι* – лезть (вмешиваться) в чужие дела; *περιεργος*, οὐ – 1. прил. любопытствующий, лезущий в чужие дела [10, с. 165]. В практике старообрядцев использовался вариант «духъ праздности, многоделания, любоначалїа и празднословїа не даждь ми», где выделенное слово соответствует *περιεργία*.

В «Слове 13. Об унынии и ленисти» уныние поставлено в цепи страстей как одно из «первых исчадий *многословїа*», азыкоболїа, а *чрезмерность трудов* – как одна из его «родительниц» [1]. Как видим, страсти выстраиваются в варьируемый контекстный ряд из наиболее злободневных преткновений в духовной борьбе человека.

Прослеживая соотносительность позиций четырех слов (наименований страстей) в параллельных греческом и старославянских текстах молитвы, не ясно, почему на месте «активного» *περιεργία* появляется несоответствующее ему ст.-слав. «пассивное» *оунынїе*, к тому же перекликающееся по семантике с предшествующим (в никоновской редакции молитвы) словом *праздность* (= «леность, беспечность»), ведь ст.-слав. *оунынїе* означает не только «удрученное состояние, печаль», но и «беспечность и бездействие в деле спасения». Слово *περιεργία*, семантизируемое как «излишний труд», «праздное любопытство», «многопопечение», называет одну из причин *оунынїа* (отвлекает ум христианина от «духовного делания»). Заметим, что фрагмент молитвы на русский и украинский языки переведен именно в соответствии с указанным значением: «Не дай мне склонности к лени, к *беспечности*, к властолюбию и пустословию»; «дух млявости, *недбайливости*, владолюбства и пустослівїа віджени від мене», в отличие от перевода на белорусский язык: «духа лєнасьцї, *нуды*, удадалюбства і марнаслоўя ня дай мне».

Таким образом, несмотря на преобразование молитвы Ефрема Сирина в никоновской редакции по образцу греческой версии, вряд ли можно говорить об их полной идентичности. Тексты молитвы на древнегреческом и старославянском языках содержат слова, которые характеризуют лингвокультуре *оунынїе* в противопоставляемых ментальных категориях *гиперактивности / пассивности*. В патристике слово *оунынїе* коррелирует с *περιεργία* (περι + ергία = много действий), но не соответствует ему.

По причине многокомпонентности культурно-семантического состава слова-понятия *оунынїе* в религиозной картине мира «посвященного» христианина возникает когнитивный диссонанс: от какого *уныния* просим избавить («русского», «славянского», а может, «греческого»?).

Исходя из рассмотренных семантических корреляций и оппозиций, очевидно, что лингвокультуре *оунынїе* / *уныние* весьма многолика по порождаемым ею логосам и образам, являя собой способ кодирования всей гаммы «сопротивных чувств», томящих человека от начала до окончания века. Воплощаются эти чувства более всего не в русском слове-образе *уныние* и даже не в греческом *περιεργία*, а в старославянском *оунынїе*, именующем страсть аротлѣнную, т. е. вредную, пагубную вкупе для души и тела в силу того, что сам человек не печется о своем спасении. «Русское» уныние – плод злключения, или томления духа в абсолютной автономии, отстраненности от божественного путеводительства. Орудием борьбы с этой страстью является самоуглубление и оуцѣломудренїе – обретение здравомыслия, воздержанности, трезвенности, упорядоченности в образе жизни, духовные упражнения в терпении, доверие Богу.

Поскольку страсть уныния непреходящая и требует всё большего осмысления от поколения к поколению, необходим поиск доступных способов разъяснения ее глубинных смыслов. Определенные черты демократизации сакральных текстов мы находим в «Великопостных письмах» архимандрита Саввы Мажуко, в дневниках и письмах пастырей своим духовным чадам, в выступлениях современных миссионеров.

Например, архимандрит Савва Мажуко пишет: «Если бы мы захотели точнее перевести этот термин на современный русский язык, лучше всего подошли бы глаголы “лениться” или молодежное “тупить”»; «если вы “тупите” на работе, скитаясь между кофейным аппаратом и пасьянсом, вы погрузились в уныние»; «если вы просыпаетесь не вовремя, едите на ходу, никогда ничего не успеваете, скорее всего, у вас уныние, то есть жизнь бестолковая и неупорядоченная» [9, с. 238]. Однако и сам молящийся христианин должен искать ускользающие смыслы.

Заклучение

Лингвокультурема *оуныніе* / *уныние* представляет собой многослойную идейно-образную структуру, конденсирующую смыслы от лежащих на поверхности до сокрытых пластами святоотечественных толкований. Именно глубинные смыслы обращают нас к реалиям, являющимся атрибутами унылого состояния с их причинно-следственными связями.

Религиозно-философская терминосистема, отражающая духовное сознание и опыт «Святых Отцов», позволяет определить весь спектр признаков оуныніа как безотчетно-мучительного и пагубного состояния во всем «духовно-душевно-плотном теле» человека. Ядерные признаки данного слова-понятия реализуются с помощью двух смысловых групп: 1) «(безысходная) печаль, подавленность, угасание» и 2) «беспечность, безрассудство, нерадение в деле спасения». Репрезентантами 1-й группы (сопрягаемыми понятиями) являются: *томление* / *нытье*, *нечаяние* / *безнадежность* / *отчаяние*, *маловерие* / *неверие*, *бессилие* / *безволие*, *малодушие*, *затихание* / *упадок* / *омертвление* / *паралич* / *смерть*; 2-й – (духовная) *лень* / *дремота*, *умопомрачение* / *смятение ума* / *неблагодарность*, *безучастность* / *равнодушие*, *небрежение*, *суетливость* / *беспорядочность*.

Если в обыденном языковом сознании носителей восточнославянских языков актуализируется некое усредненное значение слов *уныние* / *туга* («депрессия», «подавленность, апатия»), святоотеческая интерпретация концепта *оуныніе* предлагает совокупность полиреферентных прямых и переносных номинаций, из которых можно выстроить его ментальный и чувственный образ, охватывающий ипостаси троичности человека.

«Святые Отцы» описывают уныние более в виде чувственного образа, нежели ментального, основываясь на личном духовном опыте. И хотя этот образ соотносится с православной религиозной идеологией, он открыт для интерпретаций. Основываясь на учениях «Святых Отцов» [11], ментальный образ духа уныния можно представить повреждающим **три силы духа человеческого**: *веру* (выражается в сомнении, маловерии, малодушии), *надежду* (претворяется в разочарование, сетование, хандру, отчаяние), *любовь* (нисходит с олимпа самолюбия в пропасть самоуничижения, увенчиваясь пренебрежением ближним); **три силы души**: *память*, *разум*, *волю* (проявляет себя в забывти – самозабвении и забвении небесных даров, в беспечном парении ума, суетности мыслей, умопомрачении, лицемерии, духовном разленении, параличе-апатии, неупорядоченности жизни); **три силы плоти**: *вижу*, *осязую*, *чувствую*, влагаемых в «сердце человеческое» (вызывает духовную слепоту, теплохладность и окаменелость-бесчувствие, индолентность). Под «плотным» взором омрачаются силы и души, и духа, приводя к омертвлению души, смерти духовной, физическому истощению.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе, с алфавитным указателем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Joann_Lestvichnik/lestvitsa-ili-skrizhali-dukhovnye/18. – Дата доступа: 27.09.2021.
2. Святитель Иоанн Златоуст. Письма диакониссе Олимпиаде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1941#part_24532. – Дата доступа: 11.07.2021.
3. Молитвослов православного христианина с правилом ко святому Причащению. – М. : Православный Приход храма Святого Духа сошествия на Лазаревском кладбище г. Москвы РПЦ (Издательство Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского), 2011. – 96 с.
4. Рождественский, Н. «Козни врагов наших сокруши ...»: Дневники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Nikon_Rozhdestvenskij/kozni-vragov-nashih-sokrushi/. – Дата доступа: 12.07.2021.
5. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): Ок. 10000 сл. / ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. – М. : Рус. яз., 1994. – 842 с.

6. Год со старцами Псково-Печерского монастыря / сост. иеродиак. Никон (Париманчук). – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2011. – 384 с.

7. Колибаба, С. Ныть, унывать, уныние – этимология [Электронный ресурс] / С. Колибаба. – Режим доступа: <https://proza.ru/2016/07/22/1623>. – Дата доступа: 17.09.2021.

8. Алексеев, А. В. Лексическое выражение концептов *печаль* и *уныние* (в православно-аскетическом понимании) в русском языке XI–XVII в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=425. – Дата доступа: 16.10.2021.

9. Мажуко, С. Неизбежность Пасхи. Великопостные письма / С. Мажуко. – М. : Никея, Православие и мир, 2018. – 336 с.

10. Греческо-русский словарь Нового Завета : перевод Краткого греческо-английского словаря Нового Завета Баркли М. Ньюмана / [рус. пер. и ред. В. Н. Кузнецовой при участии Е. Б. Смагиной и И. С. Козырева]. – М. : Российское Библейское о-во, 2021. – 240 с.

11. Тайна троичности человека (из книги «Записки Н. А. Мотовилова») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tainadivevo.ru/taina-troichnosti-cheloveka-motovilov>. – Дата доступа: 31.07.2020.

Поступила в редакцию 16.12.2021

E-mail: antarub@mail.ru

T. P. Likhach

CONCEPTUALIZATION OF THE IMAGE OF *DESPONDENCY* IN THE EASTERN SLAVS' RELIGIOUS CONSCIOUSNESS IN A DIGLOSSIA SITUATION

The article is aimed at modelling the conceptual structure of "уныние" notion as a cultural phenomenon from ideological and linguistic perspectives. It interprets "уныние" as a component of the philosophical and religious picture of the world in Eastern Orthodox traditions through semantic analysis of the corresponding words "περιεργίαι" / "оуныніе" / "уныние" and their symbolic expressions. The article reveals the core and peripheral features of the notion "уныние" defined in dictionaries and the works of the "Holy Fathers", mainly on the example of Ephrem the Syrian Lenten Prayer in its Old Slavonic, Russian, Belarusian and Ukrainian versions.

Keywords: linguaculturema, conceptual vocabulary, religious discourse, Byzantine Orthodoxy, exegetics, patristics, diglossia.

УДК 811.161.1'373.21(043)

О. А. Лукина

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
УО «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
г. Могилев, Республика Беларусь

ЭККЛЕЗИОНИМИКА КАК ОСОБОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОНОМАСТИКИ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье представлен опыт исследования современного состояния науки об именах собственных культовых сооружений – экклезионимике. Анализируются работы ономастологов, в которых изучаются экклезионимы различных населенных пунктов России, Беларуси, Украины, Китая. Выявлены проблемы, стоящие перед учеными при исследовании ими названий мест совершения обряда разных религий и конфессий. Намечены перспективные направления развития экклезионимики как науки о наименованиях религиозных объектов.

Ключевые слова: ономастика; экклезионимика; экклезионим; имя собственное; место совершения обряда.

Введение

Экклезионимика как особое направление ономастики получила свое развитие в начале 1990-х гг. Исторически это связано с распадом Советского Союза и возвращением общества к религиозным ценностям, что в языковом плане привело к фокусированию внимания на таком элементе урбанонимии, как экклезионим: это «собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе церкви, часовни, креста, монастыря» [1, с. 149].

Цель статьи – выявить проблемное поле экклезионимики как особой ономастической науки через анализ современных исследований названий культовых сооружений и наметить перспективы ее развития.

Методы и методология исследования

В статье использованы как общие научные методы, так и методы ономастических исследований, в частности, наблюдение, анализ и синтез, описательный метод, элементы сравнительно-сопоставительного метода.

Результаты исследования и их обсуждение

XXI век – время появления работ ученых-ономастологов, посвященных исследованию экклезионимов. Одной из первых таких работ является «Названия московских храмов», – книга Е. Ю. Бурак, Т. Ф. Сапроновой, Г. П. Смолицкой [2].

В 2008 г. Е. П. Ариной защищена диссертация, в которой рассматриваются русские православные экклезионимы в типологическом аспекте. В данной работе систематизирован и проанализирован фактический материал (православные экклезионимы и образованные от них топонимы) с позиций культурно-исторического и типологического подходов; выявлены основные семантические особенности экклезионимов; произведен анализ структуры названий культовых сооружений, определено место экклезионимов в общей ономастической системе русского языка; установлены особенности функционирования наименований мест совершения обряда в языке и речи; проведен сопоставительный анализ русских и иноязычных экклезионимов с целью выявления специфики русских именовании на фоне названий, используемых в других языках и культурах [3]. Диссертация Е. П. Ариной стала первой большой работой по экклезионимике, по охвату материала и теоретической осмысленности претендующей на статус своего рода учебника по науке о православных названиях мест совершения обряда.

Ономастическая лексика, связанная с православием, активно анализируется в работах И. В. Бугаевой. Ученым рассмотрены такие вопросы, как религиозная коммуникация, отражение ментальности в географических названиях, структура сакрального ономастикона, обозначения святости в ономастическом пространстве русского языка [4] и др.

Историко-лингвистическому анализу проприальных единиц, номинирующих православные культовые сооружения, и их художественной характеристике в творчестве А. С. Пушкина посвящена работа Л. Н. Гуковой и Л. Ф. Фоминой «Индивидуально-авторская характеристика экклезионимов в творчестве А. С. Пушкина». Целью данной статьи стало выявление авторского, личностного отношения и восприятия указанных объектов через рассмотрение характеризующих определений как средства создания художественного эффекта [5].

Исследованию экклезионимов в летописях посвящена статья украинского ученого Е. С. Синенко «О наименовании церквей в летописях XII–XVII веков». Как отмечено в работе, для обозначения церквей в летописях используются отагионимные, отхрононимные, отартионимные, отапельлятивные и оттопонимные экклезионимы. Все указанные виды онимов имеют свои структурные и морфолого-синтаксические особенности [6].

Изучению названий культовых сооружений Беларуси посвящен ряд работ О. А. Лукиной (Борисевич): установлен комплекс признаков, отличающих экклезионимы как отдельный вид урбанонимов / виконимов от других разрядов онимов; определены структурные особенности экклезионимов разной конфессиональной принадлежности; выявлены доминирующие принципы номинации для католических, греко-католических, старообрядческих, протестантских, иудаистских, мусульманских культовых сооружений Беларуси; определены особенности экклезионимов Беларуси, обусловленные их географическим расположением; установлены лингвокультурологические особенности экклезионимов Беларуси [7]–[9].

Современные работы (русских, белорусских, украинских, китайских авторов) по экклезионимике можно разделить на пять групп по рассматриваемой в них тематике.

1. Исследования, посвященные теоретическим аспектам изучения экклезионимики: уточнению статуса экклезионима, его места в ономастическом поле, особенностей названий объектов религиозного назначения, методики их изучения.

Наименования религиозных объектов, получившие терминологическое определение *экклезионимы*, представляют собой специфический вид онимов с поликомпонентной структурой, характеризующихся вариативностью оформления, наличием религиозной лексики в их составе, особой стилистической окрашенностью, своими принципами номинации. Их своеобразию посвящены работы Лукиной О. А. [10], Синенко Е. С., Калинин В. М. [11], Клименко Н. М. [12] и др.

Учеными-ономатолами показаны различные подходы к изучению экклезионимов: структурный, семантический, лингвокультурологический, лингвогеографический; разработана методика анализа имен собственных религиозных объектов [13]. Исследованы разные виды орфографического оформления экклезионимов Беларуси; выявлены причины данного явления; представлена авторская интерпретация написания наименований культовых объектов [14].

В современной ономастике существует ряд работ, в которых рассмотрены экклезионимы в этнолингвистическом [15], лингвострановедческом и лингвокультурологическом [7] аспектах.

2. Исследования, посвященные литературной экклезионимике.

Употребление названий культовых сооружений в художественном произведении – новый аспект изучения экклезионимики. На материале романа «Лето Господне» и повести «Богомолье» И. С. Шмелева анализируются онимы этого разряда. Экклезионимы в произведениях И. С. Шмелева не только служат для обозначения места, где разворачиваются события, но и придают тексту ярко выраженную православную эстетику [16].

А. С. Давыдкиной изучены наименования монастырей в посланиях Ивана Грозного [17], М. В. Пидченко – экклезионимы в текстах православных средств массовой информации [18], Ю. В. Кореновой – названия храмов и монастырей в житийной литературе [19], И. В. Бугаевой – сакральная ономастика в поэзии Анны Ахматовой [20].

3. Исследования, посвященные анализу экклезионимов какого-либо населенного пункта.

Ономатологом О. А. Лукиной рассмотрены названия православных монастырей Беларуси (35 единиц). В своем анализе автор использует структурно-семантический метод, изложенный в работах по урбанонимике и экклезионимике А. М. Мезенко, Е. П. Ариной, О. А. Лукиной (Борисевич) [21].

Наименования монастырей Москвы представляют интерес с позиций современной и исторической топонимики. Монастырские экклезионимы структурно образованы по двум основным моделям, в основе которых лежит указание на семантическую мотивацию названия по главному престолу соборного храма. Сами названия монастырей являются семантическими мотиваторами

появления других названий внутригородских объектов по пути трансонимизации, что отражается на карте города [22].

Т. В. Шмелевой охарактеризованы названия православных монастырей Великого Новгорода и его ближайших окрестностей в отношении их мотивированности; исследователем показано, что церковные наименования монастырей отличаются от их версий, бытующих в речи новгородцев: последние всегда однословны, тогда как церковные преимущественно многословны. В плане ономастического потенциала названия монастырей Великого Новгорода рассмотрены в трех группах в зависимости от расположения монастырей в городском пространстве; подчеркнуто, что ономастический потенциал названий новгородских монастырей реализован не только в прошлом, от них образуются имена новых городских объектов – *Деревяницкий мост, микрорайон Аркажи, кафе и гостиница «Антоново»* [23].

Т. В. Шмелевой также описаны названия новгородских храмов как фрагмента городского ономастикона. Представлена их типология, основанная на противопоставлении имен, мотивированных именами святых, христианскими понятиями и эпизодами евангельской истории. Сделан вывод, что экклезионимы составляют одну из ономастических доминант ономастикона Великого Новгорода и вносят серьезный вклад в язык города, соединяя его с миром христианства. Высказана мысль о необходимости словаря имен храмов с объяснением всех входящих в него слов [24].

В статье А. Е. Данильченко рассматриваются названия храмов и монастырей Кубани в историческом аспекте. Осмыслиется категория экклезионимов как результат длительной целенаправленной историко-культурной и языковой деятельности человека, значение экклезионимов, посвященных Богородице и Святому Михаилу, для духовной жизни казачества и в культурно-топонимическом пространстве региона. Рассматриваются вопросы религиозно-культурных предпочтений населения Кубани, которые, несмотря на долгие десятилетия атеизма, коренным образом не изменились. Предпринята попытка анализа этих предпочтений в исторических субрегионах Кубани [25].

Е. А. Казниной исследуются экклезионимы города Углича с точки зрения моделей образования. Компоненты, входящие в модели названий культовых сооружений, дают возможность произвести классификацию. При анализе также были рассмотрены микроурбанонимы, образованные от полных наименований [26].

Сравнительно-сопоставительному анализу экклезионимов Беларуси и Китая посвящена работа Ван Ли. В ней автором рассматриваются особенности номинации мест совершения обряда в Беларуси и Китае, определены сходства и различия в функционировании экклезионимов, выявлены факторы, влияющие на эти процессы [27].

Исследованию подверглись также названия мест совершения обряда г. Донецка [28], г. Тамбова [29] и других населенных пунктов.

4. Исследования, посвященные изучению экклезионимов других религиозных течений (не православия).

Лукиной (Борисевич) О. А. исследованы особенности номинации протестантских культовых сооружений Беларуси. Автором проанализированы экклезионимы трех конфессий: баптизма, христиан веры евангельской и христиан полного Евангелия. Отмечается, что названия молитвенных домов образуют группы по наличию в них того или иного ключевого слова, т. е. слова или компонента проприальной части, выделяемых на основе частоты их употребления и отражающих основные понятия протестантского вероучения [7].

Немногочисленны отечественные работы, анализирующие католические, греко-католические, старообрядческие, мусульманские экклезионимы.

5. Другие исследования, например, посвященные экклезионимам как источнику информации для студентов-иностранцев [30].

Несмотря на показанное обилие работ по экклезионимике, очевидно, что существует ряд вопросов, требующих дальнейшего внимания ученых-ономатологов.

Во-первых, недостаточно изучены имена собственные культовых сооружений других, кроме православия, конфессий и религий. Современная урбанонимия и виконимия Беларуси, например, богата не только православными экклезионимами, но и католическими, старообрядческими, протестантскими и др. Первые попытки их исследования уже сделаны, однако требуется более детальное изучение наименований домов молитвы евангельских христиан-баптистов, христиан веры евангельской, костелов католиков и т. п., тем более, что данные наименования имеют свою структуру и отличные от православных принципы номинации. Например, названия культовых сооружений протестантов структурно разнятся от других христианских проприальной частью, а друг

от друга – номенклатурными терминами, представляющими собой многочленные образования (простые и сложные словосочетания), что позволяет им на языковом уровне отделить данные церковные сооружения от православных и католических.

Во-вторых, нам видится необходимым создание лингвистических словарей экклезионимов разных регионов, что решило бы проблему орфографического оформления наименований культовых сооружений, вызванную в том числе и вариативностью структуры данного вида онимов. Возьмем для примера православный храм, названный во имя святителя Николая (г. Верхнедвинск Витебской области). Вот такие варианты наименований мы находим в разных источниках: *церковь Святого Николая Чудотворца – Церковь Святого Николая Чудотворца – храм Святого Николая Чудотворца – Свято-Никольский храм – церковь святого Николая Чудотворца*. Являясь многокомпонентным образованием, название культового сооружения содержит в своем составе как имена собственные, так и нарицательную лексику. Имена собственные (в нашем случае *Николай Чудотворец*) не представляют сложностей в их написании и во всех найденных нами вариантах пишутся с прописной буквы. Разнится написание географических апеллятивов *храм* и *церковь*. В зависимости от источника информации, в котором представлен экклезионим, эти слова пишутся как с прописной, так и со строчной буквы. Прописная буква встречается в большинстве своем в религиозной периодической печати. Со временем все вариативные наименования будут нормализованы, т. е. будет выбран и кодифицирован в качестве официального один из вариантов написания.

В-третьих, экклезионимное пространство городов хорошо бы иллюстрировали карты наименований мест совершения обряда. Лингвистические карты показывают существование определенных макроареалов – значительных по площади зон, где продуктивность или степень локализации анализируемых экклезионимов примерно совпадает, причем она может быть как максимальной, так и минимальной, а также микроареалов – незначительных по охвату территории районов с высокой или низкой концентрацией единиц. На данный момент созданы карты экклезионимов разных конфессий Республики Беларусь (всего их 10).

В-четвертых, есть научная потребность в диахроническом изучении экклезионимии: можно проследить изменения в мотивированности названий; превалярование культовых объектов одних религий над другими в определенные исторические эпохи, причины этого явления и др.

В-пятых, интересным и полезным был бы сравнительно-сопоставительный анализ экклезионимов: например, православных наименований культовых объектов России и Беларуси (отдельные работы по названиям мест совершения обряда в этих странах уже упоминались). Это позволило бы выявить как общие структурно-семантические характеристики экклезионимов как особого вида онимов, так и специфические национальные особенности, зависящие от страны, культуры и менталитета народа.

В-шестых, экклезионимика как особое направление ономастики «заслуживает» своего учебника, в котором необходимо изложить теоретические основы науки и отразить весь накопленный опыт ученых-практиков.

Заключение

Таким образом, анализ доступных нам работ по экклезионимике позволяет сделать вывод, что это особое ономастическое направление со своим предметом, объектами исследования, методами, историей, проблемным полем и перспективами развития. Названия церквей, монастырей, домов молитвы, костелов продолжают привлекать внимание исследователей, так как в них находят отражение религиозная культура народа и его менталитет. Строительство храмов, часовен и монастырей сакрализует среду обитания человека, способствует созданию единого сакрального пространства, а экклезионим представляет собой своего рода лингвокультуре, кодирующую информацию о религиозных предпочтениях представителей разных конфессий, культуре народа.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; отв. ред. А. В. Суперанская ; АН СССР, Ин-т языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 187,[2] с.
2. Бурак, Е. Ю. Названия московских храмов / Е. Ю. Бурак, Т. Ф. Сапронова, Г. П. Смолицкая ; под ред. Е. Ю. Бурак. – М. : Наука, 2006. – 160 с.
3. Аринина, Е. П. Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. П. Аринина ; Самар. гос. ун-т. – Самара, 2008. – 19 с.

4. Бугаева, И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / И. В. Бугаева ; Моск. пед. гум. ун-т. – М., 2010. – 48 с.
5. Гукова, Л. Н. Экклезионимы и их характеризующие определения в творчестве А. С. Пушкина [Электронный ресурс] / Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина // Лексикографическая ономастическая история творчества А. С. Пушкина. – 2011. – Режим доступа: <http://kds.eparhia.ru/bibliot/konferencia/ligvistika/fominaiguikova>. – Дата доступа: 08.06.2021.
6. Синенко, Е. С. Структурно-семантические типы экклезионимов в Иосафовской летописи / Е. С. Синенко // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 8. – Донецк, 2002. – С. 121–130.
7. Лукина, О. А. Экклезионимное пространство Беларуси : монография / О. А. Лукина. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2014. – 110 с.
8. Лукина, О. А. Характерные черты экклезионимов Беларуси / О. А. Лукина // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2017. – № 1 (86). – С. 70–76.
9. Лукина, О. А. Экклезионимика как наука: предмет, история, перспективы развития / О. А. Лукина // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова : сб. науч. тр. – 2018. – Т. 25. – С. 143–147.
10. Лукина, О. А. Своеобразие экклезионимов как особых онимных единиц (на материале названий культовых сооружений Беларуси) / О. А. Лукина // Ономастика Поводжья : материалы XVII Междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 17–20 сент. 2019 г.) / сост., ред. В. Л. Васильев ; Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород : «ТПК «Печатный двор», 2019. – С. 443–447.
11. Синенко, Е. С. Экклезионим как особый тип имени собственного / Е. С. Синенко, В. М. Калинин // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса : материалы междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых / под общ. ред. С. В. Беспаловой. – Донецк, 2017. – С. 116–118.
12. Клименко, Н. М. К вопросу о наименовании культовых сооружений в современной ономастической системе / Н. М. Клименко // Основные направления развития научного потенциала: теория и практика : материалы шестой междунар. заочной вэб-конф. / редкол.: Митрофаненко Л. М., Лизенко И. И., Зиновьева Л. Ю. – Ставрополь, 2012. – С. 115–120.
13. Лукина, О. А. Методика изучения экклезионимов (на примере одного названия) / О. А. Лукина // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам : материалы третьей междунар. науч.-практ. конф. 5–7 нояб. 2015 г. / под ред. В. С. Артемовой. – Брянск : БГИТУ, 2015. – С. 53–55.
14. Лукина, О. А. Орфографическое оформление экклезионимов Беларуси / О. А. Лукина // Религия и общество – 14 : сб. науч. ст. / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – С. 199–201.
15. Аринина, Е. П. Экклезионимы в этнолингвистическом аспекте / Е. П. Аринина // Язык – текст – дискурс: традиции и новаторство : материалы междунар. лингв. конф. / : Федеральное агентство по образованию, Самар. гос. ун-т, Самар. науч. центр Российской академии наук ; под ред. проф. Н. А. Илюхиной. – Самара, 2009. – С. 206–209.
16. Синенко, Е. С. Экклезионимия диалогии Ивана Шмелева «Лето Господне» и «Богомолье» / Е. С. Синенко // Вестн. Донецк. нац. ун-та. Сер. Д, Филология и психология. – 2020. – № 2. – С. 112–117.
17. Давыдкина, А. С. Наименования монастырей в ономастиконе посланий Ивана Грозного / А. С. Давыдкина // XIV Крымские Международные Михайловские литературно-ономастические чтения : материалы конф. / ФГАОУ ВО «Крым. федеральный ун-т им. В. И. Вернадского», Лаборатория прикладного языкознания и медицинской лексикографии Донецк. нац. мед. ун-та им. М. Горького, Фонд гуманитарных исслед. и инициатив «Азбука» ; ред. В. М. Калинин, А. В. Петров. – Симферополь, 2021. – С. 18–23.
18. Пидченко, М. В. Экклезионимы в текстах православных СМИ (на материале журнала «Фома») / М. В. Пидченко // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Е. Н. Лагузовой. – Ярославль, 2016. – С. 297–301.
19. Коренева, Ю. В. Экклезионимы в житии преподобного старца / Ю. В. Коренева // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность : сб. науч. тр. / редкол.: Леденева В. В., Фадеева Т. М., Звукова Е. Д. – М., 2015. – С. 118–121.
20. Бугаева, И. В. Сакральная ономастика в поэзии Анны Ахматовой / И. В. Бугаева // Вопросы русской литературы. – 2015. – № 4 (34). – С. 53–59.
21. Лукина, О. А. Структурно-семантическое своеобразие наименований православных монастырей Беларуси / О. А. Лукина // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2020. – № 2 (105). – С. 112–118.

22. Коренева, Ю. В. Наименования монастырей Москвы: особенности структуры и семантики / Ю. В. Коренева // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации : сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч. конф., посвящ. памяти д. филол. н., проф. К. А. Войловой / отв. ред. О. В. Шаталова. – М., 2019. – С. 116–121.

23. Шмелева, Т. В. Названия монастырей в новгородском ономастиконе / Т. В. Шмелева // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17. – № 2. – С. 186–200.

24. Шмелева, Т. В. Имена новгородских храмов в современном ономастиконе / Т. В. Шмелева // Ученые записки Новгород. гос. ун-та. – 2019. – № 2 (20). – С. 30.

25. Данильченко, А. Е. Эклезионимы Кубани / А. Е. Данильченко // Богослужебные практики и культовые искусства в полиэтническом регионе : сб. материалов междунар. науч. конф. ред.-сост. С. И. Хватова. – Майкоп, 2016. – С. 873–886.

26. Казнина, Е. А. Эклезионимы малого города (на примере г. Углича Ярославской области) / Е. А. Казнина // Ономастика Поволжья : сб. науч. ст. – Кострома, 2020. – С. 48–51.

27. Ван, Л. Особенности номинации мест совершения обряда (на материале эклезионимов Беларуси и Китая) / Л. Ван // Весн. Віцебск. дзярж. ун-та. – 2007. – № 1 (43). – С. 79–84.

28. Жуков, А. Е. Неофициальные и официальные наименования культовых объектов как компонент урбанонимного пространства города / А. Е. Жуков // Новые горизонты русистики. – 2020. – № 9. – С. 43–49.

29. Асанов, А. Ю. Эклезионимы на карте современного города Тамбова / А. Ю. Асанов // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2014. – № 9 (137). – С. 170–174.

30. Головина, Л. С. Эклезионим как источник лингвокультурологической информации для иностранцев, изучающих русский язык / Л. С. Головина // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т. 3, № 10. – С. 18–20.

Поступила в редакцию 16.12.2021

E-mail: ydacha-ola@mail.ru

О. А. Lukina

ECCLESIONYMICS AS A SPECIAL AREA OF ONOMASTICS: PROBLEM FIELD, DEVELOPMENT PROSPECTS

The article presents the experience of studying current state of the science of the names of proper places of worship – ecclesionymics and analyzes the works of onomatologists who study the ecclesionyms of various localities in Russia, Belarus, Ukraine and China. The problems faced by scientists in the study of the names of places of worship of different religions and confessions are revealed. The article outlines promising directions for the development of ecclesionymics as a science of naming religious objects.

Keywords: onomastics, ecclesionymics, ecclesionym; proper name; place of the ceremony.

УДК 81'373.2

В. І. Марцынкевіч

Аспірант кафедры беларускай і рускай філалогіі, УА “Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна”, г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
Навуковы кіраўнік: Кураш Сяргей Баніфацьевіч, кандыдат філалагічных навук, дацэнт

**АСАЦЫЯТЫЎ “ДЗІЦЯЧЫ ЎЗРОСТ” ЯК ФАКТАР ФАРМІРАВАННЯ
АНАМАСТЫЧНАГА ПОЛЯ ПРАГМАТОНІМАЎ
(НА МАТЭРЫЯЛЕ НАМІНАЦЫЙ ПРАДУКТАЎ ХАРЧАВАННЯ)**

У артыкуле прагматонімы разглядаюцца як адзінкі цэласнай анамастычнай прасторы, сфарміраванай на аснове асацыятыва “дзіцячы ўзрост”; аналізуюцца назвы некаторых беларускіх прадуктаў харчавання ў семантычным, сінтаксічным і лінгвакультуралагічным аспектах. Робяцца высновы аб тым, што выкарыстанне тых ці іншых прагматонімаў (найменняў прадуктаў харчавання для дзяцей) матывуецца тыповымі ўяўленнямі аб дзіцячым узросце і з’яўляецца яго своеасаблівым прагматанімічным маркёрам.

Ключавыя словы: прагматонім, анамастычная прастора, семантычнае поле, асацыятыў.

Уводзіны

У культуры кожнага народа суіснуюць універсальныя і нацыянальныя кампаненты, а семантыка кожнай мовы адначасова адлюстроўвае агульныя і нацыянальна-спецыфічныя рысы, уласцівыя той або іншай культуры.

Прадукты харчавання – адзін са старажытнейшых пластоў матэрыяльнай культуры і побыту, які ўяўляе сабой гістарычна адну з першых сфер узнікнення і існавання культурных каштоўнасцей. Чалавек ужывае прадукты харчавання штодзённа, таму што яны з’яўляюцца першаасновай фізічнага існавання.

У анамастычнай літаратуры тавары паўсядзённага попыту насельніцтва маюць розныя тэрміналагічныя найменні: наменклатурныя назвы (намінацыі, знакі), таварныя знакі, славесныя знакі, прагматонімы, прагмонімы, таваронімы. У дадзеным артыкуле мы будзем выкарыстоўваць тэрмін *прагматонім* у якасці моўнага абазначэння канкрэтнай маркі тавара. Як адзначае Н. У. Падольская, пад прагматонімам звычайна разумеецца “номен для абазначэння сорта, маркі, таварнага знака”, які не толькі ўпісваецца ў наменклатурны анамастычны рад – *тапонім, антрапонім, заонім, касмонім і інш.*, але і адлюстроўвае сутнасць вывучаемага аб’екта – імені ўласнага [1, с. 81].

На думку аўтараў калектыўнай манаграфіі “Теория и методика ономастических исследований”, анамастычная прастора – гэта “сума імёнаў уласных, якія ўжываюцца ў мове дадзенага народа для наймення рэальных, гіпатэтычных і фантастычных аб’ектаў” [2, с. 62]. Згодна з даследаваннямі В. І. Супруна, у саставе анамастычнай прасторы вызначаюцца ядзерная зона і каляядзерная прастора. Аўтар адзначае, што цэнтральнае месца (ядзерную зону) трэба замацаваць за *антрапонімамі* і сумежнымі з імі разрадамі анамастыкі (*тэонімамі, міфонімамі, заонімамі*). Пры гэтым уласна да ядра ён адносіць толькі антрапонімы, а пералічаныя вышэй антрапонімападобныя адзінкі пераносіць у каляядзерную прастору, звязваючы іх з нізкай частотнасцю, спецыфічнай стылістычнай афарбоўкай і аслабленай дэрывацыйнай актыўнасцю. Перыферыя ж, на яго думку, уключае ў свой састаў гемеронімы, геартонімы, дакументонімы, прагматонімы, эргонімы і іншыя разрады імёнаў уласных, якія адрозніваюцца структура-семантычнай разнастайнасцю і валодаюць рысамі ацелятыўна-анімічнага памежжа [3, с. 12].

Значэнне прагматоніма як моўнай адзінкі складаецца з чатырох функцыянальных кампанентаў: быццёвага, класіфікуючага, індывідуалізуючага, прагматычнага (характарызуючага). У гэтым артыкуле акцэнтуюцца ўвага на прагматычным кампаненце назваў, які набывае выражаны адрасны характар і, увогуле, адлюстроўвае станаўленне карціны свету дзіцяці.

Мэта даследавання заключаецца ў вызначэнні моўных сродкаў адлюстравання светаўспрымання дзяцей праз семантычныя групы прагматонімаў. **Актуальнасць** абумоўлена дынамічным характарам маўлення і адлюстраваннем у ім узроставак асаблівасцей носьбітаў мовы, у прыватнасці, дзяцей.

Метады і метадалогія даследавання

Выкарыстаны спосаб суцэльнай выбаркі, агульны аб'ём якой – 158 адзінак. Фактычны матэрыял сабраны аўтарам шляхам фіксацыі назваў прадуктаў харчавання ў магазінах г. Мазыра Гомельскай вобласці, а таксама шляхам звароту да сайтаў асобных вытворцаў прадуктаў харчавання Рэспублікі Беларусь. Адбор матэрыялу ажыццяўляўся ў адпаведнасці з наступнымі класамі Міжнароднай класіфікацыі тавараў і паслуг (МКТП): клас 29 (мяса, птушка, тэрмічна апрацаваныя гародніна і садавіна; малако, малочныя вырабы і інш.), клас 30 (шакалад, цукеркі, какава, марожанае і інш.), клас 32 (сокі, напоі з садавіны і інш.).

Пры сістэматызацыі лексікі выкарыстаны полевы падыход і разуменне семантычнага поля як “сукупнасці моўных адзінак, якія згрупіраваны агульнасцю зместу і адлюстроўваюць прадметнае, паняццённае і функцыянальнае падабенства адзначаных з’яў” [4, с. 99].

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Вядома, што семантычнае поле “Дзеці” з’яўляецца неад’емнай часткай семантычнага макраполя “Чалавек” і, у сваю чаргу, “структурыруецца мікрапалямі – семантычнымі мноствамі, якія карэлююць з семантычным полем як частка–цэлае і адлюстроўваюць адзін з яго тэматычных аспектаў” [5, с. 259]. У аналізаваным фактычным матэрыяле сема ‘дзеці’ разглядаецца як цэнтральны асацыятыў, вакол якога групуюцца прагматонімы, канкрэтызаваныя і размежаваныя па катэгорыі ўзросту дзяцей. Так, фактычны матэрыял умоўна дазваляе выдзеліць тры мікрапалі прагматонімаў з улікам узроставай характарыстыкі дзіцячай аўдыторыі, у якіх аб’ектам намінацыі выступае дзіця, адносіны да яго дарослых, паводзіны, характар, маўленне, рэаліі дзіцячага свету і інш.

Мікраполе “Прадукты дзяцей ранняга ўзросту” фарміруецца на аснове ўяўлення аб анатамічных і фізіялагічных асаблівасцях дзяцей першага года жыцця, стан якіх вызначаецца поўнай залежнасцю ад дарослых па прычыне адсутнасці навыкаў самаабслугоўвання.

Сярод найменняў у якасці асацыятываў гэтай узроставай катэгорыі прагматонімаў выступаюць **гукапераймальныя назвы** “Агуша” (кашы, малочныя сумесі, напоі, карысныя ласункі); **парады-пажаданні** (кашы “Вставай-ка”, “Засынай-ка”), якія звернуты непасрэдна да дзіцяці і выражаюцца імператывам з часціцай -ка; **словаўтваральныя сродкі** з памяншальна-ласкальнымі суфіксамі ў адантрапанімічных назвах (пюрэ “Топтышка”, пячэнне “Капатошка”); **вербалізацыя** з пэўна выражаным экспліцытным элементам, які ўказвае на ўзрост “Маленькае ішасце”; **падтэкст**, калі назва вядомага на рынку таварнага знака (антрапонім “Алёнка”) асацыіруецца ў пакупнікоў (пераважна бацькоў) іменна з дзіцём, і як вынік – з максімальна высокай гарантыяй якасці дзіцячага харчавання і бяспекай прапанаванага прадукта для здароўя дзіцяці.

Мікраполе “Прадукты дзяцей дашкольнага ўзросту” фарміруецца вакол уяўленняў аб асаблівасцях светаўспрымання дзяцей ад двух да пяці гадоў. Пры гэтым асацыятыўна адрасаг абазначаны ўжо ў самім найменні прадуктаў: ірыс “Детский”, шакалад “Детские истории”. Прызначэнне названай узроставай катэгорыі прагматонімаў выражаецца праз кагнітыўны матыў дзіцяці “Я спазнаю свет”.

Падрастаючы, дзіця знаёміцца з **антрапонімамі**, склад якіх павялічваецца з году ў год, уключаючы і прээдэнтныя імёны, напрыклад, адантрапанімічныя назвы ласункаў, якія абазначаюць жаночыя і мужчынскія імёны (у тым ліку і запазычаныя (зефір “Рошель”)): цукеркі “Павлінка”, “Алёнка”, шакалад “Любимая Алёнка”, сырок тварожны глазураваны “Моя Алёнка”, пячэнне “Марія”, марожанае “Гоша”, згущанае малако “Егорка”, тварог “Нестерка”.

Семантычнае поле імёнаў убірае ў сябе **назвы жывёл, птушак, іншых жывых істот** (ёгурт “Молочная пчела”, пячэнне “Бурёнушка”, цукеркі “Щедрая коровушка”, “Щедрая коровушка NEW”, “Муренка”, марожанае “Белорусская коровка”, сырок тварожны глазураваны “Любимая коровка”, “Зайка”, “Плюш”); зефір “Ешук”, ірыс “Белочка”, цукеркі “Белочка лесная”, “Кузнечик”, “Колібры”, карамель “Рачки с арахисом”, “Крабоовые шейки”, “Снегири”); **назвы дрэў і кветак** (цукеркі “Берёзка”, “Антоновка”, “Ранет”, “Черёмушки”, “Дубравушка”, зефір “Роза”, цукеркі “Одуванчик”, “Ромашка”, “Валюшкі”); **назвы пладоў, ягад, садавіны** (цукеркі “Кокос”, “Грибы зефирные”, “Барбарис”, “Дюшес”, “Вишенка”, “Озорная вишня”, карамель “Груша”, “Слива”); **назвы фальклорных жанраў** (торт “Лесная сказка”, зефір “Загадочный”); **назвы фальклорных (міфонімы) і літаратурных персанажаў**, якія сталі прагматонімамі (цукеркі “Весёлый гном”, “Лесной гном”, “Красная Шапочка”, “Маленькая волшебница”, зефір “Мишутка”, “Чаровей”, ірыс “Золотой ключик”, “Петушок”); **назвы персанажаў мультфільмаў** (нектар “Маша и медведь”, смузлі “Фиксики”).

Па меркаванні І. І. Ісангузінай, шэраг прагматонімаў можна аднесці да імёнаў, “якія валодаюць празрыстай унутранай формай, абумоўленай словамі-донарамі” [6, с. 992]. Напрыклад, назвы, якія ўказваюць на **колер прадукта** (тварог “Голубая лагуна”, пасціла “Бело-розовая”, мармелад “Калейдоскоп”); **яго форму** (мармелад “Дольки”, “Улиточка”, пячэнне “Листики”, “Пяточки”, цукеркі “Стрела”, “Снежок”, “Батончики”); **састаў прадукта** (карамель “Молочная”, шакалад “Сливочный”, цукеркі “Кокосовый бум”, “Ореховый драйв”, “Леденец”). Сустрэкаюцца найменні, у якіх састаў прадукта абазначаны не так выразна, а вызначаецца апасродкавана праз органы смаку і паху (вафельны батончык “Смак”, мармелад “Со вкусом персика (лимона, банана, яблока)”, “Малиновый аромат”).

Маюць месца прыклады, у якіх і састаў, і форма прадукта спалучаюцца адразу ў адной назве (цукеркі “Клубничное облачко”, шакалад “Шоколадное яйцо”, мармелад “Желейный формовой”). Асобна вылучаюцца **назвы-характарыстыкі** (кактэйль малочны “Вундер кини”, пасціла “Неженка”, торт “Сладкоежка”, пячэнне “Обучайка”, “Теплышко”, цукеркі “Зубастики”, “Сорванец”). Апошні прыклад падкрэслівае псіхалагічную сувязь дзяцей і дарослых, якая выражаецца двухсастаўным поўным сказам “Сорванец живёт в каждом из нас”.

Як адзначае І. І. Ісангузіна, “семантычныя катэгорыі з’яўляюцца для таварнага знака вельмі важнымі, таму што імёна ў значэнні слова, выкарыстанага ў якасці імені тавара, змяшчаецца прагматычны элемент, рэалізацыя якога вядзе да стварэння адпаведнай псіхалагічнай устаноўкі. Часта прагматонім становіцца своеасаблівай «характарыстыкай» абазначаемага тавара” [6, с. 992].

Мікраполе “Прадукты дзяцей школьнага ўзросту” заснавана на асацыяцыях, звязаных з засваеннем зместу адукацыйных праграм прадстаўнікамі дзіцячай аўдыторыі ад шасці да шаснаццаці гадоў. Стаўшы школьнікам, дзіця пазнае свет на занятках па **геаграфіі** (адтапанімічныя назвы цукерак “Кара-Кум”, “Беловежская пуца”, “Минчанка”, “Тропикана”, “Черноморочка”, вафлі “Артек”); па **гісторыі** (цукеркі “Спартак”, “Прометей”, “Орфей”, “Мушкетёры”, шакалад “Президент”, “Коммунарка”, “Генеральский”); па **біялогіі** (цукеркі “Лунария”, “Эдельвейс”); па **мастацтве** (торт “Серенада”, марожанае “Совет”, цукеркі “Вошебная флейта”, “Балет”, “Баядерка”, “Дуэт”, “Карнавальная маска”, “Летняя радодия”); па **фізічнай культуры** (пячэнне “Шахматное”, “Хоккей”); па **замежнай мове** (какава “Sharky”, цукеркі “CHERRICE”, “ORANGEICE”, вафлі “Mix”, халва “Nanofit”, мармелад “VeryBerry”) і інш.

Так, згодна з класіфікацыяй Л. Р. Ермаковай, выдзяляюцца наступныя групы прагматонімаў [7, с. 10]:

- рэальныя антрапонімы (асабовыя імёны): зефір “Рошель”, цукеркі “Павлинка”, “Алёнка”, пячэнне “Мария”, марожанае “Гаша”, згушчанае малако “Егорка”, тварог “Нестерка”;
- уласныя імёны персанажаў, назвы літаратурных твораў і інш.: “Красная Шапочка”, нектар “Маша и медведь”, смужы “Фиксики”;
- прагматонімы-гістарызмы: цукеркі “Спартак”, “Прометей”, “Орфей”;
- гендэрныя найменні: цукеркі “Баядерка”, пані Пасціла;
- універсальныя прагматонімы-сімвалы: набор цукерак “Храм-памятник”;
- прагматонімы-глётонімы: ледзянцы “Барбарис”, “Дюшес”;
- прагматонімы-каларатывы (у тым ліку прагматонімы з элементам “залаты”): тварог “Голубая лагуна”, пасціла “Бело-розовая”, мармелад “Калейдоскоп”, ірыс “Золотой ключик”;
- прагматонімы-заонімы: пячэнне “Бурёнушка”, сырок тварожны глазураваны “Зайка”, ірыс “Белочка”, цукеркі “Кузнечик”, “Калибри”, “Снежири”;
- прагматонімы-фітонімы: зефір “Роза”, цукеркі “Одуванчик”, “Ромашка”.

Прапанаваная класіфікацыя далёка не поўная, яе можна ўдакладніць з мэтай канкрэтызацыі аналізуемага матэрыялу. Напрыклад, прагматонімы-гістарызмы “Прометей”, “Орфей” можна разглядаць як імёны міфалагічных персанажаў, а рэальныя антрапонімы “Павлинка”, “Нестерка” аднесці да літаратурных персанажаў. Прызначэнне дадзенай класіфікацыі заключаецца ва ўпарадкаванні аналізуемага моўнага матэрыялу, выяўленні адметнасцей семантыкі прагматонімаў для спасціжэння іх зместу дзецьмі розных узростаў груп у сучаснай камунікатыўнай прасторы.

З пункту гледжання **сінтаксічных канструкцый** намі зафіксаваны наступныя варыянты прагматонімаў: адзіночныя словы, словазлучэнні, сказы. У лінгвістыцы існуюць розныя погляды адносна намінацый, выражаных адзіночнымі словамі “Шокомелька”, “Фрутомелька”, “Цитрон”. Некаторыя даследчыкі лічаць такія назвы аднасастаўнымі назывнымі сказамі. Паводле іх меркавання, “намінатывыя сказы – адзін з самых ужывальных тыпаў сказаў. Гэтаму спрыяюць іх лаканічнасць, лексічная разнастайнасць іх напаўнення, шырыня семантычнай структуры, неабмежаваная

магчымасці распаўсюджвання, а таксама адсутнасць стылістычных абмежаванняў” [8, с. 358]. На думку іншай групы даследчыкаў, такія ўтварэнні класіфікуюцца як словы або словазлучэнні, г. зн., “спецыфічныя назвы, якія выкарыстоўваюцца для абазначэння канкрэтных аб’ектаў” [9, с. 509].

Так, сярод прагматонімаў большую частку ўтвараюць намінацыі-словазлучэнні. Асноўную групу складаюць назвы па тыпе падпарадкавальнай сувязі дапасавання: цукеркі “*Птичье молоко*”, мармелад “*Нежное суфле*”, сырок тварожны глазураваны “*Лесная ягода*”, марожанае “*Моя Алёнка*”, пячэнне “*Весенняя радодия*”, цукеркі “*Летний вечер*”. Меншай колькасцю прадстаўлена група словазлучэнняў па тыпе падпарадкавальнай сувязі кіравання: цукеркі “*Мишка на поляне*”, “*Мистерия вкуса*”. Фіксуюцца таксама назвы з прыдаткам: цукеркі “*Травушка-муравушка*”, “*Птичка-невеличка*”, какава “*Жирафик Жора*”. Адзначаны адзінкавы парны двухкампанентны прагматонім (‘антрапонім+заонім’): нектар “*Машиа и медведь*”.

Асобную групу складаюць адзіночныя назвы – атрыбутыўныя словазлучэнні з імпліцытна выразаным кампанентам: цукеркі “*Аэрофлотские*”, “*Арахисовые*”, “*Столичные*”, вафлі “*Черноморские*”, пячэнне “*Зоологическое*”, “*Шахматное*”. Сярод падобных найменняў зафіксавана некалькі прэцэдэнтных назваў: цукеркі “*Чипolino*”, пячэнне “*Арлекино*”.

Сустрэкаюцца найменні прадуктаў у выглядзе сказаў. Сярод іх адзначаны назвы-сказы з дзеясловам загаднага ладу, аднастаўныя, абагульнена-асабовыя (кашы “*Вставай-ка*”, “*Засытай-ка*”). Асаблівую цікавасць выклікае найменне “*Алёнка любит...*”, якое ўяўляе сабой двухстаўны неразвіты няпоўны сказ з адпаведным працягам, сінтаксічна арганізаваным падпарадкавальнай сувяззю дзеяслоўнага кіравання ў словазлучэнні: *любіць* (што?) *яблоко, персик*. Напрыклад, “*Алёнка любит... яблоко и персик*”, “*Алёнка любит... индейку с печенью*”, “*Алёнка любит... вишню*” і інш.

Назвы прадуктаў харчавання валодаюць як універсальнымі, так і этнакультурнымі характарыстыкамі. Да ўніверсальных назваў варта аднесці эквіваленты, якія функцыянуюць у розных мовах. Этнакультурныя прагматонімы з’яўляюцца матываванымі для прадстаўнікоў асобнай нацыі. Паняцце “моўная карціна свету” звязана з пэўным тыпам канцэптуалізацыі рэчаіснасці, фарміруемым моўнымі структурамі ў працэсе камунікацыі. Моўная карціна свету непасрэдна звязана з нацыянальнай спецыфікай слова, якую, паводле меркавання некаторых даследчыкаў (М. Ф. Алефірэнка), вызначаюць два фактары – аб’ектыўны і суб’ектыўны. Пад аб’ектыўным фактарам разумецца каштоўнасць-сэнсавая значнасць прыродазнаўчых і культурных рэалій, якія вызначаюць своеасаблівае жыццёвае прастору таго ці іншага народа. Суб’ектыўны фактар характарызуецца магчымасцю факультатыўнага выбару знакаабазначэння адных і тых жа рэалій, якія па-рознаму прадстаўлены ментальнасцю розных этнамоўных згуртаванняў.

Відавочна, што нацыянальная адметнасць прагматонімаў падкрэсліваецца пераважна праз найменні **сувенірных** набораў цукерак, значнае месца сярод якіх займаюць нацыянальна маркіраваныя тапонімы, яны змяшчаюць лінгвакультуралагічную інфармацыю і, увогуле, выступаюць сімваламі Беларусі. На падставе класіфікацыі В. Я. Якаўлевай [10, с. 18], аналіз фактычнага матэрыялу дазволіць выдзеліць **прагматонімы-сімвалы нацыянальнай культуры** і дыферэнцыраваць іх па выражанасці лінгвакультурнага кампанента. Гэта намінацыі:

– матываваныя этнанімічнымі лексемамі *Беларусь, беларускі*, якія перадаюць канцэпт *Радзіма*, а таксама словазлучэннямі, утворанымі па мадэлі “*беларускі (ая, ае, ія) + N*” (шакалад “*Белорусский*”, набор шакаладу “*Беларусь синеокая*”, цукеркі “*Беларусачка*”, “*Беларуская бульба*”, “*Спадчына Беларусі*”, марожанае “*Белорусская коровка*”);

– матываваныя лексемамі і ўстойлівымі спалучэннямі, якія рэпрэзентуюць канцэпты са спецыфічным зместам у беларускай моўнай культуры (элементы беларускай матэрыяльнай і духоўнай культуры: наборы цукерак “*Полесье*”, “*Дары Полесья*”, “*Полесский сюрприз*”, “*Беловежские зубры*”, “*Минск*”, “*Святязь*”);

– матываваныя безэквівалентнай лексікай (цукеркі “*Знічка*”);

– якія ўзнаўляюць сродкі маўленчага кантакту і этыкетныя моўныя штампы (набор цукерак “*Вітаю*”, “*Прывітанне з Беларусі*”).

У лінгвістычным аспекце таксама заслугоўваюць увагі прыклады, заснаваныя на з’явах **моўнай гульні**, у якой адбываецца сумяшчэнне гукапераймання з онімамі: цукеркі “*Васілішкі*” (замест “*Васількі*”), зефір “*Чаровей*” (замест “*Чародей*”), “*Ешик*” (замест “*Ежик*”), цукеркі “*Муренка*” (замест “*Бурёнка*”).

Заклучэнне

Назвы прадуктаў харчавання здольны ўкараняцца ў свядомасць носьбітаў мовы і ўдзельнічаць у фарміраванні моўнай карціны свету чалавека. Прымаючы ўдзел у фарміраванні

моўнай карціны свету дзяцей, прагматонімы абазначаюць прадметы, практычна значымыя ў іх жыццядзейнасці. Моўная карціна свету і прагматонімы знаходзяцца ў дынамічным узаемадзеянні і з'яўляюцца неад'емнымі састаўнымі часткамі нацыянальнай культуры.

Прагматонімы выступаюць як асобны сегмент цэласнай анамастычнай прасторы. Праз асацыятыў "дзіцячы ўзрост" выяўляецца тэматычная разнастайнасць, адлюстраваны ўніверсальныя і спецыфічныя нацыянальныя вобразы ў іх семантыцы. Вынікі даследавання могуць стаць перадумовай для далейшага апісання прагматонімаў з пазіцыі лінгвістычнай сэнсорыкі.

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

1. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская : Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. А. В. Суперанская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 187 с.
2. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская [и др.] ; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. А. П. Непокупный. – М. : Наука, 1986. – 254 с.
3. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. И. Супрун ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2000. – 76 с.
4. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : УРСС Эдиториал, 2000. – 352 с.
5. Маслова, А. Ю. О репрезентации семантического поля «Дети» в русских говорах на территории Республики Мордовия / А. Ю. Маслова // С любовью к Слову : материалы Всероссийск. с междунар. участием науч. конф., Арзамас, 9–10 февр. 2021 г. / Арзамас. филиал ННГУ ; редкол.: О. В. Никифорова (отв. ред.) [и др.]. – Арзамас, 2021. – С. 259–262.
6. Исангузина, И. И. Прагматонимы в ономастическом пространстве: семантический, лингвокультурологический и синтаксический аспекты (на примере названий кондитерских изделий) / И. И. Исангузина // Вестн. Башкир. ун-та. – 2008. – Т. 13, № 4. – С. 990–993.
7. Ермакова, Л. Р. Глоттонические прагматонимы и национальный характер (на материале русской и английской лингвокультур) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. Р. Ермакова ; Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2011. – 26 с.
8. Русская грамматика : в 2 т. – М. : Наука, 1980. – Т. 2 : Синтаксис / Е. А. Брызгунова [и др.]. – 709 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 509 с.
10. Яковлева, О. Е. Семантические типы прагматонимов современного русского языка (на материале номинаций продуктов питания) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. Е. Яковлева ; ГОУ ВПО «Новосибирск. гос. ун-т». – Новосибирск, 2006. – 21 с.

Паступіў у рэдакцыю 16.12.2021

E-mail: vera.martsinkevich@mail.ru

V. I. Martsinkevich

ASSOCIATION "CHILDREN'S AGE" AS A FORMATION FACTOR OF THE PRAGMATONYMS' ONOMASTIC FIELD (ON THE NOMINATION OF FOOD NOMINATIONS)

The article deals with pragmatonyms, which are considered as units of the integral onomastic space formed on the basis of the associative "children's age"; the names of some Belarusian food products in semantic, syntactic and linguistic-cultural aspects are analyzed. It is concluded that the use of certain pragmatonyms (names of food products for children) is motivated by typical ideas about childhood and it is its special pragmatonymic marker.

Keywords: pragmatonym, onomastic space, semantic field, association.

УДК 81.161.1: 070 (476)

А. С. Мирошниченко

Аспирант кафедры русской филологии, УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы», г. Гродно, Республика Беларусь

Научный руководитель: Пивоварчик Тамара Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент

**«ЛОВЦЫ ХАЙПА» И «ВИРТУАЛЬНЫЕ АКУЛЫ»:
НАИМЕНОВАНИЯ БЛОГЕРА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ БЕЛОРУССКИХ СМИ**

В статье представлены результаты наблюдений над особенностями семантики наименований блогера и их функционирования в русскоязычных текстах белорусских СМИ. На основе ономазиологического подхода определен состав лексем, обозначающих блогера, охарактеризованы структурные и семантические типы номинаций лица. Проанализирована практика использования наименований блогера в журналистских текстах с учетом коммуникативных, ценностных, прагматических установок их авторов. Делается вывод о том, что в языке СМИ отражаются новые явления в стратификационной структуре общества, в том числе появление нового стратификационного признака – ‘публичность’. Отмечается значительное варьирование оценочно-экспрессивных коннотаций, разнообразие экспрессивных форм, активность метафорического переосмысления и неоднословных номинаций. В указанных явлениях отражаются особенности лингвокогнитивной субкатегоризации имён блогера на основе сравнения блогера с другими субъектами массмедийного пространства, а также амбивалентное отношение социума к новому явлению в профессионально-трудовой сфере.

Ключевые слова: язык СМИ, социальная лексика, номинация, номинация лица, блогер, социальный статус, медиатекст.

Введение

Социально-статусные отношения и позиция человека в стратификационной системе общества являются важнейшей денотативной сферой семантики русского языка – русской языковой картины мира. Распределение общества по стратам наблюдается в различных областях человеческой деятельности, будь то экономика, политика или культура. Проблема социальной стратификации общества не теряет своей актуальности в глобальной «деревне» – напротив, формирование информационной модели современного общества делает ее злободневной. Сегодня мы можем наблюдать появление нового вида социальной дифференциации, который вытекает из возможностей использования новейших информационно-коммуникационных технологий. Все большее значение приобретает публичность как одна из характеристик образа жизни современного человека: чем большим весом то или иное лицо обладает в медийном пространстве, тем более высок его социальный статус. Такие привилегии обусловлены способностью публичного человека влиять на сознание аудитории (как правило, широкой) и служить примером, ориентиром, образцом для подражания.

Лексема *блогер* входит в группу статусно-маркированных наименований лица, исследование которых является актуальной лингвистической задачей. Значительная часть социально-статусных номинаций лица занимает особое место в медиадискурсе, поскольку относится к т. н. «ключевым словам текущего момента» – «словам, обозначающим явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [1, с. 92], то есть высокочастотным и концептуальным лексемам, без использования которых не может быть репрезентирована в медиадискурсе социальная действительность. В то же время среди этих номинаций широко представлена «лексика, находящаяся в движении и остро актуальная, еще не до конца освоенная лексической системой» [2, с. 141]. Б. Ю. Норман подчеркивает, что номинации лица по социальному статусу в русском языке является открытым, постоянно пополняющимся и очень подвижным классом единиц в силу своей «чувствительности к социальным изменениям в обществе» [3, с. 130].

Поскольку социальный статус является существенным моментом организации человеческого сообщества, он в той или иной мере закреплен в семантике многих языковых единиц. Информация

о социально-статусных отношениях может быть включена «в семантику и прагматику языкового знака, без учета которых знак не может быть правильно употреблен» [4, с. 128]. Возможность выделения статусной семы как отдельного компонента лексического значения обоснована в исследованиях Н. Ф. Алефиренко, В. Г. Гака, В. И. Карасика, И. М. Кобозевой, В. В. Левицкого, В. А. Марьянчик, Е. Б. Никифоровой, А. М. Плотниковой, Т. Д. Полуэктовой и других.

Ученые исследовали то, каким образом социально-статусные отношения и представления языкового коллектива об этих отношениях отражаются в семантической структуре русских синтетических и аналитических наименований лица и в особенностях их функционирования (см. работы Н. Г. Бабенко, Е. Н. Басовской, Т. И. Галева, Е. И. Головановой, М. А. Ерёмной, О. П. Ермаковой, В. М. Зариповой, А. А. Карамовой, Е. В. Кашпур, И. Е. Кима, Т. В. Леонтьевой, Е. А. Маклаковой, Б. Ю. Нормана, А. М. Плотниковой, Е. В. Рубановой, А. Г. Тимченко, О. Е. Фроловой, Т. П. Шуба-Зимяниной, А. В. Щетининой и других).

Наименование *блогер* традиционно используется для обозначения «создателя блога» [5, с. 75] – любого человека, который имеет личный журнал или дневник в интернете, аккаунт в той или иной социальной сети (на той или иной медиаплатформе) и периодически оставляет там записи (посты) разного характера: личные, новостные, комментирующие. Блог – производное от англ. web-log, в переводе означает «сетевой журнал», «дневник событий». Блог представляет собой веб-сайт, основное содержимое которого составляют регулярно пополняемые записи, включающие в себя текст, изображения и мультимедиа. Отличия блога от традиционного дневника обусловлены онлайн-средой: важным качеством блогов является публичность. Они предполагают наличие сторонних читателей, которые могут вступить в публичную полемику с автором (например, в комментариях). Обзор русскоязычных научных публикаций показал, что в фокусе внимания исследователей лингвистов находятся следующие вопросы: лингвокультурный типаж блогера (Е. Н. Граждан), языковая личность блогера (А. Ю. Лебедева), речевой портрет блогера (А. В. Сайдашева, Е. В. Литовская, Д. А. Шляховой), его приемы самопрезентации (М. Д. Брызгалова, Л. Г. Антонова, Е. А. Лебедева) и коммуникативные стратегии (Д. А. Шляховой). Проблема наименования блогера остается малоизученной – следовательно, предпринятое нами исследование может быть признано актуальным.

Исследование выполнено на материале 220 контекстов, извлеченных из газет «БелГазета» (БГ), «Знамя юности» (ЗЮ), «Народная газета» (НГ), «СБ. Беларусь сегодня» (СБ), «Сельская газета» (СГ) 2009–2021 гг. Высказывания, включающие наименование *блогер* и подобные ему, участвуют в формировании стереотипных представлений о социальной структуре общества. Отдавая предпочтение тем или иным наименованиям участников описываемых событий и ситуаций, журналист может как повышать, так и понижать статус героя публикации, регулировать оценочную интерпретацию описываемых событий.

Результаты исследования и их обсуждение

Сегодня блогинг представляет собой масштабное явление, которое влияет практически на все сферы жизни людей: культуру, экономику, политику и др. Номинация *блогер* активно функционирует в языке республиканских СМИ начиная с 2009 года, хотя отдельные случаи ее употребления встречались ранее. На этапе своего вхождения в тексты газет лексема преимущественно использовалась для названия человека, ведущего персональный блог на популярной платформе Live Journal («Живой Журнал», сокращенно – ЖЖ), которая начала свою работу в 1999 году: *В Туркмении заблокирован доступ к видеосервису YouTube и сервису для блогеров LiveJournal* (СБ. 28.12.2009); *В ЖЖ появился профсоюз блогеров* (СБ. 27.11.2009); *Самому популярному блогеру Рунета запретили писать в ЖЖ* (СБ. 25.06.2009); *Почитываю, знаете ли, Живой Журнал. И как видный аналитик доподлинно знаю, почему многие блогеры недолюбливают бесцеремонную журналистскую порось* (СБ. 28.01.2010).

Появление блогеров стало чем-то сродни информационной революции, которая актуализировала вопрос о судьбе традиционных СМИ. Поэтому закономерно, что лексема *блогер* использовалась в публикациях, посвященных взаимоотношениям традиционных и новых акторов инфосферы – журналистов и блогеров – в контексте их противопоставления. Роль журналистов в обществе, возможности взаимодействия с аудиторией и способы влияния на неё, значение «новых медиа», «гражданской журналистики» и user generated content (пользовательский контент) стали распространенными темами для публичного обсуждения: *Пишите на «мыло». О профессиональных*

блогерах и журналистах-«любителях» (СБ. 28.01.2010); *Блогеры способны составить конкуренцию журналистам* (СБ. 16.08.2012); *Нельзя приравнять «журналистику» блогеров к профессиональной – декан журфака МГИМО* (СБ. 30.05.2012); *Журналисты могут побеждать блогеров только качеством и эксклюзивностью – редактор «Вечерней Москвы»* (СБ. 24.04.2013). Контексты показывают, что концептообразующими становятся изначально периферийные, часто имплицитные, к тому же с негативной оценочностью смыл: блогер – ‘тот, кто создает непрофессиональный продукт’, ‘непрофессионал’, ‘тот, кто позиционируется ниже журналиста’, ‘тот, кто ограничивается описанием повседневности’ и т. д.

Для текстов семи- – десятилетней давности характерно использование окказиональных сочетаний, в состав которых входят номинации *блогер* и наименования интернет-сегментов: *Самому популярному блогеру Рунета запретили писать в ЖК* (СБ. 25.06.2009); *Популярный блогер байнета, заботливая жена и молодая мама Юлия Новик редко ходит за обновками в обычные магазины* (СБ. 06.06.2014). Сегодня такая конкретизация представляется менее актуальной, поскольку деятельность (сфера влияния) блогера не ограничивается рамками одной страны; по мере развития экспансии интернета эти границы стираются.

С развитием информационных технологий и популяризацией социальных сетей репертуар наименований блогера, в том числе статусно-маркированных, расширился. В плане содержания лексем, именующих блогера, появилась оценка. В языке СМИ нашли отражение изменения в социальной структуре общества: появление новых социальных групп и формирование новых связей внутри нее. Возникли наименования разной структуры и разной степени устойчивости, конкретизирующие сферу деятельности блогера в зависимости от создаваемого им контента (*бьюти-блогер, фешн-блогер, фуд-блогер, кулинарный блогер, lifestyle-блогер*), площадки для работы (*Instagram-блогер, ютубер, twitter-знаменитость, тиктокер*), формата информационного продукта (*видеоблогер*): *А в арсенале некоторых красоток и бьюти-блогеров уже надежно прописались патчи для глаз, тканевые маски и прочие продукты, маркированные Made in South Korea* (ЗЮ. 04.02.2021); *Сразу приглашают за стол, который дохнет от яств. Любимый инстаграмный фуд-блогер позавидует такой красивой картинке* (Р. 06.03.2021); *Ютуберы могут и не работать напрямую с рекламодателями, а получать доход за просмотры видео согласно партнерскому соглашению с YouTube* (НГ. 09.02.2018); *Лучшей Twitter-знаменитостью года по версии Shorty Awards стал американский актер Натан Филдзон* (СБ. 04.03.2010); *Четыре с небольшим минуты откровений подарили видеоблогеру первый «видос» с миллионом просмотров* (ЗЮ. 22.06.2017).

С точки зрения структуры используемые в языке СМИ наименования блогера можно разделить на однословные (*блогер-миллионник, Instagram-блогер, фуд-блогер, бьюти-блогер, фешн-блогер, видеоблогер, микроблогер, блогерша, блогерка, ютубер* и др.) и составные (*кулинарный блогер, инстаграмный блогер, топовый блогер* и др.) – создаются «экспрессивно-оценочные компактноминации в духе времени» [6, с. 5].

Среди однословных номинаций можем выделить следующие:

- однословные номинации, образованные суффиксальным способом: *блогерша, блогерка, ютубер, тиктокер, миллионник*;
- однословные номинации, образованные приставочным способом: *микроблогер, недоблогер*;
- композиты с префиксоидами: *горе-стример, Instagram-девочка, смузи-мальчик, блогер-миллионник, Instagram-блогер, Twitter-знаменитость, фуд-блогер, бьюти-блогер, фешн-блогер, видеоблогер*.

Составные номинации представлены словосочетаниями: *звезда YouTube, кулинарный блогер, инстаграмный блогер, топовый блогер* и др. Наиболее распространенным структурным типом словосочетаний является именной тип «существительное + прилагательное», где существительное представлено наименованием лица – лексемой *блогер*, а прилагательное характеризует лицо с точки зрения сферы деятельности и ее престижности.

Среди номинаций, образованных суффиксальным способом, отдельного внимания заслуживают лексемы *блогерша* и *блогерка* – слова, называющие лицо женского пола по роду занятий и социальной принадлежности. Как правило, феминитивы на *-ш(a)* характеризуются наличием сниженного стилистического оттенка: общим фактором приобретения феминитивами на *-ш(a)* выраженной стилистической сниженности также выступает вторичность номинаций женского рода по отношению к номинациям мужского рода [7, с. 109]. Наши наблюдения подтвердили данный факт: в языке современных белорусских СМИ наименование *блогерша* имеет пейоративную

коннотацию: *По сути, блогерша хотела получить в скромном провинциальном кафе еды не только халявной, но и «халяльной», то есть приготовленной в соответствии с ее представлениями о здоровом питании. Смуценная официантка метнулась было на кухню за блинчиками для важной персоны* (СБ. 16.09.2016); *Теперь я по вечерам сама люблю зайти в Фейсбук, полюбопытствовать, сошла ли уже с ума **чудаковатая блогерша** или еще держится, а эта парочка померилась ли и какие красоты выложила девушка-фотограф* (НГ. 22.02.2019). Номинация блогерка используется журналистами более редко, однако также может иметь в своем содержании негативную оценку: *Хотя бы это – как втолковать? Или, к примеру, «**блогерам и блогеркам**» можно ли объяснить: если твой сосед хату не запирает, это не повод зайти к нему и стырить банку пива со стола* (СБ. 14.02.2019). В приведенном примере оценочность усиливают семантические кавычки.

Корреляты женского рода оказываются наиболее востребованными в эссеистской журналистике, насыщенной оценочностью, эмоциональностью, экспрессивностью. Вместе с тем, в ряде контекстов пейоративный компонент в рассматриваемых феминитивах отсутствует: *Интернет – это сила. Я удивлялась ее мощи, когда незнакомые собеседники прикованной к постели **блогерши Михалинки** из моего родного Бобруйска собрали деньги на коляску с электроприводом* (СБ. 28.01.2010); *В ролике, загруженном в TikTok, **блогерша** берет обычный длиннозерновой рис* (СБ. 27.11.2020); *Долгое время женщина гадала, представляя разные источники странных звуков. Фантазия набирала обороты, поэтому **блогерша** решила посмотреть, что же это может быть* (СБ. 07.03.2021).

В целом в использовании наименований блогера обнаруживается закономерность, связанная с формированием метафорического дискурса: для обозначения блогера и блогосферы как совокупности всех блогов в языке СМИ активно употребляются переносы с уже существующих предметов или явлений действительности:

– зооморфная метафора: *Но почему одни **виртуальные акулы** оказываются в фаворитах, а другие нет?* (ЗЮ. 22.06.2017);

– экономическая метафора: *Блогеры способны **составить конкуренцию** журналистам* (СБ. 16.08.2012);

– растительная метафора: *В рамках стратегии воздействия на общество у нас **выращивали журналистов и блогеров**, которые занимались продвижением нужных идей* (СБ. 02.04.2021);

– театральная метафора: *Поражает лишь то, что российские законодатели вспомнили о том, что **треш-стримы** опасны как для неокрепших мозгов зрителей, так и для участников **онлайн-представлений**, только после нашумевшей истории, когда в ходе стрима российского видеоблогера Reeflay 2 декабря умерла участница прямого эфира* (СБ. 23.01.2021);

– продуктовая метафора: *Контент некоторых раскрученных блогеров Марков отнес в категорию **фастфуда**, а соцсети охарактеризовал как «**шведский стол**», отметив: там можно найти как **свежие «продукты»**, так и **испорченные*** (СБ. 01.04.2021);

– метафора войны (милитарная): *Некоторые представители **многотысячной армии блогеров** успели так **опточить** мастерство общения с подписчиками, что профессиональные ведущие с телевидения им в подметки не годятся* (СБ. 23.01.2021); *Блогер чувствует и бьется, аки **лаквирый**, забрасывая лассо на шею новым тысячам фоловеров, мы бежим до кучи ставить лайки, а он уже **готовит новый маневр*** (СБ. 06.03.2020); *Будто **ядерный взрыв** произошел в журналистике, когда появились блоги* (СБ. 16.08.2012).

Метафора представляет собой инструмент, при помощи которого можно представить новое явление, не до конца осознанное социумом: «обращаясь к чему-то новому, сложному, не до конца понятному, человек нередко пытается использовать для осмысления элементы какой-то более знакомой и понятной сферы» [8, с. 12]. Обращение к явлению блогинга спровоцировало появление в СМИ оценочной рефлексии. Кроме того, метафора служит созданию негативных коннотаций, используется для «воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата и создания соответствующего отношения к рассматриваемым реалиям» [8, с. 24]. Так, например, негативное отношение человека к военным действиям, немирным путям решения тех или иных конфликтов может переноситься на блогеров.

Нередко слово блогер используется журналистами республиканских СМИ в ироническом контексте: *А в это время в городской чаще авторитетом для растущей личности становятся **блогеры, тиктокеры, хайперы и прочие виртуальные леонарды да винчи*** (СБ. 01.02.2021); *В отличие от многих современных **интернетных писателей** Кобзон оставил след в истории*

заметнее, чем все блогеры, вместе взятые (СБ. 28.11.2020); **Блогеры** (я бы даже сказала «блехеры», поскольку развелось их как блох) вроде Путило врут по-черному (СБ. 08.01.2021).

В целом для языка современных белорусских СМИ характерно использование лексем с негативными коннотациями для наименования блогера, напр. *горе-стримеры*, *ловцы хайпа*, *электронные наркоманы*, *создатели шума*, *виртуальные акулы* и др.: *Бывало, горе-стримеры заканчивали жизнь в автокатастрофах либо совершали суицид* (СБ. 23.01.2021); *Фитоняшки и ловцы хайпа, гуру и проповедники крутятся на сковородке Instagram, выдумывая новые вбросы во имя поднятия охватов* (СБ. 06.03.2020); *Эти блогеры – электронные наркоманы. Но будут биться до конца, как гладиаторы. И немногим удастся соскочить* (СБ. 06.03.2020); *Но почему одни виртуальные «акулы» оказываются в фаворитах, а другие нет?* (ЗЮ. 22.06.2017); *Суэжу об этом по серии одинаковых Instagram-девочек с ботоксными губами и смузи-мальчиков с татуиками, которые легко вовлекаются не только в челенджи «за все хорошее», но и в политические игры* (СБ. 23.01.2021).

В медиакартине современных белорусских СМИ образ блогера может выстраиваться негативно: подразумевается, что его деятельность направлена на получение известности и большого количества подписчиков, что не всегда является прямым следствием природных талантов и трудолюбия блогера – напротив, речь идет о неодобряемых социумом способах привлечения внимания. Так, о негативном отношении журналистов республиканских СМИ к деятельности блогера свидетельствуют наименования *онлайн-представление*, *онлайн-защвар*, *треи-стримы*, *шоковый контент*: *Поражает лишь то, что российские законодатели вспомнили о том, что трей-стримы опасны как для неокрепших мозгов зрителей, так и для участников онлайн-представлений, только после наишумевшей истории, когда в ходе стрима российского видеоблогера Reeflay 2 декабря умерла участница прямого эфира* (СБ. 23.01.2021); *Но, с другой стороны, если не обращать внимания на вопиющие факты асоциального поведения в сети (запрет на распространение порно я преднамеренно опускаю – с этим ситуация более-менее сносная), то онлайн-защвар так или иначе окажет негативное влияние на жизнь многих семей. Следовательно, и это моя принципиальная позиция, бороться с шоковым контентом нужно широким фронтом* (СБ. 23.01.2021); *В таких вот трей-стримах, когда ведущий совершает с собой, а чаще всего со своими гостями опасные для здоровья или просто унизительные вещи. У некоторых таких блогеров десятки, сотни тысяч подписчиков* (СБ. 23.01.2021).

Вместе с тем, на высокий социальный статус блогера указывают глаголы *советовать*, *рекомендовать*, актуализирующие стратификационный признак «способность влиять»: *С короткими прыдками по линии роста волос блогер советует управлять немного по-другому: зацепить плойкой или щипцами только их кончик и подкрутить его по возможности* (СБ. 26.01.2021); *А чтобы задание не казалось неподъемным, блогер рекомендует делить цель на составные части* (СБ. 04.01.2021). Блогеры обладают лучшей информированностью, задают тенденции, выступают в роли лидеров мнений: *Не лишним будет притянуть популярных блогеров для рекламы Браславицины* (СБ. 14.03.2021); *Блогеры – это огромная сила, и с этим нельзя не считаться. При российской Госдуме даже создали совет блогеров. С ними советуются, к ним прислушиваются, потому что понимают: они формируют общественное мнение и ведут за собой огромное количество людей* (ЗЮ. 22.06.2017). «Способность влиять» как один из критериев выделения высокого социального статуса был известен и ранее, однако именно возможность воздействия на аудиторию, связанная с активным технологическим развитием, стремительным ростом популярности социальных сетей, усилением роли медийной публичности, является продуктом современного информационного общества.

В социуме формируется отдельный класс медийных публичных людей, блогеров, внутри которого существует собственная иерархия – это находит отражение в языке СМИ, где стало возможным указание на степень популярности и уровень авторитета блогера с помощью интенсификаторов, градуаторов, категории сравнения: *Слабым, но хоть каким-то утешением для наших сограждан, попавших под демократическую раздачу, может служить то, что их товарищем по несчастью стал самый популярный блогер планеты, имеющий 80 миллионов подписчиков, – Дональд Трамп* (СБ. 21.01.2021); *Нападающий «Ювентуса» по праву получил звание самого знаменитого блогера, обогнав остальных звезд по числу подписчиков* (СБ. 04.01.2021). В языке СМИ появляется выражение *многотысячная армия блогеров*: *Некоторые представители многотысячной армии блогеров успели так отточить мастерство общения с подписчиками, что профессиональные ведущие с телевидения им в подметки не годятся* (СБ. 23.01.2021).

Подчеркнуть особенно высокий статус блогера, акцентировать внимание на его значимости и выделить лицо среди других блогеров журналисту позволяют прилагательные *топовый, настоящий*, словосочетания *главная звезда, блогер № 1*, приложения *миллионник* и *звезда: Я готов помогать писать сценарии подобных роликов, чтобы добавлять их в телешоу, клипы популярных музыкальных исполнителей, в видео **топовых блогеров*** (СБ. 16.05.2019); *Развлечений хватало: посетители могли фотографироваться с картонными фигурами **топ-блогеров**, примерить очки виртуальной реальности и сразиться с компьютерными монстрами* (ЗЮ. 22.06.2017); *У главной звезды YouTube 28-летнего шведа PewDiePie 60 миллионов подписчиков* (НГ. 09.02.2018); *Анна Бонд, блогер № 1 в Беларуси по результатам опроса, который осенью прошлого года провело Международное агентство социальных и маркетинговых исследований, говорит* (НГ. 09.02.2018); *Poodlescorp уже атаковали известные онлайн-игры и интернет-звезд. Они не раз взламывали сервера MMORPG League of Legends и нескольких блогеров-миллионников на YouTube* (СБ. 21.07.2016). Таким образом, язык СМИ позволяет ранжировать блогеров в зависимости от количества подписчиков, охватов и, соответственно, сферы влияния.

Заключение

Наблюдения над особенностями семантики наименований блогера показали, что в контекстах современных белорусских СМИ концептообразующими становятся изначально периферийные, часто имплицитные семы, как правило, с негативной оценочностью (ср.: блогер – ‘создатель блага’ и блогер – ‘непрофессионал’).

Состав лексем, обозначающих блогера, расширился с развитием информационных технологий и популяризацией социальных сетей: возникли наименования разной степени устойчивости, конкретизирующие сферу деятельности блогера в зависимости от создаваемого им контента, площадки для работы, формата информационного продукта. С точки зрения структуры, используемые в языке СМИ наименования блогера можно разделить на однословные и составные. В целом, использование наименований блогера в языке современных белорусских СМИ характеризуется значительным варьированием оценочно-экспрессивных коннотаций, отмечается разнообразие экспрессивных форм, активность метафорического переосмысления и неоднословных номинаций.

В языке СМИ нашли отражение изменения в социальной структуре общества: появление новой социальной группы – отдельного класса медийных личностей – и формирование новых связей внутри нее. Интенсификаторы, градуаторы, категории сравнения, прилагательные и приложения позволяют журналисту обозначить степень популярности и уровень авторитета блогера.

В указанных явлениях отражаются особенности лингвокогнитивной субкатегоризации имён блогера на основе сравнения блогера с другими субъектами массмедийного пространства, а также амбивалентное отношение социума к новому явлению в профессионально-трудовой сфере.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) : сб. ст. / отв. ред. Е. А. Земская. – М., 2000. – С. 90–141.
2. Проект «Словаря русского языка XXI века». Образцы словарных статей / Г. Н. Скляревская [и др.] // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. – 2019. – Vol. 1, № 1. – P. 136–311.
3. Норман, Б. Ю. Конструкции с местоимением мы: формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности / Б. Ю. Норман, А. М. Плотникова // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. – 2016. – Т. 6, № 6. – С. 126–138.
4. Михальченко, В. Ю. Социолингвистика в России / В. Ю. Михальченко, Т. Б. Крючкова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 5. – С. 116–142.
5. Зайцева, Е. А. Наименования лица в русском языке начала XXI века : словарь-справочник / Е. А. Зайцева. – Самара : ПГСГА, 2013. – 256 с.
6. Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка (круглый стол) [Электронный ресурс] / Е. М. Маркова [и др.] // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та (электронный журн.). – 2017. – № 1. – Режим доступа: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/799>. – Дата доступа: 20.08.2021.

7. Гузаерова, Р. Р. Блогер или блогерша: русские феминитивы с формантов -ш(а) в современном медиапространстве / Р. Р. Гузаерова // Ученые записки Казанского университета. – 2019. – Т. 161, кн. 5–6. – С. 105–116.

8. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – 176 с.

Поступила в редакцию 31.08.2021

E-mail: miroshnichenko_as@inbox.ru

A. Miroshnichenko

«HYPE CATCHERS» AND «VIRTUAL SHARKS»:
NOMINATIONS OF A BLOGGER IN RUSSIAN TEXTS OF THE BELARUSIAN MASS MEDIA

The article presents the results of observations on the peculiarities of the semantics of nominations of a blogger, functioning in the Russian-language texts of the Belarusian mass media. Composition of considered nominations, their structural and semantic types are characterized on the basis of an onomasiological approach. The practice of using nominations of bloggers in journalistic texts is analyzed. The communicative, value and pragmatic attitudes of the authors are taken into account. The conclusion is made that the language of mass media reflects new phenomena in the stratification structure of society, including such an emergence of a new stratification feature as 'publicity'. The significant variation in evaluative-expressive connotations, the variety of expressive forms, the activity of metaphorical rethinking and non-single-word nominations are noted. The ambivalent attitude of society towards a new phenomenon in the professional and labor sphere is reflected in these phenomena.

Keywords: language of mass media, social vocabulary, nomination of a person, blogger, social status, media text.

МДПУ ІМ. І. П. ШАМЯКІНА

УДК 81'06: 811.161

А. В. Никитевич

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии,
УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы», г. Гродно, Республика Беларусь

О ДЕРИВАЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ОТДЕЛЬНЫХ МОРФЕМ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ. ПРЕФИКС НЕДО-

В статье анализируется деривационный потенциал префикса НЕДО- в русских народных говорах. На значительном по объему фактическом материале рассматриваются производные слова различных лексико-грамматических разрядов и лексико-семантических групп. Особое внимание уделено словам с когнитивно значимой семантикой, представляющим значения, которые не имеют однословного выражения в системе литературного языка.

Ключевые слова: деривационный потенциал морфем, когнитивно значимая диалектная лексика.

Введение

Словообразовательная структура и семантика производных слов, зафиксированных в русских народных говорах, представляет несомненный интерес с ономаσιологической точки зрения. Каков процесс создания номинации, какие компоненты и в какой конфигурации должны быть синтезированы, чтобы было представлено данное, вполне конкретное значение? Вот основное направление лингвистической мысли, когда мы смотрим на словообразование не как на готовый результат деятельности человека, а как на процесс порождения нового, в чем-то совершенно необычного для рядового носителя языка знака. Настоящее исследование является продолжением работы автора по изучению различных особенностей диалектного словообразования, детальное освещение которых нашло отражение в целом ряде работ, в том числе монографических [1]–[5].

Методы и методология исследования

Материалом для настоящего исследования послужили производные слова с префиксом *недо-*, представленные в Словаре русских народных говоров. Автор прежде всего обращал внимание на производные единицы, представляющие значения, не имеющие однословного выражения в подсистеме русского литературного языка. Например: *недоглядьши* 1. 'Ребенок, оставшийся без присмотра, надзора'. Диалектные слова с префиксом *недо-* рассматриваются и в составе некоторых фрагментов словообразовательных гнезд как свидетельство деривационного потенциала языка русских народных говоров.

Результаты исследования и их обсуждение

Известная свобода появления производных слов в диалектной речи может затрагивать как отдельные семантические группы слов [6]–[8], лексико-грамматические классы (например, слова-отнумеративы, см. подробнее в [5]), так и отдельные словообразовательные модели и номинативные ряды [9]. В частности, заслуживает внимания анализ производных единиц, имеющих в своем составе вполне определенную морфему, например, префикс *недо-*. В [10, т. 7, с. 802] значение этой приставки трактуется следующим образом:

«Недо-» «Сложная приставка, придающая слову значение неполноты, недостаточности действия, отсутствия нужной меры, нормы, степени и т. п., например: *недовидеть, недослышать, недоспать, недобор, недосев, недоразвитый, незрелый* и т. п.»

В русских народных говорах производные единицы с префиксом *недо-* представляют собой достаточно многочисленный класс слов (165 единиц). Любопытно, что в также немаленьком перечне слов с префиксом *недо-* в Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова [11, т. 2, с. 616–618] приводятся лишь единичные примеры диалектных слов. При этом в ряде случаев известно в системе литературного языка слово в говорах может «образовать» большим числом деривационно родственных ему производных с когнитивно значимой семантикой. Так, к примеру, в русском литературном языке есть глагол *недоглядеть*. В говорах его «дополняют» восемь слов. Ср.:

Недоглядливый 'Неспособный хорошо присматривать за кем-, чем-либо'. *Какой ты недоглядливый!* Мещов. Калуж., 1892.

Недоглядность 'Недостаточный присмотр'. Рыб. Ярослав., 1907.

Недоглядный 'Не имеющий достаточного присмотра'. *Недоглядное хозяйство*. Даль [без указ. места]. Новорж. Пск., 1910.

Недоглядчивый 'То же, что недоглядливый'. *Недоглядчивая птичница*. Даль [без указ. места].

Недоглядываться 'Проявлять оплошность при наблюдении за кем-, чем-либо или не замечать кого-, что-либо по невнимательности'. *До хозяйства недоглядываются. Я недогляделась, ошиблась*. Новорж. Пск., 1910.

Недоглядыш 1. 'Ребенок, оставшийся без присмотра, надзора'. Даль [без указ. места]. *Так недоглядышем и растет. Как-то еще хорошо учится ваши недоглядыши, а мы со своим бьемся, все занимаемся*. Хакас. Краснояр., 1960. 2. 'Небрежно одетый человек'. Новорж. Пск., 1910.

Недоглядеться. См. Недоглядываться.

Недоглядь 1. 'То же, что недоглядность'. Даль [без указ. места]. 2. 'Тот, кто плохо присматривает, наблюдает за кем-, чем-либо'. Пск., Осташк. Твер., 1855 [12, т. 21, с. 19].

Нельзя не поразиться, какой перед нами когнитивно значимый фрагмент гнезда слов с префиксом *недо-*, многовекторно «продолжающий» семантику глагола *недоглядеть!*

Заслуживают внимания и случаи своеобразного «восполнения» грамматической «недостаточности» известного в литературном языке и синонимичного диалектному глаголу. Сравним, с одной стороны, одновидовой в системе литературного языка глагол *недоосмотреть* (сов. вид) и противоположный ему по виду диалектный глагол:

Недовидеть, несов., перех. и неперех. 'Не замечать чего-либо по невнимательности, небрежности'. *Он недовидел и меня всего окатил*. Крив. Том., 1964.

Здесь же, в рамках родственного деривационного поля, заслуживают внимания следующие диалектные слова:

Недовидок 'Тот, кто плохо видит, у кого плохое зрение'. Пск., Осташк. Твер., 1855.

Недовид 'То же, что недоглядность'. Пск., Осташк. Твер., 1855.

Как известно, «многообразие значений производных номинаций в русских народных говорах – это следствие ярко развитой омонимии и многозначности аффиксов. При этом аффиксы способны представлять не только систему различных значений, но и могут передавать различные частные оттенки одного значения» [7, с. 56–57]. Хотя, безусловно, в большинстве случаев многообразие лексических значений производных слов может объясняться взаимодействием семантики аффикса и лексического значения производящей основы. В рамках некоторых лексико-грамматических разрядов рассматриваемых нами слов, в частности, имен существительных, можно выделить целые группы единиц с интересной, когнитивно значимой семантикой, представляющие вполне конкретное словообразовательное значение. Так, заслуживают внимания слова, называющие характерную особенность, то или иное состояние, качество, свойство. Ср.:

Недовлада 'Состояние человека, потерявшего власть'. Даль [без указ. места].

Недоступь 1. 'Качество лошади с коротким шагом, медленным ходом'. Углич. Яросл., Слов. карт. ИРЯЗ. 2. 'То же, что недоступ'. *У меня черногривка недоступь была*. Нижнеилим. Иркут., 1970.

Недобел 1. 'Низкое качество отбеливания нитей и тканей'. *Перебел хуже недобелу* (недобеленные нити и ткани крепче перебеленных). Даль [без указ. места].

Недобайка 1. 'Умолчание о чем-либо; осторожность в разговорах'. *Недобайка лучше перебайки*. Даль [без указ. места].

Недовык 'Отсутствие или недостаточность навыка в чем-либо'. Пск., Осташк. Твер., 1855. *Дело не спорится от недовыку*. Даль [без указ. места].

Недоговор 1. 'Неточное или плохое произнесение слова'. *Язык тут русский, только недоговоры есть*. Попав. Лит. ССР, 1963.

Недожѣв 'Недостаточное пережевывание пищи'. Даль [без указ. места]. *У старого коня недожѣв*. Новорж. Пск., 1910.

Недоиск 'Что-либо не найденное'. Новорж. Пск., 1910.

Недопар 'Неполное, недостаточное распаривание чего-либо'. Шадр. Перм., 1924.

1. *Недоспех* 'Недостаток времени для выполнения чего-либо'. Даль [без указ. места].

Недостойм (*недостой*) 'Невыполнение какого-либо условия, обещания, дела'. Пск., Осташк. Твер., 1855.

Недоум 'Недостаток ума'. Пск., Осташк. Твер., 1855.

Недомысел 'Недостаток сметливости'. Пск., Осташк. Твер., 1855.

Недоширенный. 'Не имеющий нормальной ширины (о ткани)'. Шупск. Влад., 1930.

Значительное количество производных единиц с префиксом *недо-* – это слова, называющие различные наименования лица, в том числе и по характеризующему признаку. Ср.:

Недолыга 'Человек, не умеющий (хорошо) лгать'. Даль [без указ. места].

Недовранный 'Не навравшийся вдоволь'. *Он всем много врал и все же ушел недовранный*. Кирил. Волог., 1896–1920.

Недогрызок 'О человеке, который грубо, сердито отвечает, огрызается'. *Недогрызок ты така! Ты сказал ты хоть кому ласковое слово?* Зап.-Брян., 1957.

Недосилок 1. 'Подросток, не имеющий еще достаточной силы'. Бурнашев [без указ. места]. Колым. Якут., 1901. Новорж. Пск. *Парень-то еще в недосилках был, пятнадцать годов всего*. Кольск. Арх. 2. 'Слабый во всех отношениях человек'. Урал., Бирюков, 1967.

Недослуга 'Неуслужливый человек'. Новорж. Пск., 1910.

Недослуженный 'Недослуживший свой срок в армии'. *Один брат у меня там, вон остался в Турции недослуженный*. Казаки-некрасовцы, 1969.

2. *Недоспех* 'Человек, отстающий в работе'. Новорж. Пск., 1910.

Недопря 'Ленивая или неумелая пряжа'. Даль [без указ. места].

Недосуля 'Человек, легко дающий, но не выполняющий обещаний'. Новорж. Пск., 1910 [12, т. 21, с. 33]. Ср.: *посулить*.

Недотычка 1. 'Человек, не любящий, когда к нему прикасаются'. Смол., 1914.

Недомоя 'Плохо умытый человек'. *Все девки беленьки, Все румяньки, Одна девка кукумоя, Наталья недомоя*. Олон., Архив АН.

Недовода 'Тот, кто, вода в детской игре, самовольно ее прекращает'. Александр. Влад., 1910.

Некоторые из «характеристик» лица, нашедшие воплощение в виде отдельного, производного слова, безусловно, когнитивно значимы, актуальны для социокультурного пространства любого языка. Ср.: 'Человек, не умеющий (хорошо) лгать', 'Человек, легко дающий, но не выполняющий обещаний', 'Плохо умытый человек' и др. Ряд подобных значений представлен словами с неочевидной внутренней формой: их сложно проанализировать на фоне других родственных слов. Ср.:

Недойма 'Тот, кто перестал слушаться'. Даль [без указ. места].

Недопха 'Неловкий, неуклюжий и глупый человек'. Южн., Даль.

В ряде случаев мы рассматриваем слова (в том числе и наименования лица) с нехарактерным для системы литературного языка наличием «отрицательного» префикса *не-*. Ср.:

Недокука 'Человек, который не любит, чтобы его о чем-либо просили'. *Дядя Василий недокука*. Ветл. Костром., 1924. Тобол.

Недоедок 'Человек, который никогда не доезжает до нужного места'. Пск., Осташк. Твер., 1855.

Последний пример (ср. также семантику слова *недохлеба*) является красивой иллюстрацией на тему «Любая, даже сиюминутная или по обстоятельствам, потребность может быть реализована в отдельном наименовании!»

Не могут не обратить на себя внимания и слова с достаточно своеобразной внутренней формой, специфика которой очевидна благодаря наличию в русском языке других, хорошо нам известных слов. Ср.:

Недодвига 'Ленивый или медлительный человек'. Медын. Калуж., 1849. Ср. также *недозева*.

Недоступь 3. 'Гордый, важничавший человек'. Углич. Яросл., Слов. карт. ИРЯЗ.

Недоберега 'Недотрога'. Охан. Перм., 1930.

Недодолха 'Недостаточно проконопаченная **мхом** изба'. Новорж. Пск., 1910.

Последнее слово примечательно комбинаторикой морфем и их «соединением»: очевидно частичное наложение двух корневых морфем слов *дом* и *мох*.

Большим числом производных представлена группа имен существительных, обозначающих как конечный результат неполноту, незавершенность того или иного действия или процесса. Ср.:

Недополка 'Неполная, недостаточная прополка посевов'. *Недополка огорода, гряд*. Макара. Костром., 1895–1897.

Недоливки 'Недопитые остатки чего-либо, опивки'. Рыб. Яросл., 1907. Новорж. Пск. *Наши недопивки и наши недоедки*. Смол. Брян.

Недопилка 'Неполная распилка чего-либо'. *Недопилка досок*. Даль [без указ. места]. *В бревне недопилка*. Углич. Яросл., Слов. карт. ИРЯЗ.

Недоглодок (недоглодыш) 'Оставшийся несъеденным кусок какой-либо пищи (пирога, мяса и т. п.)'. Углич. Яросл., 1907. Новорж. Пск.

1. *Недокол* 'Незаконченная работа по раскалыванию чего-либо'. *В дровах оказался недокол*. Углич. Яросл., Слов. карт. ИРЯЗ.

Недокруть 'Недостаточное скручивание нитей при их изготовлении'. Даль [без указ. места]. Новорж. Пск., 1910.

Недомин 'Неполное, недостаточное разминание чего-либо'. *Недомин кожи*. Даль [без указ. места]. Покр. Влад., 1895–1897. Новорж. Пск.

Недопарок 1. 'Что-либо недостаточно распаренное'. Пск., Даль. || Плохо распаренный веник. Пск., Осташк. Твер., 1855.

Недоруток 'Неоконченная часть плотничьей работы'. *На колодец лесу не хватает, большой недоруток будет*. Рыб. Яросл., 1907.

Недобой 2. 'Недостаточное количество добытого на охоте зверя'. *Промышленники изубытчились недобоем тюленя*. Даль [без указ. места].

Недовед 'Недостаточность сведений, знаний'. Пск., Осташк. Твер., 1855.

Недорезка 'Нехватка площади в отмеренном земельном наделе'. *В моем наделе недорезка*. Пск., Смол., 1919–1934.

Недопрос 'Недостаточное расспрашивание, выпрашивание'. Костром., 1895–1896.

Недорассужденье 'Недостаток рассудительности; непонимание чего-либо'. Росл. Смол., 1914.

Недорозум 1. 'Незрелый ум'. Пск., Осташк. Твер., 1855. 2. 'Недомыслие; недостаточная обдуманность чего-либо'. *Мой недорозум: не надо было так говорить*. Новорж. Пск., 1910.

Недотёрый 'Кусок недотертого на терке картофеля'. Южн. р-ны Горьк., 1969.

Недород 'Недозревший хлеб'. Зайков., Сл.-Турин. Свердлов., 1971.

На фоне общеизвестного в литературном языке слова *недочеловек* достаточно любопытны следующие диалектные наименования животных:

Недолись (недолиса) 1. 'Лисица после линьки, с еще неполноценной шерстью'. Слов. Акад. 1814. *Дошлая [лисица] от недолиси отличается тем, что оконечность хвоста у взрослой всегда белая*. Сиб., Камч., 1842.

Недопесец (недопесь) 'Молодой пёс с одномастной, но еще не запушившейся шерстью'. *В октябре, на короткое время, крестоватики [песцы-щетки] превращаются в одноцветных серых с не запушившейся еще шерстью недопесцов*. Максимов, Год на Севере. Мезен. Арх., 1885.

Недотель 'Молодая, еще не телющаяся корова'. Пск., Осташк. Твер., 1855.

Недоходь 1. 'Белка с не вылинявшей шерстью'. Осташк. Калин., 1946.

Среди производных слов с префиксом *недо-*, по вполне объяснимым причинам, определенную часть представляют глаголы. Ср.:

Недоразумиться 'Не сообразить, обнаружить недогадливость'. Новорж. Пск., 1910.

Недопользовать 'Не полностью использовать что-либо'. *Недопользовала отпуск, да еще за семидесятый пользовала отпуск*. Пинеж. Арх., 1971.

Недопирать 'Неплотно закрывать'. *Двери всегда недопирает*. Вохом. Костром., 1978.

Недозимовать 'Не дожидаться конца зимы'. Кирил. Волог., 1896–1920.

Недокарзатъ 'Не обрубить до конца сучья (у спиленного дерева)'. Кирил. Волог., 1896–1920.

Недобаситься 'Не полностью, не до конца принарядиться, приукраситься'. *Она басилась, но недобасилась*. Кирил. Волог., 1896–1920.

В последнем случае обращает на себя внимание семантика глагола.

Встретился и интересный в смысловом отношении пример деепричастия. Ср.:

Недотопчучи, дееприч. [?]. Фольк. 'Не дотаптывая, не изнашивая окончательно (об обуви)'. *Чоботы топчи, чоботы топчи недотопчучи*,

Платья носи не онашивай (песня). Перм., 1927.

Особого внимания заслуживают не зафиксированные (по вполне понятным причинам) лексикографией современного русского литературного языка [10] и характерные только для говоров лексико-словообразовательные значения, как единичные, так и представленные группами производных слов. Они могут быть изолированными номинациями, а также образовывать небольшие фрагменты гнезд (словообразовательные пары и более сложные по конфигурации объединения) [13, с. 159]. Ср.:

Недорезок 1. 'Что-либо недорезанное'. Рыб. Яросл., 1907. Новорж. Пск. 2. 'Толстый конец бревна, который не распиливают, а колют топором'. Новорж. Пск., 1910.

Недорезочек 'Уменьш.-ласк. к недорезок (в 1-м знач.)'. Рыб. Яросл., 1907.

Недомовник 2. 'Человек, оставшийся дома не для хозяйственных надобностей, а по каким-либо другим причинам'. Макар. Костром., 1895–1896.

Недомовница. 'Женск. к домовник (во 2-м знач.)'. Макар. Костром., 1895–1896.

- Недослух* ‘Плохой слух, глуховатость’. Даль [без указ. места]. Новорж. Пск., 1910.
- Недослушливый* ‘Имеющий плохой слух; невнимательно слушающий’. *Он недослушливый такой, другие все слышат, знают, а у него все мимо ушей*. Новорж. Пск., 1910.
- Недохлеб* ‘Остатки чего-либо недоеденного’. *Недохлебы щей и каши*. Кирил. Волог., 1876–1920.
- Недохлеба* ‘Тот, кто не доедает за едой (обедом, завтраком и т. п.)’. Кирил. Волог., 1896–1920.
- Недоволиться* ‘Быть недовольным, неудовлетворенным чем-либо’. *Он недоволится ничем*. Молчан. Том., 1964.
- Недоволка* ‘Недовольный чем-либо человек; человек, которому трудно угодить’. *Недоволка ушел, вот какой человек – все ему неладно*. Хвойник. Волог., 1937.
- Недоволь* ‘То же, что недоволка’. Пск., Осташк. Твер., 1855.
- Недовольник* ‘То же, что недоволка’. Даль [без указ. места]. Новорж. Пск., 1910.
- Недовольница* ‘Женск. К недовольник’ Даль [без указ. места], Яросл., 1907. Пск.
- Недовольничать* ‘Выражать недовольство’. *Никто недовольничать не будет*. Пинеж. Арх., 1968.
- Хорошо известно, что разные подсистемы одного и того же языка, «обладающие сходной словообразовательной техникой, могут продемонстрировать различные результаты в “деле” словообразовательного синтеза, что приводит к наличию словообразовательных лагун» [14, с. 921]. На фоне привычных для нас слов русского литературного языка диалектные производные слова в подавляющем большинстве своем представляют такие единицы, внутренняя форма и семантика которых просто поражают! Ср.:
- Недоброть* 1. ‘Вещь, сделанная недоброотно, непрочно’. Пск., Осташк. Твер., 1855. 2. ‘Непрочность, плохое качество вещи, предмета’. Пск., Даль. Ср.: добротный.
- Недоброд* 2. ‘Участок луга, границы которого при разделе отмечены следами ног на росистой траве’. *У него боле травы будет: он недоброды скосить норовит*. Влад., 1895.
- Недоборон* ‘Поле, которое боронят только вдоль’. *Недоборон – проборонят поле вдоль, а попереk не станут, а если вдоль и попереk – это хорошо проборонят*. Новосиб., 1971.
- Недобой* 1. ‘При убое скота – недостаточно сильный удар, от которого животное не погибает сразу’. *Вол, от недобой обухом, сорвался с бойни и обсвирепел*. Даль [без указ. места].
- Недомах* ‘Удар с небольшого размаха’. Даль [без указ. места]. «Например, когда колют свиней». Новорж. Пск., Чернышев, 1910.
- Недворошка* 1. ‘Сено, которое плохо ворошили, и оно осталось недостаточно просушенным’. Покр. Влад., 1895–1897.
- Недокута* 1. ‘Недостаточная изоляция жилища от холода’. Недокута избы. Даль [без указ. места]. Новорж. Пск., 1910.
- Недомовник* 1. ‘Не заботящийся о благополучии своего дома, хозяйства, домовитый человек’. Пск., Осташк. Твер., 1855.
- Недонукается* ‘Не смочь заставить кого-либо что-либо сделать’. *Бригадир меня хвалил за то, что мне надо скоря да скоря, а то молодых-то недонукаешься*. Соликам. Перм., 1973.
- Недопродыш* ‘Оставшийся непроданным товар’. Пск., Осташк. Твер., 1855.
- Недоруб* 1. ‘Что-либо, оставшееся недорубленным’. Шадр. Перм., 1924. || Невырубленный участок плохого леса. *Тут недорубы были, оставляют лес, плохой*. Вохом. Костром., 1976.
- Недосохлина* ‘Что-либо недостаточно просохшее, высушенное’. Пск., Осташк. Твер., 1855.
- Недострижка* 1. ‘Неоконченная стрижка’. Даль [без указ. места]. Новорж. Пск., 1910.
- Недоцвельй* ‘Не достигший полного расцвета’. *Как мое-то ряженое – недорослое деревцо*, *Недоцвельй Лазарев цвет*. Солигал. Костром., Шейн.
- Недоширенный*. ‘Не имеющий нормальной ширины (о ткани)’. Шупск. Влад., 1930.
- Недошитки* ‘Недошитые вещи (платья, рубашки и т. п.)’. *У меня к празднику-ти останутся много недошитков*. Рыб. Яросл., 1907. [12, т. 21, с. 36].

Заклучение

Деривационный потенциал и одной, вполне конкретной словообразовательной морфемы может привести к вовлечению в исследовательское поле значительное число в каком-то отношении новых, необычных по своей внутренней форме единиц, а «различные объединения родственных слов (словообразовательные цепочки, парадигмы, более сложные структуры, вплоть до словообразовательных гнезд и их фрагментов), безусловно, могут быть включены в поле рассмотрения с когнитивной точки зрения» [15, с. 194] и представляют достаточно интересный объект исследования и на материале русской народной речи.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Никитевич, А. В. Деривация и смысл [монография] / А. В. Никитевич ; Учреждение образования «Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы». – Гродно : ГрГУ. 2014. – 233 с.
2. Никитевич, А. В. Русская народная культура в зеркале словообразования / А. В. Никитевич // Cuadernos de Rusística Espanola. – 2017. – № 13. – С. 30–42.
3. Никитевич, А. В. Очерки по диалектному словообразованию : [монография] / А. В. Никитевич ; Учреждение образования «Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы». – Гродно : ЮрСаПринт, 2020. – 126 с.
4. Никитевич, А. В. Семантика числа, числительные и деривация как процесс в русских говорах / А. В. Никитевич // Cuadernos de Rusística Espanola. – 2020. – № 16. – С. 15–25.
5. Никитевич, А. В. Магия числа и деривация в русских народных говорах : [монография] / А. В. Никитевич ; Учреждение образования «Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы». – Гродно : ЮрСаПринт, 2021. – 171 с.
6. Янковская, С. А. Производные номинации лексико-семантической группы «Цветы» в русских народных говорах / С. А. Янковская // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2018. – № 1 (51). – С. 164–168.
7. Янковская, С. А. Семантико-словообразовательные особенности производных ихтионимов в русских народных говорах / С. А. Янковская // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2018. – Т. 8, № 3. – С. 54–60.
8. Янковская, С. А. Семантико-словообразовательные особенности наименований птиц в русских народных говорах / С. А. Янковская // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 41–49.
9. Дорош, Н. Л. Номинативные ряды отсубстантивных глаголов, соотносимых с именами натурфактами, в русском и белорусском языках / Н. Л. Дорош // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2019. – № 1. – С. 67–73.
10. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Академия наук СССР. Ин-т русского языка. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965. – Т. 1–17.
11. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985. – Т. 1–2.
12. Словарь русских народных говоров. – М. ; СПб. : Изд-во Академии наук СССР: Институт лингв. исследований Рос. акад. наук, 1965–2016. – Выпуски 1–49.
13. Никитевич, А. В. Наименования лица по внутренним и внешним характеристикам в составе фрагментов лексико-словообразовательных гнезд / А. В. Никитевич // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : сб. ст. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г. : в 2 ч. / редкол.: О. И. Уланович (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – Ч. 2. – С. 155–160.
14. Никитевич, А. В. О понятии «безэквивалентность» при сопоставлении близкородственных языков // II Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы», Гранада, 8–10 сент. 2010. – Мадрид, 2010. – Т. 1. – С. 921–926.
15. Никитевич, А. В. Комплексные деривационные структуры в отношении к когнитивным структурам знания / А. В. Никитевич // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка : Труды и материалы / под общ. ред. М. Л. Ремневой и А. А. Поликарпова. – М., 2001. – С. 194.

Поступила в редакцию 05.01.2022

E-mail: anikit@inbox.ru

A. V. Nikitsevich

DERIVATIONAL POTENTIAL OF SPECIFIC MORPHEMES IN RUSSIAN DIALECTS
OF PREFIX НЕДО-

The article analyzes the derivational potential of the prefix недо- in Russian dialects. Derived words of various lexical-grammatical categories and lexical-semantic groups are considered on the substantial factual material. Particular attention is paid to words with cognitively significant semantics representing meanings that do not have one-word expression in the system of the literary language.

Keywords: derivational potential of morphemes, cognitively significant dialectal vocabulary.

УДК 811.161.1'367.333

Е. И. Тимошенко

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания, УО «Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь

ВВОДНЫЕ СЛОВА И КОНСТРУКЦИИ КАК ПРИЗНАК СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕЭЛЕМЕНТАРНОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В статье обосновывается скрытая полипредикативность предложений, включающих в свой состав вводные слова, сочетания и предложения. Дополнительная предикативность, выражаемая вводным компонентом, может быть связана с передачей самостоятельной логической пропозиции, как правило, характеризующего (квалифицирующего) или каузального типа, или дополнительных модусных смыслов, в том числе несущих метатекстовую нагрузку. Подобным предложениям свойственна асимметрия грамматической структуры и содержания.

Ключевые слова: вводные конструкции, дополнительная предикативность, логическая пропозиция, модусный смысл, метатекстовая функция, асимметрия грамматической и содержательной структуры предложения.

Введение

Вводные слова и конструкции, которые в последнее время принято обозначать как вводные компоненты, традиционно включаются в список синтаксических явлений, осложняющих предложение. Несмотря на разнообразие функционально-семантических типов вводных конструкций, в них усматривается общий признак – приспособленность к выражению отношения говорящего к сообщаемому, его характеристики, оценки, которая понимается очень широко (как модальная, эмоциональная и экспрессивная) [1, с. 228–229], [2, с. 631], [3, с. 247], [4, с. 646–647]. Начиная с работ А. А. Шахматова и А. М. Пешковского вводные компоненты характеризуются как «слова, стоящие <...> вне предложения» [5, с. 265], «внутренне чуждые» предложению, в состав которого они входят, не имеющие с ним грамматической связи и обнаруживающие связь исключительно смысловую [6, с. 410], [7, с. 39]. А. А. Шахматов высказывал мысль о некоторой аналогии между значением и грамматической функцией вводных слов и значением и функцией обстоятельств, указывая, однако, что связь вводных слов со сказуемым гораздо слабее, чем связь с ним обстоятельств. Формальным же отличием вводных слов от обстоятельств А. А. Шахматов считал «возможность быть замененными полным предложением» [5, с. 265].

На способность модальных слов, которые регулярно выступают в предложении как вводные, к выражению предикативности обратил внимание В. В. Виноградов: «...синтаксическая подвижность модальных слов <...> предопределяет их способность, их потенцию примыкать к разнородным членам предложения – именным, наречным синтагмам, а не только к глаголу и даже предикату вообще. С таким применением модальных слов может быть связана своеобразная полипредикативность предложения и подвижность, многообразие модальной окраски предложения и его членов» [8, с. 77]. На разное «количество предикативности», которое выражается в предложениях с разными типами вводных конструкций – вводными словами, сочетаниями и предложениями, – указывают авторы учебника «Современный русский язык» под редакцией Е. И. Дибровой. Разумеется, наибольшей степенью предикативности обладают вводные предложения, а также вводные слова, представленные глагольными формами (которые бывает трудно отграничить от вводных предложений). Однако скрытой предикативностью (модальной оценкой) обладают и вводные слова именного происхождения; такая конструкция может быть развернута в самостоятельное предложение: *Дуб, известно, растет медленно. – Дуб растет медленно. Это всем известно* [9, с. 234–236].

В статье «Вводно-модальные слова в предложении и в тексте» Г. А. Золотова выделяет еще одну функцию вводных слов, имеющих значение разной степени достоверности высказывания, – функцию разграничения разных коммуникативных регистров (образительного и информационного) и функцию указания на смену субъектных планов повествования [10, с. 211]. По мнению ученого,

вводные слова со значением эмоциональной оценки принципиально отличаются от слов со значением какой-либо степени достоверности: «Предложения с ними должны рассматриваться как полипредикативные единицы, с причинно-следственными отношениями. *К изумлению, узнал – узнал с изумлением – узнал, и поэтому изумился – изумился, потому что узнал* и т. д.» [10, с. 212–213].

Целью статьи является обоснование семантической неэлементарности предложений, содержащих вводные компоненты любых семантических типов.

Основным **методом** исследования является метод семантического развертывания, позволяющий убедиться в семантической неэлементарности предложения, содержащего вводную конструкцию, иначе говоря – замена вводной конструкции предикативной единицей.

Результаты исследования и их обсуждение

По наблюдениям авторов «Русской грамматики», в роли вводно-модальных слов не могут употребляться слова с конкретно-предметными значениями: «со стороны лексико-семантической эта группа ограничена глаголами, именами, наречиями и фразеологизмами со значением речи, мысли, восприятия, оценки, эмоциональных, интеллектуальных, волевых, узуальных состояний, разнообразных отношений, связей и зависимостей, меры, степени, качества или количества» [1, с. 229]. Этим обстоятельством, на наш взгляд, обусловлена семантическая неэлементарность предложений, включающих в свой состав любые вводные компоненты. (Под семантически неэлементарным понимается предложение, содержание которого может быть представлено с помощью двух (или более) предложений [11, с. 118].) Подобные предложения являются асимметричными, обнаруживают несоответствие грамматической структуры содержанию и при грамматической монопредикативности содержат не одно предикативное сообщение или оказываются полипропозитивными. Вводные слова и конструкции абсолютно всех функционально-семантических типов обладают в составе предложения явной или скрытой предикативностью, в случае латентной предикативности могут быть развернуты в самостоятельную предикативную единицу и при этом выражают дополнительные модусные смыслы или какой-либо тип логической пропозиции. Рассмотрим данное положение более подробно.

Известно, что в современном синтаксисе отдельную область исследования составляет семантическая организация предложения, которое рассматривается как номинация события. По точному определению Н. Д. Арутюновой, «денотатом предложения в принципе не может быть вещь», предложение есть отражение какого-либо события, ситуации, положения дел. Одним из направлений изучения семантики предложения является его описание через понятие пропозиции. Под пропозицией понимается семантическая модель положения дел, центром которой является предикат, иначе говоря – «объективная семантическая константа», «стабильное семантическое ядро» предложения [12, с. 401]. Различают пропозиции событийные и логические. Событийная пропозиция отражает какое-либо объективно существующее положение дел, логическая – интерпретацию события говорящим, установление связей и отношений между явлениями и предметами объективного мира, представляет собой результат мыслительной деятельности по осмыслению этих связей. К событийным относят пропозицию существования (бытийную), пропозиции состояния, движения и восприятия. К логическим относятся пропозиции характеристики, отождествления (идентификации), различные релятивные (соединительные, сопоставительные, противительные, подобия, разделительные) и каузальную пропозицию, включающую в себя такие разновидности, как условная, причинная, следственная и уступительная [13, с. 15–24].

Наиболее очевидна полипропозиционность предложений, содержащих вводные компоненты со значением эмоциональной или рациональной оценки. Нет сомнений, что вводный компонент в таких случаях может быть развернут в самостоятельную предикативную конструкцию, передающую характеризующее, квалифицирующее значение. Приведем примеры предложений, осложненных не вводными предложениями, предикативность которых очевидна, а вводными словами и словосочетаниями: *Вот однажды, на беду, Маша разбила кувшин* (В. Ф. Одоевский) (здесь и далее примеры заимствованы из Национального корпуса русского языка [14]). – *Маша разбила кувшин, и это была беда*; *Странное дело, в глазах его был тот же косоватый отблеск тревоги, как и у полковника Мальшова, начиная с четырех часов утра* (М. А. Булгаков). – *В глазах его был тот же косоватый отблеск тревоги, и это было странно*. Для вводных конструкций, называющих источник оценки, характерно соединение нескольких функций – функции квалифицирующей логической пропозиции, функции событийной пропозиции восприятия и функции выражения модусных смыслов, сравн.: *К моему удивлению, мое сообщение очень заинтересовало профессора* (В. Войнович). – *Мое*

сообщение очень заинтересовало профессора, и это было для меня удивительно (во второй предикативной части квалификация ситуации – логическая пропозиция). – *Мое сообщение очень заинтересовало профессора, и я был этим удивлен* (во второй предикативной части событийная пропозиция восприятия). – *Я удивился тому, что мое сообщение очень заинтересовало профессора* (в первой предикативной части модусное значение отношения к сообщаемому).

Дополнительные модусные смыслы передаются предложениями с вводными компонентами, называющими источник сообщения. В лингвистике принято разграничение собственно мысли или факта, передаваемых предложением, и «акта ее утверждения говорящим» [12, с. 401]. Второй слой семантики передается так называемыми «вторичными предикатами», выражающими истинность / ложность сообщаемого. Подобные же модусные смыслы передаются вводными конструкциями, выражающими степень достоверности передаваемой информации. В любом случае модусная информация может быть представлена самостоятельной предикативной конструкцией: *Кто-либо думает, что...* (для предложений с вводным компонентом, нейтрально указывающим на источник информации) и *Кто-либо уверен, сомневается, предполагает* и т. п., *что...* (для предложений с вводным компонентом, подчеркивающим значение какой-либо степени достоверности сообщаемого). Например: *И действительно, по словам Корнея Чуковского, «это был человек очень насмешливый, колкий, занозистый»* (Н. М. Олейников). – *Корней Чуковский считал, что это был человек очень насмешливый, колкий, занозистый; По всей видимости, домик я себе куплю* (М. М. Пришвин). – *Домик я себе куплю, скорее всего, будет именно так. – Нет необходимости сомневаться в том, что домик я себе куплю.*

Дополнительные модусные смыслы, которые, по-видимому, могут сопрягаться с пропозитивными квалифицирующими смыслами, свойственны предложениям с вводными компонентами, характеризующими способ передачи информации. Например: *Одним словом, в какие-нибудь два-три часа определилась моя судьба* (Г. И. Чулков). – *В какие-нибудь два-три часа определилась моя судьба, если сказать коротко.* Наличие оценочных слов в составе подобной вводной конструкции позволяет говорить о дополнительной логической пропозиции характеризующего типа, сравн.: *У Долли есть склонность, мягко говоря, нахальничать* (В. В. Набоков). – *У Долли есть склонность нахальничать, и это мягкая оценка ее поведения; Небо там, знаете, синее, твердое, вроде стеклянное или, лучше сказать, фарфоровое* (В. П. Катаев). – *Небо там, знаете, синее, твердое, вроде стеклянное, но «фарфоровое» – это лучший вариант; Да, собственно говоря, – ученья-то у меня было мало* (В. А. Гиляровский). – *Если говорить по существу, ученья-то у меня было мало.* Разумеется, обращает на себя внимание то обстоятельство, что все вводные конструкции рассматриваемого типа содержат лексику со значением речевой деятельности (и это необязательно глаголы или глагольные формы). Таким образом, можно говорить о том, что подобные вводные компоненты выполняют метатекстовую функцию.

Предложения с вводными компонентами, выражающими значение последовательности изложения мыслей, обнаруживают дополнительную логическую пропозицию каузального типа, поскольку содержат указание на характер логических связей в излагаемом сообщении. Особенно очевидна эта функция для вводных конструкций, являющихся показателем вывода, логического завершения изложения информации. Сравн.: *Перефразируя Декарта, можно сказать: «Я создаю новое – следовательно, существую»* (В. Мартынов). – *Я создаю новое, из чего можно сделать вывод о том, что я существую.* В предложениях с другими вводными конструкциями подобного типа наблюдается выражение дополнительных модусных смыслов, которые имеют ярко выраженный метатекстовый характер. Например: *Между прочим, мир тоже целостная форма, а именно верховная форма самой всеобъемлющей цельности* (В. В. Библихин). – *Среди прочего следует заметить, что мир тоже целостная форма <...>; Она важная, но совсем не сердитая; напротив, очень добрая, веселая* (Л. Н. Толстой). – *Она важная, но совсем не сердитая; о ней можно сказать противоположное: она очень добрая, веселая.*

Значение привлечения внимания собеседника (слушателя, читателя) выражается, как правило, вводными компонентами, представленными разнообразными глагольными формами (типа *знаете ли, вообразите, слушайте, можете себе представить*). Предикативность глагольной формы не нуждается в доказательствах, и, хотя в подобных случаях ее модально-временное значение может обнаруживать значительную степень «стертости», все-таки призыв к собеседнику быть более внимательным, выражаемый подобными вводными конструкциями, сохраняет модальность побуждения. Сравн.: *Нет, послушайте, Дарья Ивановна, вы этого не думайте* (И. С. Тургенев) –

Послушайте, Дарья Ивановна (= я прошу, хочу, нужно, было бы лучше и т. п.), чтобы Вы обратили внимание на то, что я сейчас скажу.

Значение степени обычности, повторяемости того, о чем сообщается, также связано с передачей дополнительной пропозиции (и одновременно дополнительной предикативности). Вводные конструкции, с помощью которых выражается данный тип семантики (слова и обороты типа *бывает, случается, как водится, как правило, как всегда* и т. п.), и без контекста, вне предложения, явно предикативны, с их помощью выражается логическая пропозиция характеристики (сообщаемое квалифицируется как обычное, повторяющееся, регулярно или редко случающееся и т. д.). Например: *Куклы, как правило, отражают людей своего времени* («Народное творчество», 2004, 06.21). – *Куклы отражают людей своего времени, это обычно.*

Ко вводным конструкциям со значением оценки меры, ограничения того, о чем сообщается, относятся обороты типа *самое большее, самое меньшее, по крайней мере, без преувеличений: Поэзия выше нравственности или, по крайней мере, совсем иное дело* (Б. Кенжеев). Подобные вводные обороты выполняют квалифицирующую метатекстовую функцию, которая может быть описана следующим образом: *Поэзия выше нравственности, во всяком случае можно определенно сказать, что она совсем иное дело.* Сравн. также: *Я, без всяких преувеличений, глядел на вас, как на существо высшее <...>* (И. С. Тургенев). – *Можно сказать без всяких преувеличений, что я глядел на вас, как на существо высшее.*

Заключение

Таким образом, предложения, содержащие вводные слова и конструкции разных семантических типов и традиционно рассматриваемые как осложненные, оказываются семантически неэлементарными. Вводные компоненты являются в предложениях выразителями дополнительной предикативности, а также способны выступать в качестве носителей дополнительной логической пропозиции. В большинстве случаев это пропозиция характеризующего типа, которая представляет квалификацию сообщаемого с точки зрения оценки, а также степени обычности, повторяемости, или каузальная пропозиция. Регулярной для вводных компонентов является функция передачи разнообразных модальных смыслов (прежде всего значения источника сообщения), а также метатекстовая (что наблюдается в предложениях с вводными компонентами, описывающими способ передачи информации и передающими значение меры или ограничения). Во многих случаях вводные компоненты полифункциональны. Для всех предложений, содержащих в своем составе вводные конструкции, наблюдается асимметрия структурного и содержательного планов, наличие семантической полипредикативности или полипропозитивности при грамматической монопредикативности.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Русская грамматика : в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 2 : Синтаксис / Е. А. Брызгунова [и др.]. – 709 с.
2. Современный русский язык : учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова [и др.] ; под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989. – 800 с.
3. Валгина, Н. С. Современный русский язык: Синтаксис : учеб. / Н. С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 2003. – 416 с.
4. Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис : учеб. / Л. А. Новиков [и др.] ; под общ. ред. Л. А. Новикова. – 3-е изд. – СПб. : Лань, 2001. – 864 с.
5. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов ; вступ. статья д-ра филол. наук, проф. Е. В. Клобукова ; ред. и коммент. проф. Е. С. Истриной. – 3-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.
6. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Издание седьмое. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.
7. Ломов, А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А. М. Ломов. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 416 с.
8. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – С. 53–87.

9. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц : в 3 ч. : учеб. для филол. спец. высш. учеб. зав. / В. В. Бабайцева [и др.] ; под ред. Е. И. Дибровой. – 2-е изд., доп. и перераб. – Ростов н/Д : Феникс, 1997. – Ч. III : Синтаксис. – 608 с.

10. Золотова, Г. А. Вводно-модальные слова в предложении и в тексте / Г. А. Золотова // Československa rusistika. – XXVIII. – 1983. – № 5. – С. 207–213.

11. Прияткина, А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения : учеб. пособие для филол. спец. вузов / А. Ф. Прияткина. – М. : Высш. шк., 1990. – 176 с.

12. Арутюнова, Н. Д. Пропозиция / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 401.

13. Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Т. В. Шмелева. – Красноярск : Красноярск. ун-т, 1988. – 54 с.

14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 25.01.2022.

Поступила в редакцию 18.02.2002

E-mail: elena_skorina@tut.by

E. I. Timoshenko

INTRODUCTORY WORDS AND CONSTRUCTIONS
AS A SIGN SEMANTIC NON - ELEMENTARITY OF THE SENTENCE

The article substantiates the meaningful polypredicativity of sentences that include introductory words, combinations and sentences. Additional predicativity expressed by the introductory component may be associated with the transmission of an independent logical proposition, usually of a characterizing (qualifying) or causal type, or additional modus meanings, including those bearing a metatextual load. Such sentences are characterized by asymmetry of grammatical structure and content.

Keywords: introductory constructions, additional predicativity, logical proposition, modus meaning, metatextual function, asymmetry of grammatical and meaningful sentence structure.

УДК 811.161.1'373.7: 821.161.1

О. Г. Яблонская¹, В. В. Новик², А. А. Демидовец³

¹Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и МПИЯ, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Студентка филологического факультета, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

³Студентка филологического факультета, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЛЕКСЕМОЙ «ДЕНЬ/DAУ»

Статья посвящена анализу фразеологизмов русского и английского языков в лингвокультурологическом аспекте. С применением методов описания, систематизации, сопоставительного анализа и интерпретации полученных данных рассматривается семантика русских и английских фразеологизмов с лексемой «день/day». На основе тематической классификации выявляются общие и специфические черты данных единиц, анализируются фразеологизмы, которые содержат в своей семантике национально-культурный компонент. Делается вывод о том, что фразеологизмы представляют собой языковой способ выражения культуры и мировосприятия в целом, участвуют в формировании языковой картины мира.

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, тема, тематическая направленность, лингвокультурология, языковая картина мира.

Введение

В последние десятилетия изучение фразеологических единиц (ФЕ) в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах является актуальным направлением, о чем свидетельствуют работы таких лингвистов, как В. М. Мокриенко, В. А. Маслова, В. Н. Телия, Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых, В. Е. Щербина и многих других. В центре внимания исследователей находятся вопросы семантики фразеологизмов, основы процесса фразеологизации, выявление национальной специфики в устойчивых выражениях.

Лексическая единица «день/day» относится к разряду существительных, отражающих восприятие окружающего мира, которые появились в языке в ранний период его становления. В результате длительного развития языка рассматриваемая единица стала компонентом большого количества устойчивых выражений. Сравнение фразеологических единиц русского и английского языков с компонентом «день/day» в рамках лингвокультурологического подхода способствует выявлению культурных и языковых особенностей разных народов, что обуславливает актуальность исследования.

Лингвокультурология – комплексная научная дисциплина, изучающая взаимосвязь и взаимовлияние культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания [1]. Фразеологизмы являются объектом изучения лингвокультурологии, так как их появление связано с различными изменениями в жизни людей, которые обусловлены прогрессом современного общества. Что-либо новое в жизни людей всегда находит своё отражение в речи. В. А. Маслова отмечает, что фразеологизмы, «отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [2, с. 82]. Наличие фразеологических единиц в том или ином языке говорит о богатой культуре различных народов и отражает их уникальность.

Объектом данного исследования являются фразеологические единицы русского и английского языков (в широком понимании), включающие в свой состав компонент «день/day». Предмет исследования – семантические характеристики и лингвокультурологические особенности фразеологизмов русского и английского языков, объединённых лексемой «день/day».

Цель – установить общее и специфическое в семантике русских и английских фразеологизмов, содержащих в своей структуре лексему «день/day», выявить национально-культурные основы процесса фразеологизации.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач: классифицировать рассматриваемые единицы на основе их значений и тематической направленности; выявить общие и специфические черты в семантике фразеологизмов с компонентом «день/day»; определить национально-культурную основу процесса фразеологизации русского и английского языков рассматриваемой группы фразеологизмов.

Методы и методология исследования

Из фразеологических словарей русского и английского языков путем сплошной выборки отобраны единицы с лексемой «день/day». Материалом исследования являются 58 фразеологизмов русского языка и 74 фразеологизма английского языка. Фразеологический анализ является «методом синхронного исследования в статике и динамике и допускает в случае необходимости привлечение исторических данных» [3]. Таким образом, выявление тематической направленности и национально-культурной составляющей в семантике ФЕ проводится с применением методов описания, систематизации, сопоставительного анализа и интерпретации полученных данных.

Результаты исследования и их обсуждение

Понятие «фразеологическая единица» трактуется учеными различными способами в зависимости от аспекта исследования. В основе данного анализа находятся следующие определения: фразеологизм – это «семантически связанное сочетание слов и предложений, которые <...> воспроизводятся в речи при фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-семантического состава» [4, с. 559]; фразеологические единицы (фразеологизмы) – устойчивые сочетания слов с осложнённой семантикой, не образующиеся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний [5, с. 4]. Таким образом, фразеологизмы являются целостными по составу единицами. Они не образуются в ходе коммуникации, а являются устойчивыми в том или ином языке. За ними закреплены определённые значения, сложившиеся в ходе языковых традиций. Фразеологизмы характеризуются постоянством и стабильностью структуры, которая находится в тесной связи с их значением.

Семантика фразеологизма определяется нами как информация, прямо ассоциируемая с данной единицей или потенциально содержащаяся в ней. Существенным фактором в семантике фразеологизмов является сдвиг в значении хотя бы одного из составляющих его компонентов. Лексема «день/day» в составе фразеологизмов связывает их с действительностью и является основой целостного значения фразеологизма. Выделение сем (тематических, коннотативных, культурных и др.), как минимальных компонентов значения, способствует систематизации рассматриваемой группы единиц.

Чтобы выявить роль лексемы «день/day» в становлении семантики фразеологизмов, необходимо остановиться на определении ее значения. В словаре понятие «день» трактуется как: 1. часть суток, промежуток времени от утра до вечера; 2. сутки, промежуток времени в 24 часа [6], английская лексема имеет схожее значение: a period of 24 hours, especially from twelve o'clock one night to twelve o'clock the next night [7]. Компонентный анализ значения фразеологизмов русского и английского языков позволил распределить данные выражения по следующим тематическим группам, в соответствии с выделяемыми в их значении семами.

1. Мероприятия: *Красный день календаря, День знаний, День Победы, День дурака, День ангела, День рождения, День варенья, День здоровья, День открытых дверей.*

В данной группе устойчивых выражений сохраняется семантика лексемы «день», номинативный компонент значения выходит на первый план, т.е. значение фразеологизма мотивировано значением лексемы, которое соотносится с протяженностью события.

2. Временной период:

a. Завершение жизненного пути: *на закате дней, остаток дней, кончат свои дни, дни сочтены.*

b. Ближайшее время: *на днях; днём раньше, днём позже; в один прекрасный день; до сего дня; по сей день; со дня на день; третьего дня; завтрашний день; сегодняшний день; вчерашний день.*

c. Постоянство: *изо дня в день, каждый божий день, не день и не два, день и ночь, дни и ночи напролёт, день-деньской, день в день, ни днём ни ночью.*

d. Ожидание: *дорого яичко ко Христову дню; вот тебе, бабушка, и Юрьев день; искать вчерашний день.*

В подобных выражениях происходит семантический сдвиг, на первый план выходит не номинативный, а дескриптивный компонент значения фразеологизма.

3. Характеристика процесса или явления: *день за днём, жить сегодняшним днём, день ото дня; не по дням, а по часам.*

В данной группе фразеологических единиц подчеркивается постоянство, беззаботность или быстрота происходящего события.

4. Проявление эмоций и отношения к чему-либо: *наводит тень на ясный день, день на день не приходится, грош цена в базарный день, грабёж среди бела дня.*

Во фразеологизмах данной группы преобладает оценочный компонент значения.

5. Наименование реалий: *на злобу дня, герой дня, повестка дня, полярный день, постный день, группа продлённого дня, на чёрный день, золотые деньки, горячие деньки.*

Устойчивые выражения двух последних групп представляют особый интерес в рамках лингвокультурологического подхода, т. к. в них отражается восприятие действительности определенным народом. Например, фразеологизм *повестка дня* образован от устаревшей формы глагола *повестить*, т. е. оповестить, уведомить, что соотносится русскоговорящим человеком со значением 'вопросы, подлежащие обсуждению на собрании, заседании'.

В основе семантики ФЕ *грош цена в базарный день* находится компонент *грош*, т. е. 'вышедшая из употребления старинная медная монета мелкого достоинства' [8, с. 44]. Фразеологизм указывает на незначительную ценность предметов или явлений.

Фразеологизм *на чёрный день* (т. е. на трудное время) создан на основе символического значения черного цвета в русской традиционной культуре, который ассоциируется с чем-то неблагоприятным и опасным.

Многие ФЕ, в состав которых входят наименования реалий русского народа, представляют собой устойчивые выражения нейтрального характера, т. е. в них отсутствует образный компонент значения. Они возникли относительно недавно в связи с развитием общественной и научной деятельности и используются как термины (*группа продлённого дня, полярный день* и т. п.).

В рамках предложенной классификации фразеологизмы английского языка отличаются от русского количественным распределением по группам:

1. Мероприятия: *All Fool's day, Forefathers' day, the happy day.*

Фразеологизмы данной группы характеризуются нейтрально-номинативным характером.

2. Временной период:

a. Завершение жизненного пути: *smb's days are numbered.*

b. Ближайшее время: *any day (of the week), between 2 days, one day, one fine day, one of these days, one's early days, the other day, some day, these days, in these latter days, in days to come.*

c. Постоянство: *all day long, day by day, day in (and) day out, from day to day, day and night, every other day, all one's born days.*

d. Ожидание: *the longest day must have an end, it is early days, late in the day, praise a fair day at night, a day after the fair, a day before the fair.*

В значении фразеологических единиц данной группы преобладает описательный компонент.

3. Характеристика процесса или явления: *live laborious days, one's salad day, in days of old, have one's day.*

Данные фразеологизмы отражают восприятие человеком определенного жизненного этапа.

4. Проявление эмоций и отношения к чему-либо: *all day with smb or smth, as the day (is long), the better day the better deed, the good old days, halcyon days, never is a long day, one of those days, one's day has gone, one's palmy days, as open as the day, plain as day as, that'll be the day, if a day, every day is not Sunday, fair and softly goes far in a day, have an off day, have had one's day.*

В перечисленных ФЕ проявляется такой семантический компонент, как критическая оценка.

5. Наименование реалии: *sufficient for the day is the evil thereof, perpetual day, save the day, of a day, banian day, day out, days of grace, drunken days have all their tomorrows, fine day for the ducks, bright as day, happy days, better days, a black-letter day, dark days, day off, evil days, a rainy day, a red-letter day, the day of doom, the day of judgement, a day of reckoning.*

Фразеологизмы данной группы выполняют номинативную функцию, при этом и лексема «day», и другие структурные компоненты выражений (существительные, прилагательные, глаголы) являются равнозначными в формировании семантики ФЕ.

Синтаксический строй английского языка также накладывает отпечаток на структуру фразеологизмов. Например, выражение *day off (выходной)* представляет собой сочетание существительное + предлог; подобный компонентный состав ФЕ отсутствует в русском языке.

К фразеологизмам английского языка с национальной культурной семантикой можно отнести следующие примеры.

Возникновение фразеологизма *banian day* (*постный день*) связано с морскими традициями, что обусловлено географическим расположением Англии. В 1884 году в целях экономии британским морякам не давали мяса или ограничивали их в пище по понедельникам, средам или пятницам [9].

Фразеологизм *its palmy days* (*период расцвета, лучшая пора*) характеризуется культурной семантикой, в основе которой находится историческая связь англоязычного населения с Древним Римом, где пальмовая ветвь являлась главным символом победы и триумфа [10].

Англоязычное *a red-letter day* является эквивалентом русского устойчивого словосочетания *красный день календаря*, т. е. праздничный день. В основе данных выражений лежит способ обозначения дня в календаре красным цветом. Однако, такого соответствия не выявлено у англоязычного словосочетания *a black-letter day*, которое соответствует выражению *будний день*. Такое несоответствие показывает различия в восприятии отдельных явлений, предметов разными народами.

Можно также отметить такое выражение, как *День сурка*, которое появилось в русском языке благодаря влиянию американской культуры и обозначает повторяющиеся события, однообразие. Англоязычное выражение *Ground-hog day* указывает на 2 февраля, день, когда, по народному поверью, сурок впервые выходит из своей зимней норы [11]. Данный пример показывает, что соответствие на структурном и лексическом уровнях не является основанием смыслового соответствия фразеологизмов в разных языках; в основе процесса фразеологизации выражений находятся культурные стереотипы и разные ассоциации представителей разных народов.

Классификация тематических групп рассматриваемых фразеологизмов представлена в таблице 1.

Таблица 1. – Тематические группы фразеологических единиц с компонентом «день/day» в русском и английском языках

Тематическая группа	Фразеологизмы русского языка	Фразеологизмы английского языка
1. Мероприятия	17,3 %	4,4 %
2. Временной период:		
1) завершение жизненного пути;	6,9 %	1,5 %
2) ближайшее время;	17,3 %	16,4 %
3) постоянство;	14 %	9,5 %
4) ожидание	6,9 %	8,3 %
3. Характеристика процесса или явления	8,8 %	5,5 %
4. Проявление эмоций и отношения к чему-либо	8,8 %	24,5 %
5. Наименование реалии	20 %	29,9 %

Как показал анализ, количественные показатели значительно отличаются в двух языках. Особенно это заметно в таких тематических группах, как «Мероприятия», «Временной период», «Проявление эмоций и отношения к чему-либо».

Так, в тематической группе «Мероприятия» русские фразеологизмы (17,3 %) преобладают над английскими (4,4 %). Это можно объяснить тем, что русский народ отличается богатой культурой, множественными обычаями и красочным фольклором. ФЕ с компонентом «день» раскрывают обычай и традиции русского народа, которые связаны с календарем, с церковными таинствами, праздниками и непростыми обрядами. На Руси календарь называли месяцесловом, который охватывал и описывал абсолютно весь год жизни крестьян. В нем каждому дню соответствовали определенные праздники или будни, народные приметы, всевозможные погодные явления, обычаи, традиции и суеверия [12]. ФЕ английского языка с компонентом «day» отражают чопорность и сдержанность нации, а также дружелюбие и отзывчивость этого народа.

В тематической группе «Временной период» (а именно завершение жизненного пути) также количественно преобладают русские фразеологизмы (6,9 % и 1,5 % соответственно). Связано это с тем, что тема смерти для англичан очень деликатна, а любое ее упоминание может оказаться неуместным. Так, весомым аргументом можно считать то, что рыдать и слишком горевать на поминках в Англии считается плохим тоном. Трапеза после похорон совершенно не похожа на поминки, к которым привык русский народ. У англичан это скорее обед или ужин, где гости общаются, делятся новым в жизни.

Однако, стоит отметить, что в некоторых ситуациях сдержанные англичане проявляют в речи эмоциональность и экспрессивность, тогда как речь русских людей более сдержанна. Этим объясняется количественное различие между русскими (8,8 %) и английскими (24,5 %) фразеологизмами в рамках тематической группы «Проявление эмоций и отношения к чему-либо».

Заключение

Таким образом, можно сказать, что на уровне тематики ФЕ русского и английского языков с лексемой «день/day» охватывают все рассмотренные сферы. В русском языке преобладают единицы групп «Мероприятия» и «Временные периоды», в английском – «Проявление эмоций и отношения к чему-либо». На уровне семантики можно отметить особенности, характерные для того или иного общества. В основе процесса фразеологизации таких выражений, как *День открытых дверей, Юрьев день, черный день, Banian day, a rainy day, fine day for the ducks*, находятся реалии, сохраненные в культурном мировосприятии отдельного народа. В процессе исследования было выявлено 20 ФЕ русского языка и 15 ФЕ английского языка, в которых проявляются лингвокультурологические особенности этих народов. Фразеологизмы, выражающие эмоции и отношение к чему-либо, а также обозначающие реалии той или иной страны, содержат в своей семантике национально-культурный компонент, который формируется на основе исторических событий, предметов быта, материальных или духовных ценностей, национальных символов. Кроме того, лексема «день/day» является ядерным компонентом в семантическом плане в 29,3 % русских единиц и в 29,7 % английских единиц, которые близки по семантическим характеристикам, что говорит о выделении определенных универсальных семантических компонентов, свойственных человечеству в целом. Значение лексической единицы «день/day» чаще проявляется во фразеологизмах английского языка, в русском языке наблюдается больший уровень фразеологической абстракции данного компонента.

Проведенный анализ способствует созданию представления о языковой картине мира русскоговорящего и англоговорящего народов, которая представляет собой выражение лингвистическими средствами представлений о мире. Фразеология отражает материальную и духовную культуру народа. Именно различные фразеологические единицы, выражающие дух народа, его мировосприятие, делают языковую картину более яркой и уникальной.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лингвокультурология [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: https://methodological_terms.academic.ru/851/ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ. – Дата доступа: 28.08.2021.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
3. Метод фразеологического анализа [Электронный ресурс] // Семантика фразеологических единиц. – Режим доступа: https://studbooks.net/2098573/literatura/metod_frazeologicheskogo_analiza. – Дата доступа: 28.08.2021.
4. Телия, В. Н. Фразеологизм / В. Н. Телия // Языкознание: большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Бол. Российская энциклопедия, 2008. – 685 с.
5. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М. : Высш. шк. ; Дубна : Феникс, 1996 – 381 с.
6. День [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/787210>. – Дата доступа: 28.08.2021.
7. Day [Электронный ресурс] // Meaning of day in English. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/day>. – Дата доступа: 28.08.2021.
8. Фелицына, В. П. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко / под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. – М. : Рус. яз., 1990. – 220 с.
9. Banyan days [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: https://top_english.academic.ru/7111/banyan_days. – Дата доступа: 09.12.2021.
10. Пальмовая ветвь [Электронный ресурс] // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – Режим доступа: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.93ff37fe-61e29ce5-ce47322b-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/%E2%B8%99. – Дата доступа: 09.12.2021.
11. День сурка [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа: <https://translate.academic.ru/%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%8C%20%D1%81%D1%83%D1%80%D0%BA%D0%B0/en/ru/>. – Дата доступа: 16.12.2021.

12. Значение традиции для русского народа в календарных праздниках, приметах. Их влияние на современную культуру [Электронный ресурс] // Культурология. – Режим доступа: https://studbooks.net/667945/kulturologiya/znachenie_traditsii_russkogo_naroda_kalendarnyh_prazdnikah_primetah_vliyanie_sovremennuyu_kulturu. – Дата доступа: 16.12.2021.

Поступила в редакцию 06.12.2021

E-mail: olga-yablonskaya@rambler.ru;
novikvaleria2001@mail.ru; angel10.com67@gmail.com

OlgaYablonskaya, Valeryia Novik, Angelina Diemidavets

LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE LEXEME
"ДЕНЬ/DAY"

The article is devoted to the analysis of phraseological units of the Russian and English languages in the linguistic and cultural aspects. The semantics of Russian and English phraseological units with the lexeme "день/day" is studied using the methods of description, systematization, comparative analysis and interpretation of the received data. On the basis of the thematic classification, the general and specific features of these units are revealed, phraseological units that contain national cultural component are analyzed. It is concluded that phraseological units are a linguistic way of expressing culture and world perception in general, they participate in the formation of the language picture of the world.

Keywords: phraseological unit, semantics, seme, thematic focus, linguistic and cultural study, language picture of the world.

МГПУ ИМ. И.П.ШВАКІНА

УДК 81'373.23:81'282

С. А. Янковская

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного, УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы», г. Гродно, Республика Беларусь

ПРОИЗВОДНЫЕ ЛОКАТИВЫ В СОСТАВЕ ГНЕЗД СИНТЕЗИРОВАННОГО ТИПА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ)

Статья посвящена описанию фрагментов словообразовательных гнезд производных субстантивов с семантикой локативности в диалектной подсистеме русского и белорусского языков. Рассмотрение подобных объединений родственных единиц в составе гнезд синтезированного типа позволяет оценить деривационный потенциал близких по родству языков, выявить семантико-словообразовательные особенности локативов в русских и белорусских народных говорах, обнаружить когнитивно значимые производные локативы, отсутствующие в одном из родственных языков.

Ключевые слова: производные локативы, словообразовательное гнездо синтезированного типа, моделирование фрагментов гнезд, диалектная подсистема языка.

Введение

Гнездовой подход в рамках словообразовательной системы языка исследовали Ш. Балли, И. В. Альтман, Е. Л. Гинзбург, Е. А. Земская, А. Н. Тихонов, И. А. Шишов и др. Данный принцип применяется в словообразовании для систематизации лексики на уровне словообразовательной системы, а также для исследования словообразовательных связей и отношений между родственными словами с точки зрения формы и содержания. В настоящее время в рамках данного объединения родственных единиц были рассмотрены различные группы лексики.

Еще одним направлением исследования современной лингвистики является межъязыковое и внутриязыковое сопоставление. Если целью межъязыкового сопоставительного исследования является обнаружение сходств и различий языковых подсистем разных языков, то цель внутриязыкового сопоставления – выявление сходств и различий подсистем одного языка (например, сопоставление русского литературного языка и русских народных говоров, белорусского литературного языка и белорусских народных говоров). Это объясняется тем, что одновременное изучение производных единиц литературного языка и диалектных слов помогает представить организацию типов и гнезд более разнообразно и широко. «Различные объединения родственных слов (словообразовательные цепочки, парадигмы, более сложные структуры, вплоть до словообразовательных гнезд и их фрагментов), безусловно, могут быть включены в поле рассмотрения с когнитивной точки зрения» [1, с. 194] и представляют достаточно интересный объект исследования и на материале русской, и белорусской народной речи. Как отмечает И. В. Евсеева, «привлечение в качестве исследовательского материала одновременно дериватов литературного языка, диалектных слов, просторечной лексики способствует более разнообразной и более полной демонстрации непрерывности смыслового пространства организации типов и гнезд» [2, с. 8]. Ведь совершенно очевидно, что «диалектное словообразование восполняет нереализованные возможности, если не формальные, то семантические словообразовательной системы литературного языка» [3, с. 147].

Необходимость рассмотрения лексики двух родственных языков с учетом диалектной подсистемы в рамках фрагментов синтезированных деривационных гнезд обусловлена «большей (чем в русском) степенью близости белорусского литературного языка к собственно диалектной основе» [4, с. 111].

В данной статье рассматриваются производные единицы с локативной семантикой в диалектной подсистеме двух близкородственных языков (русского и белорусского). Целью исследования является выявление семантико-словообразовательных особенностей производных локативов в русских и белорусских народных говорах в результате моделирования фрагментов гнезд синтезированного типа.

Для достижения данной цели были рассмотрены известные в теории словообразования и современной словообразовательной лексикографии [5], [6] принципы моделирования словообразовательных гнезд и их фрагментов как эффективный метод систематизации различных групп лексики,

в том числе диалектной. На значительном по объему фактическом материале (диалектные производные локативы), отобранном из словарей диалектной лексики, смоделированы фрагменты синтезированных деривационных гнезд с семантикой локативности. Основными методами исследования являются метод выборки, который позволяет отобрать необходимый языковой материал, описательно-аналитический метод, сопоставительный, метод морфемного и словообразовательного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Белорусский ученый-дериватолог, профессор А. В. Никитевич, основавший целую лингвистическую школу, объектом внимания которой является рассмотрение объединений родственных единиц с позиции деривации не только в современном русском языке, но и в других родственных языках в сравнительно-сопоставительном аспекте, отмечает, что «необходимость обращения к говорам связана с тем обстоятельством, что в таких близких по родству языках, как русский и белорусский, весьма своеобразным может оказаться “распределение” “общих” лексем по таким сферам, как литературный язык и говоры, по их “включенности” в разные деривационные объединения (словообразовательная парадигма, словообразовательная цепочка, фрагменты словообразовательных гнезд)» [7, с. 236].

Сопоставительный анализ деривации в русских и белорусских говорах при гипотетически возможном рассмотрении словообразовательных возможностей двух родственных подсистем как единого деривационного процесса позволяет выявить различные структурно-семантические особенности производных локативов в составе фрагментов гнезд синтезированного типа (русские и белорусские народные говоры).

В результате моделирования подобных фрагментов гнезд синтезированного типа обнаруживаются разноаффиксные однокорневые образования с семантикой локативности. Так, например, учитывая диалектные подсистемы двух родственных языков, фрагмент словообразовательного гнезда, вершиной которого является слово **огурец**, принимает следующий вид:

огурец

огурэчник ‘участок огорода, занятый под огурцы’ [8, вып. 22, с. 365];

агурэчышча ‘поле, дзе раслі агуркі’ [9, с. 21].

Суффиксы **-ник** и **-ище (-нік і -ышча)**, которые используются при образовании кодериватов, расширяют пространство гнезда синтезированного типа.

Сравните также обнаруженные производные единицы с локативной семантикой в русских и белорусских говорах с корневой морфемой **мок-** (**мак-**): в русских народных говорах – **вѣмоки** ‘пустые места в хлебном поле вследствие вымокания посевов’ [8, вып. 5, с. 313], в белорусских народных говорах – **вѣмакліна** ‘балота’ [9, с. 97].

В отдельных случаях, объединив производные существительные с локативной семантикой русских и белорусских народных говоров в составе одного словообразовательного гнезда, можно в рамках подобной, вполне возможной лингвистической модели получить весьма развернутые фрагменты гнезд синтезированного типа, например:

густой

густарник ‘густой лес’;

густель ‘густой лес, трава, рожь и т. п.’ (2-е знач.);

густыня ‘густой лес, чаща’ [8, вып. 7, с. 245–247];

гусцяк ‘густы лес’ [9, с. 121].

В ходе исследования деривационного потенциала диалектной лексики двух родственных языков (русского и белорусского) обнаруживаются производные локативы, расширяющие деривационное пространство гнезда и имеющие в словообразовательной структуре элементы, характер которых нельзя определить однозначно: это либо словообразовательные элементы, указывающие на пропущенные звенья в развертывании словообразовательной цепи, либо морфонологические наращенные. Так, например, в рамках фрагмента словообразовательного гнезда с вершиной **горох** находим следующие дериваты с семантикой локативности:

- в русских народных говорах – **горóховище** 1. ‘поле, место в поле, засеянное горохом’. 2. ‘поле, с которого убрали горох’. 3. ‘поле, которое раньше засевали горохом’ [8, вып. 7, с. 68], в белорусских народных говорах – **гарахавянішча** ‘поле, на якім рос горох’ [9, с. 110].

Таков неоднозначный статус морфемы **-ян-** в производном локативе белорусских народных говоров **гарахавянішча**.

В известной нам практике словообразовательной лексикографии нередкими являются случаи, когда в рамках единого словообразовательного гнезда объединены производные различных подсистем языка (литературный язык, говоры, сленг). Представленное в нашем случае моделирование фрагментов словообразовательных гнезд синтезированного типа (русские и белорусские говоры), на наш взгляд, также заслуживает внимания, поскольку позволяет выявить производные с идентичной корневой морфемой, которые выражают различные частные значения локативности.

Так, например, в русских народных говорах производные существительные с корневой морфемой **обед-** выражают семантику места, местонахождения:

обѣденка ‘крыльцо, на котором летом обедают’;

обѣдище ‘место, где обедают в пути (обычно не в доме)’;

обѣдник ‘холодная половина избы, обставленная лучшими вещами, где обедают летом и принимают гостей’ (2-е значение) [8, вып. 22, с. 26–27].

Сравните с белорусскими говорами, где производная единица с данной корневой морфемой выражает иные частные значения локативности (в частности, значение ‘сосуд’, ‘вместилище’):

абеднік ‘гаршчочак варыць страву’ [9, с. 11].

Кроме того, в русских народных говорах данные производные локативы обнаруживают эксплицитную связь с развернутыми характеристиками, представленными в составе словарных определений (**обѣденка**, **обѣдище**, **обѣдник** – ‘место, где обедают’), что нехарактерно для единицы белорусских говоров **абеднік**.

Одним из частных словообразовательных значений локативности является значение ‘там, где находится (находилось) то, что названо производящей основой’ [10]. Сравните производные существительные с семантикой локативности в русских народных говорах:

ма́сленица ‘посуда для масла, масленка’ [8, вып. 17, с. 383];

пепелі́ха ‘мешок для золы; мешочек с золой для получения щелока’ (1-е знач.) [8, вып. 25, с. 349] и др.

Возникает вопрос, существует ли производный локатив в говорах для обозначения емкости, вместилища для букета цветов. Так, в современном русском литературном языке в составе фрагмента словообразовательного гнезда, вершиной которого является единица **букет**, находим следующие производные: **букет** – **букетик**, **букетен**, **букетище**, **букетный** [5, с. 128].

Если брать во внимание надлитературную (диалектную) подсистему языка, то в ходе исследования обнаруживается, что в русских народных говорах отсутствует производный локатив для обозначения сосуда, вместилища для букета цветов. Однако когнитивно значимая семантическая позиция оказывается заполненной благодаря деривату белорусских народных говоров. Сравните: **букѣтніца** ‘ваза для кветак’ [9, с. 67]. Отсутствие такого производного локатива в русских народных говорах, возможно, объясняется переосмыслением семантики единицы:

букѣт в русских народных говорах – это ‘прозвище веснушчатого человека’ и ‘небольшой рыболовный снаряд для ловли снетка’ [8, вып. 3, с. 265].

Интересен и тот факт, что в результате детализации семантики деривата (не просто ‘ваза для кветак’, а ‘ваза для *хатніх* кветак’) в белорусских народных говорах может образовываться производный локатив, отсутствующий в русском языке (в литературной или диалектной подсистемах), например: **вазѣнніца** ‘пасуда для хатніх кветак’ [9, с. 76].

Моделируя фрагменты словообразовательных гнезд синтезированного типа, в составе которых имеют место производные локативы, в некоторых случаях отмечается отсутствие в тех или иных говорах отдельных звеньев словообразовательных цепочек. Так, например, в современном русском литературном языке номинациям лица **слесарь**, **гончар**, **пекарь** можно привести соответствующие локативы: **слесарь** – **слесарня**, **гончар** – **гончарня**, **пекарь** – **пекарня**.

Однословный производный локатив, представляющий значение ‘мастерская по изготовлению гончарных изделий’, в русских народных говорах отсутствует (при этом фиксируется номинация лица **гончарник**):

гончарник ‘гончар’ [8, вып. 7, с. 13].

Система белорусских народных говоров, хотя и «рождает» дериват с идентичной морфемной структурой **ганчарня**, однако в белорусском языке данный локатив представляет уже не значение ‘там, где изготавливают ...’, а значение вместилища:

ганчарня ‘увесь посуд, у якім вараць страву’ [9, с. 109].

Кроме того, возможно и обратное явление – разворачивание словообразовательных цепочек в диалектной подсистеме одного из родственных языков благодаря производным локативам,

специфическим для литературного языка. Так, например, в русских народных говорах находим локатив **одрына** 1. 'большой хлев для рогатого скота' // 'стойло для (всякого) скота'. 2. 'сарай' [8, вып. 23, с. 64], который в диалектной подсистеме русского языка не находит своего деривационного продолжения. Система белорусских народных говоров позволяет обнаружить такие производные, которые занимают полноправное место в рамках данного словообразовательного гнезда и расширяют синтагматические и парадигматические связи:

адрынак, адрынец 'прыбудова' [9, с. 26];

адрыніска 'месца, дзе стаяла адрына' [9, с. 26].

Отдельную группу локативов в русских и белорусских народных говорах составляют такие производные, в морфемной структуре которых имеются различные префиксы. Префиксация как способ образования активно используется при образовании дериватов с локативной семантикой в диалектной подсистеме в целом. Сравните, например, разнообразие префиксальных и префиксально-суффиксальных локативов в русских народных говорах:

подвоко́нье 'место под окном' [8, вып. 27, с. 362];

за́янга 'место за протокой' [8, вып. 9, с. 238];

надла́вочник 'полка в избе над лавкой, скамейкой' (1-е знач.) [8, вып. 19, с. 237];

предплéчик 'возвышение, уступ в берлоге – место, где медведь лежит' [8, вып. 31, с. 78];

межигрýдка 'бороздка, канавка между грядами' [8, вып. 18, с. 87];

прилúжье 'место рядом с лугом' (1-е знач.) [8, вып. 31, с. 280] и др.

Исследование показало, что в некоторых случаях в свободной системе говоров между префиксами производных единиц с локативной семантикой и материально тождественными предложениями соответствующих предложно-падежных форм имен существительных, приводимых в составе словарных определений, имеют место формально-смысловые коррелятивные отношения: 'место **за селом**' в русских народных говорах – **засéлье** (2-е знач.) [8, вып. 11, с. 28], 'пространство **между сараями**' – **межсарáйник** [8, вып. 18, с. 90] и др.

Интересным является процесс «свертывания» предложно-падежной формы существительного в производный локатив в русских и белорусских народных говорах. Так, например, в диалектной подсистеме русского языка в качестве однословного эквивалента для предложно-падежной формы **за гумнами** фиксируется несколько производных единиц, образующих отдельный фрагмент словообразовательного гнезда, в частности:

загумёнок 'место, часть огорода позади гумна';

загúменье и **загумéнье** 'место за гумнами';

загúмка 'то же, что загумэнье' // 'участок пахотной земли позади гумна' (1-е знач.) [8, вып. 10, с. 37].

Если в русских народных говорах предложно-падежная форма конденсируется в префиксально-суффиксальные локативы, то в белорусских народных говорах в качестве однословного эквивалента для предложно-падежной формы **за гумнами** находим локатив, образованный суффиксальным способом: **гумéнница** 'поле за гумнами' [9, с. 120].

Таким образом, в процессе «свертывания» предложно-падежной формы в однословный производный локатив в русских и белорусских народных говорах фиксируются единицы, образованные как суффиксальным способом, так и префиксальным, префиксально-суффиксальным.

Однако нельзя утверждать, что белорусские народные говоры в большей степени тяготеют к суффиксации как способу образования, чем к префиксации. Так, например, для предложно-падежной формы **за агародами** в белорусских народных говорах в качестве однословного коррелята находим локатив **загарóдзе** 'дарога за агародами' [9, с. 146].

При рассмотрении фрагмента словообразовательного гнезда синтезированного типа, в составе которого имеют место префиксально-суффиксальные производные локативы, коррелирующие с соответствующей предложно-падежной формой, обнаруживается, что русские и белорусские народные говоры взаимодополняют друг друга в процессе деривации. Так, например, в русских народных говорах значение 'место, промежуток между печкой и стеной' представлено однословными дериватами **запéчек** и **зáпечек** (1-е знач.), **запéчка**, **запéчник**, **зáпечье** и **запéчье** [8, вып. 10, с. 315–316]. В белорусских народных говорах находим локатив **запячýрак** 'прамежак паміж сцяной і печкай', который отсутствует в русских народных говорах [9, с. 157].

Кроме того, в диалектной подсистеме белорусского языка обнаруживаются такие производные локативы, которые отличаются от идентичных по семантике единиц литературного языка своими префиксами. Например:

амэжак ‘узмежак’ [9, с. 34];

выгóрак ‘узгорак’ [9, с. 93].

Ранее нами уже отмечалось, что «в русских народных говорах формально сходные с литературным языком словообразовательные типы семантически более богаты, так как они не ограничиваются исключительно выражением тех значений, которые зафиксированы в литературном языке, но могут представлять иные значения, в частности, локативную семантику» [11, с. 139]. Это касается большого количества словообразовательных типов, среди них:

- **S + -ар** (в русских народных говорах **свинáр** ‘хлев для свиней, свинарник’ [8, вып. 36, с. 280]),

- **V + -ух(а)** (в русских народных говорах **складúха** ‘специальное место, помещение для складывания чего-л., склад’ (1-е знач.) [8, вып. 38, с. 19]),

- **Adj + -ун** (в русских народных говорах **слабúн** ‘болотистое зыбкое место, тряси́на’ [8, вып. 38, с. 210]) и др. [11].

Такие словообразовательные типы становятся достаточно продуктивными в диалектной системе как русского языка, так и белорусского. Сравните, например, разнообразие дериватов с локативной семантикой в белорусских народных говорах, принадлежащих к словообразовательному типу **S + суффикс -іск-**:

бабóвіска ‘поле, на якім убралі боб’ [9, с. 48],

брушкóўніско ‘поле пасля ўборкі бручкі’ [9, с. 64],

бурачáніско ‘поле, дзе раслі буракі’ [9, с. 69],

капúсніска ‘месца, дзе расла капуста’ (2-е знач.) [9, с. 199],

канапляніско ‘канаплянішча’ [9, с. 196],

канюшbніска ‘канюшынішча’ [9, с. 198],

картóпліска ‘бульбянішча’ [9, с. 203],

лубóвіско ‘поле, дзе рос лубін’ [9, с. 240] и др.

При сопоставлении диалектных подсистем двух родственных языков (русского и белорусского) большой интерес могут представлять диалектные слова, появившиеся на основе заимствования из других групп славянских языков. Так, например, в польском языке находим словообразовательную пару **mleko** ‘молоко’ – **mleczarnia** ‘молокозавод’. Сравните дериват с локативной семантикой, обнаруженный в белорусских народных говорах:

млячáрня ‘малочны завод, пункт прыёму малака’ [9, с. 260].

Подобный диалектный производный локатив принадлежит к словообразовательному типу **S + -арн(я)**, который является продуктивным в системе говоров. Сравните, например, разнообразие дериватов данного словообразовательного типа в диалектной подсистеме русского языка: **кошáрня** ‘овчарня’ [8, вып. 15, с. 139], **лошадáрня** ‘конюшня’ [8, вып. 17, с. 167] и др.

Интересен и тот факт, что в говорах русского и белорусского языков значение ‘приемный пункт молока’ представлено производными с различными суффиксами: в белорусских говорах – **млячáрня**, в русских говорах – **молокáнка** (3-е знач.) и **молокóнка** [8, вып. 18, с. 234–236].

Благодаря взаимопроникновению единиц из других групп славянских языков возможно образование разноаффиксных синонимичных образований, которые связаны синтагматическими и парадигматическими отношениями с другими производными локативами внутри моделируемых фрагментов гнезд синтезированного типа.

Заклучение

В результате сопоставительного анализа диалектных подсистем двух родственных языков (русского и белорусского) выявлены различные структурно-семантические особенности производных локативов. В частности, в рамках гнезд данного типа обнаруживаются разноаффиксные однокорневые образования с семантикой локативности, которые могут образовывать разветвленные фрагменты гнезд и расширять деривационное пространство гнезда синтезированного типа. Также моделирование фрагментов словообразовательных гнезд с привлечением материала русских и белорусских народных говоров позволяет выявить когнитивно значимые производные локативы, отсутствующие в одном из родственных языков либо в их диалектной подсистеме и заполняющие пустующие семантические позиции. Интересным является исследование процесса «свертывания» предложно-падежной формы существительного в производный локатив в русских и белорусских народных говорах, поскольку в диалектной подсистеме двух родственных языков подобные предложно-падежные формы могут конденсироваться не только в префиксально-суффиксальные

локативы, но и в суффиксальные. Исследование показывает, что гнезда синтезированного типа могут содержать в своем составе единицы с локативной семантикой, заимствованные из других групп славянских языков.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Никитевич, А. В. Комплексные деривационные структуры в отношении к когнитивным структурам знания / А. В. Никитевич // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка : тр. и материалы / под общей ред. М. Л. Ремневой, А. А. Поликарпова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 194.
2. Евсева, И. В. Комплексные единицы русского словообразования: когнитивный подход / И. В. Евсева. – М. : Книжный дом «Либроком», 2011. – 310 с.
3. Никитевич, А. В. Опыт описания фрагмента лексико-словообразовательного гнезда (от литературного языка к диалектам) / А. В. Никитевич // Ф. М. Достоевский в современном поликультурном пространстве : сб. науч. тр. / отв. ред. Т. В. Сенькевич. – Брест, 2012. – С. 141–147.
4. Никитевич, А. В. Межъязыковые лакуны и диалектное словообразование в близкородственных языках / А. В. Никитевич // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка : XV Міжнародны з'езд славістаў, Мінск, 20–27 жніўня 2013 г. : даклады беларускай дэлегацыі. – Мінск, 2013. – С. 109–122.
5. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985. – Т. 1. – 856 с.
6. Ширшов, И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка / И. А. Ширшов. – М. : Изд-во АСТ, 2004. – 1024 с.
7. Никитевич, А. В. Деривационные объединения в составе диалектных подсистем близкородственных языков / А. В. Никитевич // Творба речі і вѣннi рэсурсы у словенским језицима: Књига резимеа : Четырнаеста научна конференција Комисије за творбу речі при Међународном комитету славіста, Београд, 28–30.05.2012. – Белград, 2012. – С. 235–243.
8. Словарь русских народных говоров : в 47 вып. – М. ; СПб. : Изд-во Академии наук СССР : Институт лингв. исследований РАН, 1965–2014. – Вып. 3, 5, 7, 9–11, 15, 17–19, 22, 23, 25, 27, 31, 36, 38.
9. Сцяшкoвiч, Т. Ф. Слоўнiк Гродзенскай вобласцi / Т. Ф. Сцяшкoвiч. – Мiнск : Навука i тэхнiка, 1983. – 671 с.
10. Белякова, Г. В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке : монография / Г. В. Белякова. – Астрахань : Издат. дом «Астраханский университет», 2007. – 170 с.
11. Янковская, С. А. Словообразовательные типы производных локативов в русском литературном языке и в говорах / С. А. Янковская // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та iмя I. П. Шамякiна. – 2016. – № 1 (47). – С. 138–144.

Поступила в редакцию 02.02.2022

E-mail: sv-y@yandex.ru

S. A. Yankouskaya

DERIVED LOCATIVES IN THE COMPOSITION OF SYNTHESIZED TYPE NESTS
(BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND BELARUSIAN FOLK DIALECTS)

The article is devoted to the description of fragments of word-formation nests of derived substantives with locativity semantics in the dialect subsystem of the Russian and Belarusian languages. Consideration of such associations of related units in the composition of synthesized type nests allows us to assess the derivational potential of closely related languages, identify semantic and word-formation features of locatives in Russian and Belarusian vernacular dialects, and detect cognitively significant derived locatives that are absent in one of the related languages.

Keywords: derived locatives, word-formation nest of synthesized type, modeling of nest fragments, dialect subsystem of the language.

ПЕРСАНАЛІІ

**ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УРОКА
В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ М. А. ДМИТРИЕВА**

Учитель, образ его мыслей – вот что самое
главное во всяком обучении и воспитании.
А. Дистерверг

Чтобы дать ученикам искорку знаний,
учителю надо впитать целое море света.
В. А. Сухомлинский

В системе профессиональной подготовки студентов педагогических специальностей центральное место занимает проблема научного осмысления будущими специалистами сущности и закономерностей процесса обучения. Без основательной дидактической подготовки студента трудно представить себе хорошего учителя-предметника, воспитателя, умеющего разумно управлять познавательной деятельностью учащихся, развивать умственную активность и творческий потенциал своих питомцев и на этой основе добиваться повышения эффективности образовательного процесса. Решению этой задачи способствует изучение педагогической науки, одним из разделов которой является дидактика. Именно этот раздел педагогики получил отражение в творческом наследии профессора М. А. Дмитриева, в его текстах лекций по дидактике, которые были названы «Дидактические очерки».

В них М. А. Дмитриев исходил из того, что многие студенты, начинающие, а иногда и много лет проработавшие в школе учителя пренебрегают педагогикой как наукой и весьма скептически оценивают ее роль в своей профессиональной деятельности. Они считают, что педагогическое мастерство приходит само собой вместе со стажем работы в школе и что якобы каждый учитель овладевает искусством обучения «своим путем», так сказать самоучкой. Эту же мысль иногда высказывают и преподаватели вузов, и даже профессора специальных научных дисциплин, изучаемых на педагогических факультетах. Но это далеко не так хотя бы потому, что сами такие профессора пришли к глубокому и всестороннему пониманию методики преподавания своего предмета через годы упорной научной и методической работы. В том числе и по вопросам педагогического сопровождения целостного образовательного процесса в учреждениях общего среднего и высшего образования. В этой связи М. А. Дмитриев ставил вопрос: «Почему же тогда будущий или начинающий учитель может овладеть психолого-педагогической наукой как само собой разумеющимися фактами и явлениями, связанными с воспитанием и обучением, развитием и формированием обучающихся в школе?»

Конечно, многие явления и процессы школьной жизни учитель осмысливает интуитивно. К тому же каждый учитель когда-то учился в школе и часто учит так, как учили его. Однако без специального педагогического образования начинающий учитель, как правило, видит, как идет процесс обучения, но не знает, почему, например, нельзя добиться прочных знаний, реализации их воспитательного потенциала в личностном развитии школьников без деятельностного подхода к организации учебных занятий [1].

Как известно, основной формой обучения в учреждениях общего среднего образования является урок. Подготовка к этой структурной единице учебного процесса включает в себя согласованную деятельность учителя и обучающихся при руководящей роли учителя. В этой связи у каждого педагога возникает система вопросов. Что входит в подготовку к уроку учителя? Какова роль учителя в подготовке обучающихся к уроку? Как согласуется деятельность всех участников образовательного процесса при подготовке учителя к урокам?

Ставя эти вопросы и отвечая на них, М. А. Дмитриев отмечал, что для хорошей подготовки к уроку учителю необходимо, во-первых, иметь всестороннюю общеобразовательную и специальную подготовку по преподаваемому предмету; во-вторых, готовится учитель к уроку как минимум

в два этапа: предварительно на протяжении всей своей работы в школе и ежедневно, перед каждым уроком. В предварительную подготовку учителя к уроку входят тщательное изучение требований пояснительной записки учебной программы, ее содержания и структуры. Крайне важно внимательно познакомиться со школьными учебниками и учебными пособиями для факультативных занятий. Особенно важно основательно проработать методические пособия по преподаваемому учебному предмету. Полезно также учитывать творческие аспекты из практики работы известных педагогов из других школ, анализировать опыт своих коллег и собственный опыт. По возможности учитель на основе имеющейся школьной документации знакомится с общей успеваемостью учащихся своих классов, динамикой учебных успехов отдельных учеников и отдельных классов в целом.

К началу учебного года составляется календарный план работы учителя по предмету для каждого класса. В настоящее время учитель использует календарные планы, рекомендуемые Министерством образования Республики Беларусь. Это позволяет внести во все календарные планы научно обоснованные стандарты усвоения изучаемых в школе предметов в отдельных учебных четвертях, полугодиях и в учебном году. Рекомендуемые Министерством образования календарные планы позволяют упорядочить бюджет времени учителей, делая акцент на творческую доработку календарных планов.

Однако учителю, по мнению М. А. Дмитриева, необходимо уточнять систему уроков по крупным темам и отдельным разделам с таким расчетом, чтобы были обеспечены строгое логическое изучение, усвоение и практическое применение знаний на практике, формирование учебных умений и навыков на основе дидактических принципов обучения. Особое внимание обращается на формирование у обучающихся научного мировоззрения. С целью достижения поставленных общих задач учитель осуществляет тематическое планирование, намечает примерное содержание отдельных уроков, определяет применение оптимальных методов, приемов и средств обучения, рассчитывает дозировку самостоятельных работ в школе и время на выполнение домашних заданий, намечая элементы творческой учебной деятельности своих подопечных. Сообразуясь с учебной программой, учитель намечает проведение экскурсий, лабораторных и практических работ, а также планирует и разрабатывает повторительно-обобщающие уроки, текущие и итоговые контрольные работы. Администрация учреждений образования осуществляет регулярный контроль за выполнением учителем учебных программ, решением основных задач и достижением целей обучения. Поэтому при непосредственной подготовке к конкретному уроку учитель определяет его место в системе уроков по своему предмету и общей системе полученных знаний, в формировании мировоззрения, умственного и разностороннего развития школьников в целом.

В дидактических очерках М. А. Дмитриева отмечается, что учитель продумывает и в обязательном порядке составляет рабочие планы каждого урока. Рабочий план является необходимым и обязательным документом для каждого учителя на каждом уроке. При его написании учитель отбирает и прорабатывает необходимую литературу, проверяет в действии технические и наглядные средства обучения и другое учебное оборудование. Готовясь к уроку, учитель много внимания уделяет подготовке раздаточного материала с целью проведения самостоятельной индивидуальной работы с обучающимися на различных этапах урока, определяет цели и задачи отдельных этапов урока. Особенно важно, чтобы к уроку учитель просмотрел внепрограммный материал и на уроке обсуждал с учениками информацию о научных достижениях в области преподаваемого предмета. Не менее важно учесть и наметить межпредметные связи, чтобы избежать дублирования материала, известного из других предметов, формировать целостное мировоззрение и научное понимание окружающей действительности.

По мнению М. А. Дмитриева, начинающим учителям рекомендуется составлять подробный конспект отдельного урока. Более опытные педагоги могут позволить себе составлять конспект урока в сжатой форме. При этом учитель должен так определить основные этапы и отдельные элементы урока, чтобы предвидеть варианты разрешения проблемных ситуаций, возможные дискуссионные суждения обучающихся, а также их ответы на контрольные вопросы учителя. План урока – это важное программное средство в работе учителя с обучающимися по достижению целей целостного образовательного процесса. Если план урока составляется, например, по математике, то учителю следует заранее решить все без исключения примеры и задачи, которые он будет предлагать обучающимся для коллективной, групповой или индивидуальной учебной работы. На уроках по языкам он записывает слова, словосочетания, предложения или делает ссылку на страницы пособий, из которых он будет использовать материал для выполнения письменных и устных упражнений, изучения языковых категорий. По любому учебному предмету учитель, готовясь

к уроку, проигрывает возможные его вариации. При подготовке к уроку обстоятельно обдумывает и структурирует новый учебный материал, методику его изложения, выбирает оптимальные методы, приемы и средства обучения, продумывает интонацию и отрабатывает речь, мимику, паузы, возможные эмоциональные моменты, методы и средства поддержания на уроке рабочей дисциплины и делового порядка. Благодаря этому он своим примером вызывает у детей интерес к своему предмету и воспитывает их нравственно, дает импульс к творческому развитию. Об этом следует помнить, готовясь к уроку, – писал М. А. Дмитриев [2].

Как считал М. А. Дмитриев, планом урока учитель может и должен пользоваться на уроке, в частности, он берет из плана предложения, примеры или задачи для решения с обучающимися в классе. Однако невозможно дать урок по только заранее разработанному плану-сценарию, так как урок – это педагогическое творчество учителя на основе приобретенных профессиональных компетенций, использования заранее подготовленных дидактических заготовок. Поэтому учитель может пользоваться рабочим планом урока и, вместе с тем, он должен интуитивно побуждать школьников активно усваивать учебный материал, применяя полученные знания при выполнении творческих заданий, проецируя их на условия реальной жизненной практики.

План урока должен содержать в себе ряд канонических элементов: дата проведения урока; тема и цели урока (учебно-познавательная, развивающая и воспитательная); этапы урока и краткое содержание учебного материала; методы организации учебной работы и приемы активизации познавательной деятельности учащихся; средства обучения, используемые на уроке; домашнее задание. Намечаются в плане урока фамилии обучающихся, знания которых необходимо проверить на уроке путём различных методов и приёмов учебного контроля. Разумеется, разрабатываемый план урока носит подвижный характер. При этом все компоненты урока должны быть последовательными и взаимосвязаны между собой, предусматривать систему повторения и закрепления изучаемого материала. Рабочие планы отдельных уроков дают учителю ориентир на то, что он будет делать сам и чем будут заниматься ученики все 45 минут учебной работы.

Чтобы успешно провести урок, отмечал М. А. Дмитриев, необходимо хорошо организовать предварительную подготовку обучающихся к работе по усвоению нового учебного материала. Учитель постоянно убеждает обучающихся в первостепенной значимости выполнения домашних заданий как необходимого условия овладения содержанием учебного предмета. Задавая домашнее задание, учитель обращает внимание обучающихся на отдельные детали, необходимые для более глубокого усвоения учебного материала: изготовить простейшие пособия, провести наблюдения или подготовиться к проведению самостоятельной творческой работы, а также заранее планируемых контрольных работ.

Система подготовки и проведения урочных занятий рассматривалась М. А. Дмитриевым с точки зрения интеллектуальных качеств человека образованного и разносторонне развитого. Именно такой человек был идеалом образовательного процесса в 60–70-е годы прошлого столетия. Такой идеал соответствовал понятию о человеке, способном усваивать энциклопедическую сумму знаний и после окончания школы приступить к их практическому воплощению в жизнь. В те годы была поставлена задача учить не только тех, кто хотел и стремился хорошо учиться, но и приступить к переходу на всеобщее среднее образование. Поэтому М. А. Дмитриев в своих педагогических работах отразил условия и доступные учителю средства управления учебно-познавательной деятельностью детей и учащейся молодежи. М. А. Дмитриев во многом руководствовался идеями великого представителя классической педагогики Я. А. Коменского, который считал, что в обучении важны три стороны: ученик, способный и желающий учиться; учитель, который умеет и хочет учить, а также методы и формы преподавания установленного содержания образования. К системе дидактических постулатов классической педагогики М. А. Дмитриев добавил идею востребованности полученного образования в условиях жизнедеятельности конкретного индивида и общества в целом. Имелась в виду обязательная ориентация на профессиональное самоопределение обучающихся после завершения обучения в школе [3].

Все это в полной мере относится и к практической работе современного учителя, дидактической эрудиции которого М. А. Дмитриев придавал первостепенное значение. В известном смысле ученый в педагогических публикациях суммировал свой жизненный путь, представил дидактические итоги своей работы в качестве учителя и руководителя учреждений общего среднего и высшего образования, в том числе в МГПУ им. И. П. Шамякина и ГГУ им. Ф. Скорины. Поэтому в написанных им дидактических очерках изложены не только уже известные истины о наиболее важных проблемах дидактики, но и выражено свое отношение к тому, как наиболее успешно

организовать школьное обучение, на каких принципах его осуществлять, какими методами и формами, в особенности как подготовить и провести урок – основную форму учебной работы в школе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кадол, Ф. В. Обучение как целостная педагогическая система : практическое пособие / Ф. В. Кадол ; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. – 46 с.
2. Дмитриев, М. А. Тексты лекций по дидактике / М. А. Дмитриев ; М-во просвещения БССР, Минский пединститут им. А. М. Горького. – Минск, 1981. – Ч. 4. – 45 с.
3. Новиков, Л. И. В. А. Сухомлинский, М. А. Дмитриев: отданные детям сердца. Педагогические новаторы : для ст. шк. возраста / Л. И. Новиков. – Минск : Белорусская Энциклопедия имени Петруся Бровки, 2021. – 104 с.

Ф. В. Кадол,
доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой педагогики
ГГУ им. Ф. Скорины

МГПУ им. И. П. Шамшуркина

РЭЦЭНЗІІ

УДК 373.2.013.43

Н. С. Старжинская

Доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры методик дошкольного образования,
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»

**ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Палиева, Т. В. Генезис теории и практики поликультурного образования детей дошкольного возраста в Беларуси : монография / Т. В. Палиева. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2021. – 250 с.

Теория и практика поликультурного образования прошли серьезный эволюционный путь. Зародившись как образование для детей национальных меньшинств, преимущественно мигрантов и беженцев, сегодня поликультурное образование учитывает не только полиэтнический состав каждого конкретного общества, но и поликультурность мира, обеспечивая подготовку подрастающего поколения к жизни в глобализованном социуме. Амбивалентность протекающих глобализационных процессов (с одной стороны, глобализация стремится к гомогенизации, стандартизации и унификации различных сфер жизни общества, что рассматривается как угроза сохранению национального своеобразия, традиционных культурных ценностей, а с другой – способствует взаимосвязи и взаиморазвитию различных национальных институтов, культур и общественных систем) требует адекватной реакции образовательной деятельности. Распространение информационно-коммуникативных технологий, расширение межнациональных реальных и виртуальных контактов, активизация миграционных процессов, обострение национальных и религиозных конфликтов выводят поликультурное образование на особую позицию, требующую глубокого осмысления и поиска наиболее эффективных способов его осуществления. Огромное количество глобальных проблем, таких как проблемы продовольствия, биосферы, ресурсов, демографии, здоровья человека и др., человечество может решить только сообща, поэтому так важно формировать у подрастающего поколения глобальные компетенции. Все вышеперечисленное актуализирует поликультурное образование и делает его одним из перспективных векторов развития современной образовательной практики. Поликультурное образование имеет огромный потенциал, позволяющий обеспечить релевантность образовательной системы современным социальным вызовам.

Важность и значимость поликультурного воспитания и обучения приводят к объективной необходимости основательного переосмысления функционирования национальной образовательной системы, начиная с ее первой ступени – дошкольного образования.

Монография Т. В. Палиевой представляет собой фундаментальный научный труд, где впервые выявлен, систематизирован и обобщен опыт осуществления дошкольного образования на территории Беларуси в XIX – начале XXI века в условиях языкового, конфессионального и социального многообразия. Актуальность исследования Т. В. Палиевой обусловлена необходимостью осмысления накопленного историко-педагогического опыта реализации поликультурного дошкольного образования на белорусских землях для определения современных направлений развития отечественной образовательной системы в условиях глобализации и решения задач успешной интеграции белорусского государства в мировое социокультурное пространство при обеспечении его гуманитарной безопасности с сохранением национального своеобразия и традиций.

Результаты проведенного Т. В. Палиевой историко-педагогического исследования, представленного в монографии, способствуют расширению трактовки понятия «поликультурное дошкольное образование», его рассмотрению в более широком контексте, т. е. во взаимосвязи с социальными, экономическими, политическими, религиозными и языковыми особенностями

развития белорусского общества. Поликультурное дошкольное образование понимается автором как образование, в котором представлены две и более культур, отличающихся по языковому, этническому и национальному признакам, направленное на приобщение детей дошкольного возраста к этнической, национальной и мировой культуре, развитие на этой базе основ общепланетарного мировоззрения, усвоение культурно-исторического и социального опыта различных стран и народов, формирование готовности и умения жить в глобализационном мире с сохранением и укреплением национальной идентичности. При этом Т. В. Палиева рассматривает поликультурное дошкольное образование как сложную открытую динамическую систему, обладающую качествами единства и целостности, которая вырастает в социальную среду и впитывает многообразие социальной, культурной, этнической, религиозной, лингвистической палитры общества. Отличительной особенностью его реализации в Беларуси в различные исторические периоды является включение белорусского, русского, этнического (язык национальных меньшинств) и иностранных языков, задач поликультурного воспитания и формирования национального самосознания в содержание программ дошкольного образования.

Оригинальным и значимым является вклад автора в определение ведущих предпосылок, факторов, специфических особенностей, этапов и тенденций генезиса теории и практики поликультурного образования детей дошкольного возраста. В процессе проведенного историко-педагогического исследования установлены детерминационные зависимости сущностных характеристик поликультурного дошкольного образования как социально-педагогического феномена со стороны осмысления особенностей его функционирования в соответствующей времени и месту культуре. Отличительной особенностью работы является обширный охват проблем и аспектов рассматриваемого предмета исследования, которые до настоящего времени не были целостно представлены ни в отечественных, ни в зарубежных научных работах. Особую значимость имеет разнообразие использованных источников и историко-педагогических фактов, которые подвергаются глубокому многоуровневому анализу. В работе представлены малоизвестные архивные документы, материалы периодических педагогических изданий, которые обновляют белорусскую историко-педагогическую и методологическую исследовательскую базу.

Обращение к историческому педагогическому опыту, его осмысление и обобщение значимы не только с точки зрения дальнейшего использования накопленных теоретических и практических знаний, но и способствуют более точному и адекватному современным потребностям общества пониманию перспектив развития исследуемых педагогических явлений и процессов.

Результаты историко-педагогического исследования, представленного в монографии, позволяют автору сформулировать определенные выводы прогностического характера, которые касаются тенденций развития полилингвального обучения и поликультурного воспитания детей дошкольного возраста на современном этапе, выявленных на основе аналитического обобщения конкретных историко-педагогических явлений, близких по своему смыслу и значению к современной практике поликультурного дошкольного образования. При этом Т. В. Палиевой учтены особенности историко-педагогического контекста времени, специфика ментальных проявлений, своеобразие духовного опыта, а также особенности развития отечественной дошкольной педагогики и практики образования.

Понимание социоэтнокультурной и собственно педагогической специфики реализации поликультурного дошкольного образования на территории Беларуси позволяет осуществлять коррекцию современных концептуальных подходов и стратегий. Предложенная автором аксиолого-прогностическая модель развития поликультурного дошкольного образования в Республике Беларусь учитывает особенности исторического развития данного педагогического явления. Представленные в монографии результаты исследования показывают, что отечественное поликультурное дошкольное образование становится действенным фактором социально-экономического развития общества, гуманизации педагогической деятельности, развития образовательной системы в соответствии с требованиями времени и мировыми тенденциями.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статьи объёмом 14 000–25 000 печатных знаков (включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и др.; учитывается текст статьи без аннотации, ключевых слов, списка основных источников) на русском (белорусском) языке в одном экземпляре направляются простым (заказным) письмом по адресу: ул. Студенческая, 28, 247777, Мозырь, Гомельская обл. и по электронной почте: vesnik.mgpu@mail.ru.

Текст должен быть набран на компьютерной технике в текстовом редакторе (Word 97, 2000, 2003, 2007, 2010 for Windows); шрифт Times New Roman, 10pt; одинарный межстрочный интервал; абзацный отступ 1,25 см; подписи к фотоснимкам, графикам, рисункам, диаграммам набирать шрифтом Times New Roman (9pt, п/ж), поля – левое, правое, нижнее, верхнее – по 30 мм. Номера страниц внизу по центру.

2. В левом верхнем углу размещается индекс УДК.

3. Далее через 1 интервал по центру помещаются инициалы и фамилия автора (авторов) и сведения об авторе (авторах) на русском (белорусском) и английском языках:

- фамилия, имя, отчество полностью;
- учёная степень и звание;
- должность;
- подразделение организации (кафедра);
- место работы (полное название организации).

Для магистрантов и аспирантов – сведения о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание).

4. Далее через 1 интервал по центру заглавными буквами без переносов печатается название статьи на русском (белорусском) и английском языках, которое должно быть кратким, отражать основную идею выполненного исследования.

5. Ниже через 1 интервал печатается аннотация (рекомендуемый объем – 500 печатных знаков) на русском (белорусском) и английском языках, которая должна быть информативной (не содержать общих слов), содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований), структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

6. Ключевые слова и словосочетания на русском (белорусском) и английском языках (до 15 слов).

Далее с абзацного отступа печатается текст статьи со следующей структурой, обозначенной в тексте:

Введение (дается краткий обзор литературы по данной проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формируется и обосновывается цель работы и ее актуальность; если необходимо, указывается ее связь с важными научными и практическими направлениями. Анализ источников, использованных при подготовке научной статьи, должен свидетельствовать о знании автором (авторами) научных достижений в соответствующей области).

Методы и методология исследования (описываются методики, материалы исследования, основные методологические принципы и подходы).

Результаты исследования и их обсуждение (подробно освещается содержание исследования, проведенного автором (авторами); полученные результаты должны быть проанализированы с точки зрения их достоверности, научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными).

Заключение (кратко формулируются основные результаты, полученные автором).

7. Рекомендуется термины, основные понятия, языковой материал, используемый для анализа или в качестве примеров, печатать **полужирным шрифтом** или *курсивом*.

8. В специальной и терминологической лексике, а также в именах собственных точность передачи букв *ё* и *е* обязательна.

9. В конце статьи дается перечень принятых в статье обозначений и сокращений (при их наличии).

10. Ссылки на литературные источники нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок записываются внутри квадратных скобок (например: [1], [2], [3, с. 14], [5, с. 10–12]).

11. Список цитированных источников располагается в конце текста под заголовком «СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ» / «СПІС АСНОЎНЫХ КРЫЊІЦ» и оформляется в соответствии с требованиями Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь (ГОСТ 7.1–2003).

12. Распечатанный вариант статьи подписывается автором (авторами) и руководителем научного исследования на каждой странице.

13. К статье прилагаются:

а) рекомендация кафедры, научной лаборатории или учреждения (выписка из протокола заседания);

б) почтовый адрес для переписки, номера рабочего и домашнего телефонов, e-mail каждого автора.

в) договор о передаче исключительного права в двух экземплярах (см. на сайте УО МГПУ имени И. П. Шамякина («Научная деятельность») «Научный журнал “Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна”»); www.msru.by);

Редакционная коллегия журнала проводит независимую экспертизу, что является одним из основных условий опубликования поступающих рукописей. Основными критериями при оценке являются новизна, актуальность и информативность материала. В случае отклонения статьи редакция сообщает автору о решении редколлегии, рукопись автору не возвращается. Решение о доработке статьи не означает, что она принята к печати. После доработки датой поступления рукописи считается день предоставления в редакцию исправленного варианта.

Редакция не вступает в дискуссии с авторами по поводу отклоненных работ.

Недопустимо предлагать редакции ранее опубликованные статьи или работы, принятые к печати другими изданиями, а также материалы, не подлежащие к опубликованию в открытой печати, в соответствии с действующими законодательными актами Республики Беларусь.

За опубликование научных статей плата не взимается.

В Правилах для авторов возможны изменения, с которыми можно ознакомиться на сайте УО МГПУ им. И. П. Шамякина.